

С.А. Корсун

АМЕРИКАНИСТИКА В МАЭ В XX–XXI ВЕКАХ: СОБИРАТЕЛЬСКАЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Настоящее исследование посвящено истории становления и развития американистики в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) в XX–XXI вв.¹ В нем рассматривается история исследований по американистике и формирования американских фондов МАЭ.

Для начала выделим основные хронологические этапы в развитии собирательской и исследовательской работы по американистике в музее. Первый этап связан с деятельностью В.В. Радлова — Л.Я. Штернберга и охватывает период с 1898 по 1927 г. В это время фонды МАЭ активно пополнялись коллекциями из многих историко-этнографических областей Америки главным образом через обмен с зарубежными музеями. Второй этап связан с деятельностью В.Г. Богораза и его учеников в период с 1928 по 1941 г., когда приток коллекций из заграницы значительно сократился, но после реорганизации музеев внутри страны в МАЭ стали поступать американские коллекции из других музеев и учреждений. Третий период, с 1941 г. до середины 1950-х годов, стал временем тяжелых испытаний, связанных с Великой Отечественной войной и восстановлением деятельности музея в послевоенный период. Следующий период связан с научными исследованиями второй половины XX в., когда сотрудники отдела опубликовали более десятка монографий и возобновили научные связи с зарубежными коллегами. Последний этап посвящен развитию американистики в МАЭ в настоящее время.

Наряду с исследованием традиционной культуры народов Америки сотрудники отдела занимались изучением алеутов Командорских островов и азиат-

---

¹ Автор выражает благодарность сотрудникам МАЭ, Института этнологии и антропологии, Государственного Эрмитажа: Д.В. Арзютову, Ю.Е. Березкину, А.А. Бородатовой, В.Н. Кислякову, Ю.А. Купиной, Д.А. Мачинскому, Е.А. Михайловой, Е.С. Питерской, Е.С. Соболевой, М.В. Станюкович, А.И. Терюкову, Е.Б. Толмачевой, Л.М. Яковлевой, О.В. Яншиной за консультации и помощь в поиске материалов для данной работы.

ских эскимосов, хотя формально эти народы относятся к населению Сибири. Алеуты Командорских островов в первой четверти XIX в. были переселены с Алеутских островов на острова Беринга и Медный. Азиатские эскимосы — коренной народ Сибири, но в то же время они являются составной частью единого эскимосского этноса, основная часть которого расселена на территории американской Арктики и Субарктики.

При перечислении монографий и статей сотрудников отдела будут упомянуты наиболее важные работы, внесшие существенный вклад в американистику, и наименее известные публикации сотрудников, работавших в музее в первой половине XX в.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.В. РАДЛОВА — Л.Я. ШТЕРНБЕРГА

В 1894 г. директором МАЭ стал академик **Василий Васильевич Радлов** (1837–1918) (рис. 1), с его приходом наступил новый период в истории музея. Познакомившись с его работой, В.В. Радлов коренным образом изменил систему сбора, учета, хранения и регистрации коллекций, внес существенные изменения в образовательную, выставочную и научную деятельности. В то время штат МАЭ состоял из нескольких человек, поэтому В.В. Радлов стал привлекать сотрудников для выполнения разовых работ, говоря современным языком — по договору.

Рис. 1. В.В. Радлов

В 1892 г. для регистрации коллекций пригласили **Карла Карловича Гильзена** (1864–1918) (рис. 2), в 1896 г. он начал регистрацию североамериканского собрания МАЭ. Л.Я. Штернберг отмечал: «Музею очень посчастливилось в лице К.К. Гильзена найти человека, который не только взялся за <...> приведение в порядок этих ценных собраний, но и с особенной любовью отдавался своему делу» [Штернберг, Ольденбург 1907: 62]. К.К. Гильзен начал работу с временной регистрации всего североамериканского собрания. К каждому предмету он изготовил картонную этикетку круглой формы в металлической рамке, на которой написал номер временной регистрации с дополнительным буквенным обозначением. Буква обозначала этническую принадлежность. Благодаря временной регистрации стало известно, сколько в МАЭ находится предметов по отдельным народам. Такая работа была необходима для подготовки новой экспозиции, где предполагалось выставить вещи по народам, а не по собирателям, как это практиковалось ранее.

Затем К.К. Гильзен приступил к постоянной регистрации с присвоением коллекциям музейных номеров, которые сохраняются до наших дней. Одновременно с составлением описей он занимался созданием карточного каталога. На каждый предмет завели карточку, в которую записали его название, номер временной и постоянной регистрации и народ, к которому он относится. Также в карточку вклеивались все имеющиеся этикетки к конкретному предмету. Регистрацией североамериканского собрания К.К. Гильзен занимался с 1896 по 1903 гг. включительно. За это время он зарегистрировал 829 пред-

Рис. 2. К.К. Гильзен

метов. Другие сотрудники музея зарегистрировали 136 предметов. Таким образом, всего было зарегистрировано 965 из 2218 североамериканских предметов, которые числились в МАЭ в 1889 г. К сожалению, К.К. Гильзен не успел полностью зарегистрировать даже собрание И.Г. Вознесенского, хотя оно было ему хорошо известно. Он зарегистрировал около четырехсот предметов в коллекциях № 570, 571, 593, 620. К.К. Гильзен готовил к печати подробную биографию И.Г. Вознесенского, но успел опубликовать только краткий очерк о его экспедиции в Русскую Америку [Гильзен 1916].

Другим помощником В.В. Радлова в деле преобразования музея стал **Лев Яковлевич Штернберг** (1861–1927) (рис. 3). Он начал работу в музее в 1901 г. в возрасте сорока лет. К этому времени Л.Я. Штернберг имел большой опыт полевой работы и был известен как исследователь народов Дальнего Востока России. Но специального образования и опыта музейной работы у него не было. Академик В.В. Радлов, принимая Л.Я. Штернберга на работу, сказал: «Музейным человеком никто не рождается, музейные люди вырабатываются в процессе работы» [Ратнер-Штернберг 1928: 35]. Эти слова в отношении Л.Я. Штернберга полностью оправдались. Первое время он работал без оклада, а когда в 1902 г. получил диплом о высшем образовании, его зачислили в штат на должность младшего этнографа, а в 1904 г. перевели на должность старшего этнографа.

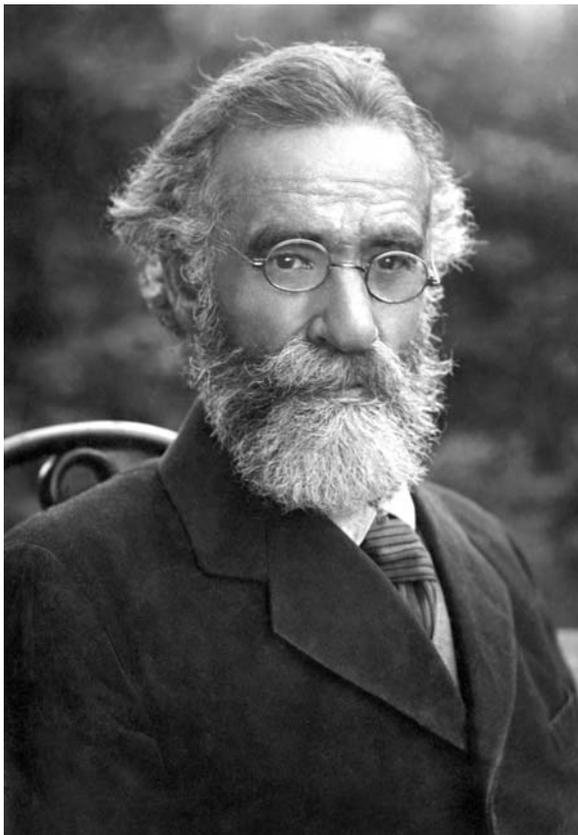

Рис. 3. Л.Я. Штернберг

С конца XIX столетия в обществе и Академии наук широко обсуждался предстоящий в 1903 г. 200-летний юбилей основания Санкт-Петербурга. В связи с организацией праздничных мероприятий В.В. Радлову в 1899 г. удалось добиться расширения экспозиционных площадей музея и увеличения его штата. Для создания новой экспозиции провели ревизию коллекций. Л.Я. Штернберг писал, что несколько тысяч экспонатов пришлось разделить «сначала по крупным территориям, затем по отдельным культурно-этническим группам и внутри каждого подразделения распределить объекты по отделам и подотделам культуры» [Штернберг, Ольденбург 1907: 53–54]. Все сотрудники музея работали с большим энтузиазмом. В течение 1902–1903 гг. они создали новую экспозицию в двух этажах музейного здания в Таможенном переулке. Знакомство со всем собранием музея позволило определить лакуны в «культурно-этнических группах», т.е. по народам историко-этнографических областей. Выяснилось, что среди североамериканских коллекций кроме народов Русской Америки имеется лишь около десятка экспонатов по «канадцам» и около сорока предметов по ирокезам. Полностью отсутствовали коллекции по огромным регионам США и Канады. Еще хуже обстояло дело с коллекциями по народам Центральной и Южной Америки. Несколько сот народов этого региона были представлены 257 предметами, из них лишь коллекция Г.И. Лангсдорфа была собрана во время научной экспедиции. Остальные вещи относились к случайным сборам и не могли дать представления о традиционной культуре отдельных народов. В.В. Радлов пришел к выводу, что дальнейшая работа в музее невозможна без знания методики этнографического музееведения в других странах и без подготовленных специалистов. В преобразовании музея приходилось преодолевать множество бюрократических преград. Неоднократные обращения В.В. Радлова по поводу увеличения штата и финансирования музея вызывали недовольство президента ИАН Великого князя Константина Романова.

По поручению В.В. Радлова в 1903 г. Л.Я. Штернберг предпринял научную командировку для знакомства с организацией музейного дела в Германии. Он посетил ряд музеев Берлина и Лейпцига и установил партнерские отношения с немецкими коллегами. «Во многих случаях тут, несомненно, сыграли роль тот престиж и те старые связи, которые сохранил В.В. Радлов за границей, особенно в Германии» [Ратнер-Штернберг 1928: 47]. Как эволюционист, Л.Я. Штернберг хотел показать в музее предметы большинства народов мира для наглядной демонстрации развития человеческой культуры от простого к сложному, чтобы «иллюстрировать все фазы культурных достижений человечества в их последовательном развитии» [Ратнер-Штернберг 1928: 45].

В Лейпциге Л.Я. Штернберг познакомился с Германом Мейером (братом Ганса Мейера), который в течение 1895–1896 и 1898–1899 гг. проводил исследования в Бразилии и Эквадоре среди индейских племен ауэти, бакайри, кабиши, камаюра, мехинаку, трумаи, хиваро, яулапити. В то время этот регион был плохо изучен. Впервые этнографические исследования среди этих индейцев провел Карл Штейнен в 1884 и 1887–1888 гг. [Штейнен 1935; Круше 1975]. В дальнейшем Г. Мейер стал постоянным корреспондентом МАЭ, жертвовал музею значительные суммы денег, оплачивал покупку коллекций и организацию экспедиций. В Санкт-Петербург Л.Я. Штернберг привез коллекцию Г. Мейера из 203 предметов культуры индейцев района верховий Шингу (№ 785). В 1904 г. благодаря посреднической деятельности Г. Мейера МАЭ

получил две коллекции по арауканам, огнеземельцам, аймара и археологическим артефактам из 698 предметов, собранных Оскаром Менгельбиром в Чили, Перу и Боливии (№ 845, 846). Из вещей арауканов в их состав входили ткацкий станок, образцы тканей, ковры, большой набор пончо, головные уборы, орнаментированные пояса, а также «оригинальное собрание утвари, музыкальных инструментов, предметов культа. Из этих последних обращает на себя внимание гигантский надгробный памятник — изображение предка, живо рисующий оригинальные кладбища арауканов» [Штернберг, Ольденбург 1907: 6]. Об этой фигуре в путеводителе 1919 г. сказано: «Старый могильный памятник, сделанный из древесного ствола в виде человеческой фигуры, изображающей предка, привезен из Темуко» [Гильзен 1919: 48]. К археологическим находкам относятся «каменные и костяные орудия и рыболовные принадлежности из Чили и, наконец, прекрасные образцы керамики древнеперуанского типа» [Штернберг, Ольденбург 1907: 63]. Вещи огнеземельцев были собраны О. Менгельбиром в районе Магелланова пролива у Пунта Арена и на острове Исабель. В коллекцию № 846 вошли в основном серебряные изделия арауканов.

Сотрудничество с Ф. Боасом

Сотрудничество между Американским музеем естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) и МАЭ началось в 1898 г., когда руководитель Этнологического отдела АМЕИ Ф. Боас обратился с письмом к директору МАЭ. Он просил порекомендовать русских ученых для работы в Джезуповской (Северо-Тихоокеанской) экспедиции. «Отсутствие каких-либо данных по племенам Сибири как одной из главных составляющих в решении проблемы азиатско-американских культурных связей побудили Ф. Боаса привлечь к этим исследованиям российских ученых» [Слободин 2005: 99–100]. В.В. Радлов рекомендовал для проведения исследований в Сибири бывшего политического ссыльного, члена ИРГО В.И. Иохельсона. Он в свою очередь привлек к участию в экспедиции В.Г. Богораз — бывшего народовольца, специалиста по этнографии чукчей, который в 1889–1898 гг. отбывал ссылку в Сибири. Цель экспедиции состояла в сравнительном изучении народов северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Ф. Боас считал, что предки индейцев заселили Америку через район Берингова пролива. После начала ледникового периода они оказались оторванными от народов Азии. По мере таяния ледникового щита древние индейцы стали двигаться на север и заселили Аляску, перешли Берингов пролив и заселили Чукотку и Камчатку. Из концепции Ф. Боаса получалось, что чукчи, коряки и ительмены — это потомки древних мигрантов из Америки. Также он считал обоснованными предположения некоторых немецких этнографов о культурных связях между народами района Амура и индейцами северо-западного побережья Северной Америки.

В мае 1899 г. В.Г. Богораз вернулся в Санкт-Петербург и стал сотрудничать с МАЭ. Он сделал описание этнографической коллекции Н.Л. Гондатти. В.Г. Богораз считал, что она целиком состоит из вещей чукчей [Богораз 1901]. Однако знакомство с этой коллекцией позволяет предположить, что часть собрания Н.Л. Гондатти принадлежит азиатским эскимосам. Он занимался сбором коллекций не только среди чукчей, но и среди эскимосов [Гондатти 1898]. В 1899 г. В.Г. Богораз не имел точных сведений об этническом составе населе-

ния отдельных поселков на Чукотке. Он считал, что в поселках Наукан и Уэлен живут чукчи, в действительности в Наукане жили эскимосы, а в Уэлене было смешанное чукотско-эскимосское население [Михайлова 2004: 109]. Поэтому требуется дальнейшая работа для точного установления этнической принадлежности отдельных предметов из коллекции Н.Л. Гондатти.

Во время работы в Дезуповской экспедиции в 1900–1902 гг. В.И. Иохельсон занимался изучением юкагиров и коряков, а В.Г. Богораз — чукчей и азиатских эскимосов. В течение немногим более месяца, со 2 мая по 7 июня 1901 г., В.Г. Богораз работал в эскимосском селении Унгазик (Чаплино) на Чукотке и на острове Св. Лаврентия (США). Здесь он сделал несколько десятков фотографий типов эскимосов, собрал интересную этнографическую коллекцию и записал образцы эскимосского фольклора. Впоследствии его фольклорные материалы опубликовали в США [Bogoras 1913]. В.Г. Богораз собирался провести сравнительный анализ мифов всех групп эскимосов для определения фольклорных связей народов Сибири и Аляски, однако ему удалось осуществить лишь начальный этап этой работы [Богораз 1936]. В.И. Иохельсон также занимался поисками параллелей в культурах народов Сибири и Аляски [Иохельсон 1904, 1907, 1908а, 1913].

Целенаправленный поиск параллелей в культурах народов Сибири и Аляски привел к ряду заблуждений, которые длительное время существовали в американистике. Прежде всего речь идет о теории «азиатско-американской цепи народов», разорванной «эскимосско-алеутским клином». В эту теорию в начале XX в. верили как Ф. Боас, так и В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон. Ф. Боас даже собирался включить очерки по этнографии чукчей и коряков в «*Handbook*» по народам Америки. В.Г. Богораз, следуя за работами американских исследователей, нашел у азиатских эскимосов несуществующий «шаманский язык» и мифологическую хозяйку моря Седну, хотя это имя отсутствует в их языке. Но наибольшую путаницу в науке вызвал его «американоидный» антропологический тип чукчей, в существование которого поверил американский антрополог А. Хрдличка (Грдличка). Эти сведения не удавалось проверить в полевых условиях до исследований Г.Ф. Дебеца 1945 г.

Сообщения о ходе работ Дезуповской экспедиции периодически публиковались в «Русском антропологическом журнале» [Сибирский отдел... 1900; Результаты... 1901; Дезуповская экспедиция 1903]. Позднее была опубликована статья Д.Л. Иохельсон-Бродской [Иохельсон-Бродская 1907] и отзыв на нее [Присуждение... 1907]. Результаты работы участников Дезуповской экспедиции 1900–1902 гг. хорошо известны [Krupnik 2001]. После завершения экспедиции, В.Г. Богораз первым из отечественных ученых принял участие в работе XIII Международного конгресса американистов, проходившего в 1902 г. в Нью-Йорке.

В августе 1904 г. Л.Я. Штернберг, как представитель МАЭ, В.И. Иохельсон — делегат от Американского музея естественной истории Нью-Йорка и В.Г. Богораз — делегат от Московского общества любителей естествознания участвовали в работе XIV Международного конгресса американистов в Штутгарте [Иохельсон 1908]. Здесь Л.Я. Штернберг познакомился с Ф. Боасом и встретился не только с европейскими учеными, но и с исследователями из Аргентины — С. Лафоне Кеведо, Р. Леман-Нитше и Х.Б. Амбросетти. Благодаря новым контактам в 1905 г. МАЭ получил две коллекции из 63 предметов по

индейцам Аргентины от директора музея города Ла-Плата С. Лафоне Кеведо (№ 938, 939). Среди этих вещей наибольший интерес представляют орудия охоты яганов (ямана) и она (селькнам и хауп), которые использовались в промысле гуанако, птиц, тюлений и китов.

В 1903 г. В.В. Радлов в письмах к Ф. Боасу рекомендовал Л.Я. Штернберга как специалиста по этнографии народов Амура, заинтересованного в сотрудничестве с АМЕИ. Командировка для Л.Я. Штернберга в США была организована в 1905 г. как часть программы Джезуповской экспедиции. Л.Я. Штернберг писал: «Начиная с 15 апреля по 30 июля я работал в Нью-Йорке в **American Museum of Natural History** в **антропологическом отделе, знакомясь специально** с американскими собраниями, а также с собраниями из Приамурского края. С этой же целью две недели провел в Чикаго, где работал преимущественно в **Columbian Fields Museum**» [Станюкович 1986: 86]. **За время совместной работы с Ф. Боасом и куратором этнологического отдела АМЕИ К. Уисслером Л.Я. Штернберг не только договорился об обмене коллекциями, но и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ** [Купина 2004: 55]. В 1905 г. МАЭ получил из Нью-Йорка серию коллекций по аборигенам Америки. Собрание по культуре эскимосов (№ 957) состояло из 82 предметов из сборов Р. Пири 1895–1896 гг., Г. Комера 1899 и 1902 гг., Дж. Матча 1900 г. Коллекция по алгонкинам из 17 предметов (№ 959) состояла из сборов А.Л. Кребера 1901 г. и В. Джонса 1902–1903 гг. Коллекция из 15 предметов каска и талтан (№ 960) относится, вероятно, к сборам Дж. Эммонса. Собирателем небольшой коллекции по индейцам нутка (№ 961), возможно, был Ф. Боас. Собирателями коллекции из 95 предметов (№ 958) по индейцам равнин и плато были А.Л. Кребер, Г.В. Гриннел, Р. Кроан, А. Ниссел, Л. Фарранд. Индейцы Мексики были представлены небольшой коллекцией из 12 предметов (№ 962).

В ответ МАЭ предоставил коллекцию по культуре ненцев из сборов Е.Н. Ледкова и А.В. Журавского. Первый опыт вдохновил сотрудников АМЕИ и МАЭ к продолжению обменных операций. Так как оба музея нуждались в археологических собраниях, то К. Уисслер предложил провести обмен коллекциями по периоду неолита. МАЭ отправил в Нью-Йорк образцы керамики неолитической стоянки из района Нижнего Новгорода, а из АМЕИ в 1906 г. поступило 34 фрагмента керамики (№ 963), полученных во время археологических раскопок в районе долины реки Огайо [Купина 2004: 56; Ершова, Корсун 2005: 5–6]. После этого в отношениях двух музеев наступил длительный перерыв, вызванный отставкой Ф. Боаса в мае 1905 г. с поста руководителя Этнологического отдела АМЕИ.

Обмен с музеями Аргентины и США оказался дорогостоящим для МАЭ. При отправке коллекций через океан приходилось оплачивать наличными транспортные расходы и таможенный сбор, что было весьма накладно при скудном бюджете музея. Главным при обмене оказалась не научная ценность предметов или их количество, а вес и размеры ящиков, в которых они перевозились, так как от их параметров зависели транспортные расходы. Л.Я. Штернберг писал: «Ввиду трудности и дороговизны собирания коллекций в Северной Америке, вследствие конкуренции американских музеев, не останавливающихся ни перед какими материальными затратами, Музею трудно было, при прежнем его бюджете, делать приобретения в этой части света» [Штернберг 1917: 262].

Межмузейный обмен коллекциями

В дальнейшем В.В. Радлов стал искать более дешевые и надежные способы пополнения музейных фондов по народам зарубежных стран. В 1906 г. началось сотрудничество администрации музея с меценатом Е.И. Александром, когда в МАЭ поступила коллекция из более 250 предметов от Д.Г. Гинцбурга (№ 1063). Ее собрал брат дарителя Г.Г. Гинцбург в 80-е годы XIX в. среди индейцев Эквадора и Британской Гвианы. В 1906 г. Д.Г. Гинцбург подарил МАЭ часть этой коллекции, а другую ее часть купил для музея Е.И. Александр. После приобретения коллекции, в большом конференц-зале Академии наук организовали выставку новых поступлений [Очередная выставка... 1906]. Коллекция состояла из лубяной материи и «примитивной одежды из этой последней с древними орнаментами, множества предметов украшений из перьев, надкрылий, игл дикобраза, стеклянных и растительных бус, раковин и т.д. Другая часть представляет ткани и одежду, частью европейского уже типа, утварь, керамику и т.п.» [Штернберг, Ольденбург 1907: 64–65].

В сентябре–октябре 1907 г. В.В. Радлов совершил длительную поездку, в ходе которой посетил музеи Стокгольма, Копенгагена, Лейпцига, Гамбурга, Берлина и еще нескольких городов Германии [Радлов 1907]. В том же году старший этнограф МАЭ Б.Ф. Адлер посетил этнографические музеи Копенгагена и Парижа для знакомства с организацией учета и хранения коллекций.

Познакомившись с опытом обменных операций между музеями Европы, В.В. Радлов решил принять активное участие в межмузейном обмене. Европейские музеи стремились получить коллекции по народам Америки, Австралии и Океании, Африки, Юго-восточной Азии, Индонезии, Сибири и т.д. Соответственно у каждого музея были свои возможности формировать коллекции. Некоторые музеи имели тесные связи с колониальной администрацией своих стран, другие организовывали самостоятельные экспедиции, третьи активно скупали этнографические коллекции на аукционах и международных выставках. МАЭ должен был предоставить для обмена те коллекции, которые отсутствовали в европейских музеях, — коллекции по народам России и, главным образом, по народам Сибири. Однако дело осложнялось тем, что МАЭ не только не имел обменного фонда таких коллекций, но и вообще народы России были крайне скудно в нем представлены. Например, коллекции по народам Сибири в 1889 г. насчитывали всего 1223 предмета. Поэтому было необходимо срочно организовать экспедиции по сбору коллекций внутри страны.

Еще в 1900 г. В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург во время работы XII конгресса ориенталистов, проходившего в Риме и Гамбурге, выдвинули идею создания Международного комитета по изучению Восточной и Средней Азии для сохранения памятников культуры этого региона. Идея была поддержана участниками конгресса, и в 1902 г. В.В. Радлову поручили подготовить устав этой международной организации и создать ее отделение в России, которое стало называться Русским Комитетом. В.В. Радлов включил в устав пункт, по которому все коллекции, собранные сотрудниками Русского Комитета, поступали в МАЭ. В 1903 г. Русский Комитет вошел в ведение Министерства иностранных дел и получил финансирование — пять тысяч рублей в год. Таким образом, у администрации МАЭ появились свободные средства для планомерных сборов коллекций среди народов Азии как в России, так и за рубежом.

«Заслугой В.В. Радлова, — отмечали Е.В. Иванова и А.М. Решетов, — было радикальное изменение системы пополнения музея — главным принципом отныне становится собирание коллекций в научных экспедициях и предварительная подготовка к этой работе командированных от музея лиц» [Иванова, Решетов 1995: 7]. За пятнадцать лет работы Русского Комитета с 1903 по 1918 гг. было организовано несколько десятков экспедиций, и музей не только существенно пополнил свои собрания, но и создал большой обменный фонд из дублетных материалов [Ратнер-Штернберг 1928: 38–39]. Особенно активным собирателям как в России, так и за рубежом стали присваивать почетные звания членов-корреспондентов МАЭ.

Одним из них стал преподаватель экономического факультета Санкт-Петербургского университета В.В. Святловский, который в 1907–1908 гг. совершил кругосветное путешествие. Он посетил Северную и Южную Америку, Австралию и Океанию; по поручению МАЭ В.В. Святловский собирал коллекции. В Перу ему удалось приобрести керамический сосуд древних инков (№ 1292), в Канаде — археологическую коллекцию каменных наконечников стрел, найденных во время археологических раскопок в районе расселения гуронов, и амулет в виде фигуры черепахи индейцев равнин (№ 2802).

В.В. Святловский установил деловые отношения с профессором экономики университета Торонто Джеймсом Мэвором, от которого получил сборную коллекцию из 50 предметов по эскимосам, северным атапаскам, черноногим, ирокезам, сиу, шошони, пуэбло (№ 1333). Наряду с изделиями сувенирного характера в этой коллекции представлено несколько редких экспонатов, например ритуальная маска северных атапасков. В письме из Торонто от 15 октября 1907 г. В.В. Святловский писал: «Несколько вещей подарено Мэвором Музею; лучшая из них стрела, с которой прошу быть очень осторожно, так как конец ее отравлен, а действие яда проверено на кролике. Все американские вещи пронумерованы».

Здесь видел я большой тотем, несколько шитых бисером ирокезских костюмов и красивый из перьев головной убор, но купить за высокую цену, каждая вещь стоит не менее 25 долларов, не решился. Мэвор, Монтгомери и другие говорят, что вообще вещи в последние годы быстро исчезают. В индейских резервациях происходит буквальное переодевание всего населения и очистка жилищ дотла агентами музеев и туристами. Сами же америнды предпочитают рыночные изделия, фабричную дешевку, а если что и готовят, то лишь подгоняя под вкусы мелкой и безвкусной буржуазии» [Розина 1974: 134].

Во время пребывания в США и Канаде В.В. Святловский договаривался об обмене коллекциями между американскими музеями и МАЭ. В письме к В.В. Радлову от 5 февраля 1908 г. он писал: «В трех университетских городах: Чикаго, Модизоне и Денвере, в которых я был после Квебека, мне для Вас устроить ничего не удалось, да и нечего собственно по этнографии здесь было и делать. Удачнее было в Калифорнии. Из двух ее университетов (Берклей и Пало-Альто) в государственном, Берклеевском, этнография в большом фаворе и имеется хороший музей, специально предназначенный калифорнийским индейцам. Заведующий музеем профессор Кробер (А.Л. Кребер. — С.К.) (Affiliated Colleges, San-Francisco Cal. U.S.), изъявил согласие прислать полную коллекцию вещей калифорнийских индейцев, особенно племен юрок и пима. Взамен он желает получить предметы быта наших сибирских и кавказских инородцев» [Розина 1974: 135].

В 1909 г. В.В. Святловский стал членом Попечительского совета музея. Позднее он приобрел у Дж. Мэвора берестяную лодку алгонкинов (№ 2210), которая была доставлена в музей в 1913 г., а также оплатил покупку копий каменных скульптур Сан-Августина (№ 2227). Еще одна лодка алгонкинов (№ 2211) поступила в 1913 г. через Г. Мейера, она, вероятно, также была приобретена Дж. Мэвором в Канаде.

* * *

В связи с регистрацией собрания МАЭ в состав коллекций по народам Америки стали возвращать вещи, ранее находившиеся в сибирских и океанийских коллекциях: деревянный гребень индейцев нутка о. Ванкувера из коллекции Дж. Кука (№ 505-1), бубен эскимосов Кадьяка из сборов И.И. Биллингса (№ 666-14), лампа-жирник от И.Г. Вознесенского (№ 868-1), костяная фигурка предка от Ю.Ф. Лисянского (№ 699-1), и несколько предметов, собиратели которых не установлены — курительные трубки эскимосов (№ 650-1, 2), сосуд из кости (№ 668-1).

Поступления от частных лиц в рассматриваемый период были малочисленны и носили случайный характер. По завещанию адмирала К.Н. Посыета, его родственники в 1899 г. передали в музей несколько предметов, которые он привез из заграничных плаваний, — курительную трубку индейцев хайда (№ 482), археологическую коллекцию из восьми каменных наконечников индейцев Латинской Америки (№ 484), двух кукол эскимосов Гренландии (№ 805). В 1904 г. директор Кавказского музея в Тифлисе А.Н. Казнаков передал в МАЭ коллекцию из 12 предметов равнинных кри и ирокезов (№ 888), которую приобрел его брат во время путешествия по Северной Америке. В 1910 г. от него же поступило три изделия из кости эскимосов острова Святого Лаврентия (№ 1747). Эти вещи А.Н. Казнаков купил на рынке в Тифлисе. В 1907 г. С.А. Таренецкая, родственница начальника Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге антрополога А.И. Таренецкого, передала в МАЭ метательное орудие — бола арауканов (№ 1316). В 1908 г. в дар от жителя Нижнего Новгорода Г.Г. Хаматьяно через географа и путешественника А.Л. Ященко музей получил четыре предмета огнеземельцев (№ 1203).

В 1906 г. из Геологического музея ИАН поступила бола для охоты на птиц алеутов Командорских островов, Геологическому музею ее передал зоолог Отто Альфред Федорович Герц. В 1908 г. из этого же музея был получен обсидиановый наконечник копья алеутов (№ 1258). Вероятно, он относится к сборам Ф. Штейна 1820 г. Еще одна небольшая коллекция из Геологического музея поступила в 1914 г. (четыре изделия мексиканцев из лавы). Ее собирателем был минералог Г.Х. Струве. В 1912 г. геолог Г. Креднер передал лук, кожаный колчан и десять стрел (№ 2044), вероятно, эскимосов-чугачей.

В 1906–1907 гг. совершил кругосветное путешествие отставной генерал Н.П. Федоров. В 1910 г. он передал в музей две сувенирные коллекции по народам Латинской Америки (№ 1770, 1771), еще одна коллекция от него поступила в 1911 г. (№ 1835). Также изделия народных промыслов поступили от С.К. Патканова в 1912 г. (№ 1974) и в 1917 г. (№ 2656). Эти вещи С.К. Патканов приобрел во время путешествия по Юкатану в 1892 г. [Патканов 1896].

В 1911 г. К.К. Гильзен подарил музею пару мокасин и сумку индейцев сиу, которые он приобрел в 1893 г. во время командировки в США. В 1910 г. из Императорской Археологической комиссии передали коллекцию из более 80 каменных орудий индейцев Латинской Америки (№ 1760), других сведений об этом собрании нет. От врачебного инспектора Камчатки А.Ю. Левитского в 1912 г. поступила модель байдарки алеутов Командорских островов (№ 1975). Ряд отдельных предметов индейцев сиу и алгонкинов передал в музей А. Смирнов в период с 1912 по 1928 гг. (№ 2070, 2071, 2081, 2582, 3675, 3709). Он посетил Канаду и США в 1905–1906 гг.

Одним из постоянных корреспондентов МАЭ был врач Н.В. Кириллов, который регулярно передавал в музей коллекции по народам Сибири. В 1904 г. Н.В. Кириллова отправили на Чукотку для медицинского обследования ее населения. К месту назначения он выехал из Санкт-Петербурга в западном направлении — через Нью-Йорк, Сан-Франциско и Ном. Среди эскимосского населения Номы он собрал небольшую коллекцию изделий из кости (№ 1927) и сделал серию фотографий (№ 1618, 1619, 4566). Эту коллекцию Н.В. Кириллов передал в МАЭ только в 1912 г. Тогда же из Музея Академии художеств поступил лук индейцев Калифорнии (№ 1998).

В 1910 г. во время поездки на Амур Л.Я. Штернберг посетил в Хабаровске краеведческий музей им. Н.И. Гродекова и установил с его директором В.К. Арсеньевым деловое сотрудничество. МАЭ в течение многих лет получал из Хабаровска ценные коллекции по народам Сибири. В 1915 г. хранитель этого музея М. Венедиктов отправил в МАЭ три модели байдарок алеутов Командорских островов (№ 2442).

XVI Международный конгресс американистов

В сентябре 1908 г. Л.Я. Штернберг принял участие в XVI Международном конгрессе американистов в Вене, он был единственным представителем от России. Среди участников конгресса были Ф. Боас, В. Тальбицер, К.В. Хартман (Гартман), Э.Г. Зелер, М.Ф. Уле, К.Т. Пройсс, Р. Леман-Нитше и другие известные американисты [Штернберг 1908]. Здесь Л.Я. Штернберг еще раз встретился с директором Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса Х.Б. Амбросетти, с которым удалось завязать деловое сотрудничество. В 1909 г. из Аргентины была получена интересная археологическая коллекция из районов Кольчаки и Ла-Пайе из 84 предметов (№ 1481). В следующем году поступила этнографическая коллекция по индейцам чиригуано, матако и чороте из 65 предметов (№ 1745) и археологическая коллекция из раскопок древнего города Ри Кача из 144 предметов (№ 1800). В ответ МАЭ отправил в Аргентину коллекции по ненцам [Лукин 1965: 132]. С сотрудником Берлинского музея народоведения К.Т. Пройссом Л.Я. Штернберг договорился о сборе коллекции для МАЭ по индейцам Мексики. От археолога Э.Г. Зелера он получил пончо масатеков (№ 1431). Также в 1909 г. через Г. Мейера музей получил археологическую коллекцию из Мексики из 16 предметов (№ 1423), купленную у Адель Братон.

На конгрессе Л.Я. Штернберг познакомился с чешским исследователем А.В. Фричем (рис. 4), который уже совершил три экспедиции в Южную Америку и выступал с пламенными речами в защиту индейцев. А.А. Бородатова

Рис. 4. А.В. Фрич

писала: «Безнадежное положение индейцев, уничтожаемых наступлением цивилизации, осознанное международным научным сообществом лишь после второй мировой войны, было понято Фричем уже в начале века. И, осознав это, он одним из первых подал свой голос в защиту индейцев. От многих американистов своего времени он отличался живым интересом к “объектам” своего исследования — гуманистическая позиция и искренняя симпатия не могли удерживать его в стороне. Фрич считал это практическим аспектом этнографии и призывал ученых к активной позиции в индейском вопросе» [Бородатова 1996: 291].

А.В. Фрич с детства увлекался ботаникой; чтобы изучать тропические растения в природных условиях, в 1901–1903 гг. он предпринял экспедицию в Бразилию. Здесь А.В. Фрич встретился с итальянским художником и путешественником Г. Боджани — автором книги об индейцах кадиувео. Под его влиянием А.В. Фрич постепенно увлекся этнографией. Во время следующей экспедиции в Южную Америку в 1903–1905 гг. А.В. Фрич занимался в основном этнографией. По заказу правительства Парагвая зимой 1903–1904 гг. он исследовал бассейн реки Пилькомайо в области Гран-Чако, где собрал интересные коллекции среди племен тоба, пилага, ленгуа, ангайте, санапана, моро, курума. Летом 1904 г. А.В. Фрич предпринял поездку к чамакоко. Затем состоялись поездки к ангайте и кадиувео, в конце 1904 г. — к бороро и чамококо. В 1905 г. он проводил исследования среди бороро, каинган и бугре. Третья экспедиция А.В. Фрича в Бразилию, Парагвай и Аргентину состоялась

в 1906—1908 гг., когда он собирал коллекции главным образом для музеев Германии. В это время он проводил сборы среди тумраха, тинга, тапаньюна, гуаяков и огнеземельцев.

После завершения работы конгресса Л.Я. Штернберг посетил Прагу для осмотра коллекций А.В. Фрича, собранных во время второй и третьей экспедиций. Он заключил с А.В. Фричем соглашение о сотрудничестве, которое оказалось очень продуктивным. В 1909 г. на деньги мецената Л.М. Скидельского у А.В. Фрича было приобретено около 1650 предметов, которые вошли в девятнадцать коллекций. МАЭ полностью профинансировал его четвертую экспедицию 1909—1912 гг. и получил более 700 предметов по традиционной культуре чамакоко, тумраха, моротоко, чиригуано и кадиувео [Зиберт 1961; Бородатова 1996; Ершова, Корсун 2005: 47—50, 58]. В 1913 г. В.В. Радлов предложил А.В. Фричу должность заведующего отделом Америки, однако начало Первой мировой войны помешало осуществлению этих планов.

Также на конгрессе в Вене Л.Я. Штернберг заключил соглашение об обмене коллекциями с директором Государственного естественно-исторического музея (ГЕИМ) Стокгольма К.В. Хартманом [Станюкович 1986: 87; Отчет... 1909: 24]. Схема обмена выглядела следующим образом. МАЭ через своих сотрудников и корреспондентов собирал коллекции по народам России, которые не регистрировались, а сразу поступали в обменный фонд музея. Затем за счет средств меценатов эти коллекции отправлялись в Лейпциг на имя Г. Мейера, который по своему усмотрению мог их продавать или обменивать. Главное, что требовалось от него — это подобрать коллекции по народам, которые не были представлены в МАЭ. Г. Мейер имел дело со многими исследователями и музеями Германии — Музеем народоведения Берлина (директор Э.Г. Зелер, затем К.Т. Пройсс), Музеем народоведения Лейпцига (директор К. Войле), Музеем народоведения Гамбурга (директор Г. Тилениус), а также с коммерческим предприятием «Музеем Умлауффа» в Гамбурге. К.В. Хартман стал третьей стороной в этой системе обмена. В обмен на коллекции по народам России он регулярно отправлял Г. Мейеру собрания по народам тех районов мира, которые были необходимы для МАЭ. Таким образом, для МАЭ значительно расширилась возможность получения коллекций из «экзотических» стран. «Главное внимание при этом способе приобретения обращалось на то, чтобы приобретаемая коллекция представляла собой целое, научно собранное и описанное собрание, добытое из специальной экспедиции или от ученых путешественников» [Штернберг 1917: 259].

Соглашение заработало практически сразу, в конце 1908 г. на средства мецената Е.И. Александра музей отправил в Лейпциг собрание по народам России из нескольких тысяч предметов. Также в его состав входили вещи, которыми МАЭ расплатился с Е.И. Александром за покупку коллекций у собирателей. «Согласно договоренности с академиком В.В. Радловым, который действовал как директор МАЭ и как председатель Совета директоров академических музеев, Е.И. Александр предоставлял деньги для покупки коллекций на местах, доставляли же их в Петербург за казенный счет. Александр имел право продавать дублиеты в музеи других стран» [Соболева 2007а: 186]. Таким образом, собиратели приобретали коллекции на местах, которые МАЭ покупал на деньги Е.И. Александра, за что он получал часть коллекций, затем эти коллекции продавали или обменивали в Германии. Пикантность ситуации заключалась

в том, что после доставки в Германию все коллекции значились как собственность Е.И. Александера, так как музей, являясь государственным учреждением, не мог продавать коллекции.

Соответственно после доставки из Германии и Швеции в Санкт-Петербург некоторые коллекции числились как поступившие от Е.И. Александера. Позднее в музейной документации Е.И. Александера записали их собирателем. Речь идет о поступившей в музей в 1910 г. коллекции из 603 номеров по культуре народов Мексики (№ 1812) и коллекции из 27 статуэток — типов населения Мексики (№ 1868), поступившей в 1911 г. До поступления в МАЭ они в течение десяти лет находились на хранении в Музее народоведения Гамбурга, их собиратели были неизвестны. В настоящее время во многих музеях Америки и Европы есть коллекции по народам России, собирателем которых значится Е.И. Александер [Соболева 2007а: 186]. В действительности все они принадлежали МАЭ, Е.И. Александер был только посредником, через которого коллекции поступали в зарубежные музеи и на международные аукционы. Чтобы официально оформить этот способ обмена с зарубежными музеями, в 1909 г. в МАЭ создали Попечительский совет во главе с князем А.Г. Романовским, в состав которого вошли несколько богатых меценатов: Е.И. Александер, В.В. Святловский, Л.М. Скидельский, Г. Мейер, Э. Нобель и др. В отличие от Е.И. Александера другие меценаты помогали музею за моральное вознаграждение — почетные звания, чины или ордена. С.А. Ратнер-Штернберг писала: «75 % южноамериканских коллекций получены как дар либо от самих собирателей, либо от жертвователей, как Герман Мейер, Л.М. Скидельский, Е.И. Александер и др. Этим лицам указывалось на желательность приобретения данной коллекции, и они ее покупали, в награду за что получали иногда от царского правительства ордена и чины, добывать которые, впрочем, было делом далеко нелегким и лежало на обязанности В.В. Радлова» [Ратнер-Штернберг 1928: 51]. Попечительский совет работал до 1914 г. и оказал музею значительную финансовую поддержку.

* * *

В 1909 г. сотрудник Национального музея естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне (НМЕИ) Алеш Хрдличка проводил антропологические исследования в Египте. После завершения работы он посетил несколько европейских музеев, в том числе и МАЭ, где вел переговоры об обмене коллекциями. Его особенно интересовали антропологические материалы. К этому времени МАЭ провел несколько обменов книг со Смитсоновским институтом, и В.В. Радлов без колебаний принял предложение А. Хрдлички. Он предложил для обмена бюст, несколько черепов и серию фотографий по культуре кетов, которые были отправлены в Вашингтон. В ответ в 1910 г. МАЭ получил два гипсовых бюста вождей кроу и оседж (№ 1751), четыре плетеные корзины разных индейских племен из сборов Дж. Муни, Дж. Стивенсона, И.Л. Клифтона и Минделефа (№ 4154) [Купина 2004: 65] и археологическую коллекцию из района реки Потомак и залива Чесапик, представляющую развитие каменных орудий, из 44 предметов (№ 2201). Тогда же была достигнута договоренность об обмене коллекции туркестанской керамики XI–XIV вв. на коллекцию керамики индейцев пуэбло и древнего населения района Чир-

ки в Панаме [Купина 2004: 63]. А. Хрдличка был заинтересован только в получении антропологического материала, в дальнейшем он установил обменные связи с Музеем антропологии при МГУ (МА).

В связи с обменными операциями музея необходимо остановиться на конфликте между собирателем А.В. Журавским и администрацией МАЭ в лице В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга. В период 1905–1908 гг. А.В. Журавский был активным корреспондентом МАЭ, который продавал музею многочисленные коллекции по ненцам и коми. В 1910 г. А.В. Журавский посетил Этнографический отдел Русского музея, где увидел вещи из своих сборов. Их купили за счет казны в «Музее Умлауффа» в Гамбурге. Узнав, какую сумму заплатили за «его» коллекции, А.В. Журавский решил, что он сильно продешевил, продав их МАЭ. Он высказал претензии руководству Академии наук, которые заключались в том, что в Гамбург были отправлены особо ценные экспонаты и что Л.Я. Штернберг неверно указал этническую принадлежность ряда предметов для увеличения их стоимости [Терюков 1993: 258–259].

Для руководства музея было понятно, что аналогичные коллекции по коми и ненцам можно будет собрать в будущем, а представится ли еще возможность в обмен на них получить коллекции по народам Америки или Океании, было под большим вопросом. Что касается изменения этнической принадлежности предметов, то вряд ли этим занимался Л.Я. Штернберг. Возникает вопрос, почему обвинения были предъявлены именно Л.Я. Штернбергу, а не директору В.В. Радлову? Вероятно, у А.В. Журавского не хватило смелости в чем-либо обвинить академика В.В. Радлова. Если кто и изменил этническую принадлежность предметов, то не руководство МАЭ, а предприниматели из торговой фирмы «Музей Умлауффа». Они делали и не такое для поднятия стоимости коллекций, например, шивали кожу обезьян и рыб и продавали их как «чучела русалок» из России [Соболева 2007: 82]. Для разбирательства дела создали третейский суд, который отказал А.В. Журавскому в «удовлетворении», т.е. во вторичной оплате, ранее проданных МАЭ коллекций. Конфликт с А.В. Журавским не нарушил обменных операций МАЭ с европейскими музеями.

По отработанной схеме обмена в 1911 г. музей получил из НМЕИ при посредничестве Г. Мейера и К.В. Хартмана собрание из более 180 предметов по культуре индейцев США. Л.Я. Штернберг специально ездил в Стокгольм для его раздела [Памяти... 1930: 9]. Собирателем значительной его части был М.Р. Харрингтон. В коллекцию № 1881 входят предметы культуры алгонкинов, в коллекцию № 1882 — ирокезов, № 1889 — сиу, № 1890 — мускогов, № 1891 — кайова, № 1892 — читамача, № 1893 — вичита. Каким образом они поступили в Европу, сведений не сохранилось, но так как на некоторых вещах имеются этикетки «Музея Умлауффа», то становится понятным, что именно в этой коммерческой фирме они были куплены.

В 1911 г. через Г. Мейера и сотрудника Берлинского музея народоведения К.Т. Пройсса МАЭ получил две интересные коллекции по культуре индейцев кора и уичоль из более 600 предметов. Они были собраны индейцем Сотеро Партида (№ 1902, 1902а). Он сопровождал К.Т. Пройсса во время экспедиции в Мексику в 1905–1907 гг. и в 1910 г. по его просьбе самостоятельно собрал коллекции для МАЭ. Также в 1911 г. через Г. Мейера поступило собрание Вильгельма Бауэра из более 400 предметов культуры и быта майя, масатеков и чонталь (№ 1861–1863). Тогда же Е.И. Александер передал в музей коллек-

цию древнеперуанской керамики из 25 предметов, собранную археологом Г. Беккером (№ 1880).

В течение двенадцати месяцев в 1911–1912 гг. в МАЭ работал датский этнограф, сотрудник Копенгагенского музея (теперь Национального музея Дании — НМД) Гудмунд Хатт (Гатт). Он занимался изучением различных типов одежды народов Сибири и Америки [Hatt 1914]. После возвращения на родину Г. Хатт отправил в МАЭ небольшую коллекцию из 28 номеров по культуре эскимосов западной Гренландии (№ 2350). По просьбе В.В. Радлова он договорился с администрацией Датского колониального правления в Копенгагене о сборе большой коллекции по эскимосам Гренландии для МАЭ, которая была доставлена в Копенгаген в 1914 г., но получена музеем только в 1924 г. (№ 3044).

Экспедиция В.И. Иохельсона на Алеутские острова (1909–1910 гг.)

Также необходимо остановится на деятельности **Владимира Ильича Иохельсона** (1855–1937) (рис. 5), который с 1912 г. являлся внештатным сотрудником МАЭ. Как Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон в молодости был народовольцем. За революционную деятельность в 1887 г. его приговорили к десятилетней ссылке в Сибирь. В 1894–1897 гг. В.И. Иохельсон принимал участие в Сибиряковской (Якутской) экспедиции Восточно-сибирского

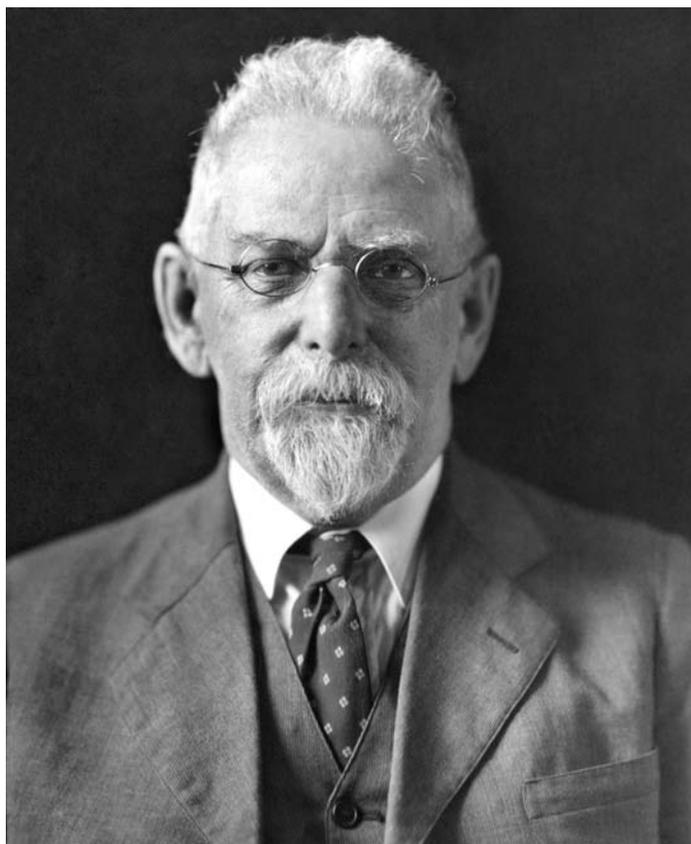

Рис. 5. В.И. Иохельсон

отделения ИРГО. Как упоминалось, он и В.Г. Богораз были включены в состав американской Джезуповской (Северо-Тихоокеанской) экспедиции и в 1900—1902 гг. проводили исследования на северо-востоке Сибири. В 1908 г. ИРГО приняло решение об организации комплексной экспедиции по изучению Камчатки, которую финансировал московский меценат Ф.П. Рябушинский. В.И. Иохельсону предложили провести этнографические исследования. Он включил в план работы не только изучение ительменов, но и комплексное исследование населения Алеутских островов, так как алеуты не были изучены во время Джезуповской экспедиции.

К месту назначения на остров Уналашку В.И. Иохельсон и его супруга Д.Л. Иохельсон-Бродская прибыли 3 января 1909 г. На Уналашке В.И. Иохельсон включил в состав своего отряда двух алеутов — вождя А.М. Ячменева и псаломщика православной церкви Л.И. Сивцова. Также он постоянно нанимал алеутов для проведения археологических раскопок. На Уналашке В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская занимались археологическими, этнографическими, лингвистическими и фольклорными исследованиями в течение пяти месяцев. Одной из задач экспедиции был сбор фольклорного материала. Главным информантом на Уналашке был слепой «доктор», т.е. шаман, Исидор Соловьев, который надиктовал 42 текста. С 15 июня по 8 августа В.И. Иохельсон со своим отрядом исследовал остров Атту, где были проведены археологические раскопки древнего селения Наниках.

В.И. Иохельсон писал: «Здесьние алеуты живут летом в таких маленьких землянках (весьма любопытного типа, прибавлю), похожих скорее на лисьи норы, чем на человеческие жилища, поэтому для возможности работать нам пришлось раскинуть свой собственный лагерь, состоящий из трех палаток и брезентового навеса-кухни. За отсутствием дров, палатки не отапливаются, хотя у нас есть для этой цели одна походная печка. Климат же Алеутских островов, в особенности климат острова Атту, отвратительный. Солнце редко появляется. Все туманы, облака, дожди. О степени сырости воздуха можно судить по тому, что негативы, оставленные в нашей палатке для сушки, оказываются еще мокрыми на четвертый день. Все в палатке покрыто плесенью. Аппараты и инструменты приходится постоянно заворачивать и вытирать. Фотографические кассеты приходится сушить над огнем и хранить в жестяных ящиках, иначе они так разбухают, что невозможно выдвинуть задвижки во время съемки. Ночная температура воздуха теперь в июле месяце редко поднимается выше 6 градусов по Цельсию. Частые сильные ветры делают жизнь в палатке еще более тяжелой. Особенно немилостива была к нам погода во время раскопок в южной части острова, на месте древнего селения Наниках. Работать пришлось под дождем почти все время раскопок, а ночью в маленькой походной палатке на сырой земле нельзя было ни обсушиться, ни согреться. У нас было две походные палатки. Одна для меня и жены, другая для Сивцова и Ячменева. Девять же человек алеутов укрывались ночью под брезентом, взятым мною для покрытия провизии. Из семи дней раскопок только полтора дня оказались благоприятными для фотографирования» [Из писем... 1909: 622—623].

Затем отряд В.И. Иохельсона переехал на остров Атка, а 14 сентября — на остров Умнак, где в течение осени в разных частях острова были раскопаны четыре древних селения. Зиму 1909—1910 гг. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская провели в селении Никольское. Здесь они занимались изучени-

ем алеутского языка, сбором фольклорного материала и проведением антропологических исследований.

17 декабря 1909 г. В.И. Иохельсон писал секретарю ИРГО: «Вчера минуло три месяца, как таможенный пароход “Бэр” высадил нас на острове Умнак. Сообщу теперь вкратце, что мы успели сделать за это время. Почти все время до первого ноября и несколько дней в середине этого месяца были посвящены раскопкам. Я производил раскопки четырех древних селений в разных пунктах острова. На Умнаке, как прежде на других островах, нам пришлось совершать все передвижения пешком. Рабочие переносили на себе походные палатки, провизию, орудия, аппараты и другие вещи. Таким же образом совершалась доставка добытых предметов в нашу резиденцию в селение Никольское. Это единственный населенный теперь пункт на острове Умнаке. Селение имеет 100 с чем-то жителей.

Ночевки в легкой палатке и работа под открытым небом в глубокую алеутскую ночь были очень тяжелы. Часто приходилось прерывать работу из-за ураганов и дождей <...>

Умнакские раскопки значительно обогатили нашу археологическую коллекцию. Она дала около 700 номеров. Целых скелетов мы добыли 6, а черепов — 29. Положение скелетов в Умнакских раскопках показало, что первоначальное положение не всех покойников было сидячее. Найденные в раскопках костяные стрелы и части гарпунов просто замечательны разнообразием своих форм. Особенно интересны стрелы, оказавшиеся на скелете одного воина. Каменные стрелы и другие каменные орудия тоже отличаются разнообразием, как по форме, так и по породе, из которой они сделаны.

Из найденных костяных и каменных украшений большой интерес представляют несколько так называемых кулитов, по-английски *labrets*, **которые** вставляются в разрез нижней губы или щек. Среди них есть два сделанные из полированного мрамора» [Из писем... 1911: 98–99].

На Уналашку В.И. Иохельсон со своим отрядом вернулся 5 мая, откуда он совершил кратковременную поездку на Прибыловы острова. 27 июля 1910 г. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская выехали на Камчатку на судне «Кольма». Полученное в результате экспедиции этнографическое и археологическое собрание превысило 2100 предметов, антропологическое — десяток полных скелетов и 78 черепов. Словарь алеутского языка состоял из более пяти тысяч слов, также были записаны 108 легенд, мифов и песен алеутов. Были сделаны фотографии в трех ракурсах алеутов: на Уналашке — 12 мужчин и 8 женщин, на Атту — 26 мужчин и 13 женщин, на Атке — 15 мужчин и 10 женщин, на Умнаке — 19 мужчин и 11 женщин. Всего сделали около 1080 снимков — алеутов, антропологических и археологических артефактов, этнографических экспонатов, видов природы. После возвращения в Санкт-Петербург в конце 1911 г. В.И. Иохельсон разместил свои коллекции в нескольких музеях. Киноплёнки «Лежище котиков на морском берегу на острове Св. Павла», «Отгон котиков от морского берега внутрь острова к месту убоя» и «Убой котиков толстой палкой по голове» в 1913 г. он передал в географический кабинет Педагогического института им. И.Г. Шелапутина в Москве [Кинематографическая коллекция... 1913]. В МАЭ в 1918 и 1922 гг. В.И. Иохельсон передал более 1080 стеклянных негативов фотографий (№ 2692, 2826). Из них опубликована основная часть портретов алеутов [Корсун, Таксами, Ушаков 2001].

XVIII Международный конгресс американистов

В мае 1912 г. Л.Я. Штернберг вместе с В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом принял участие в работе XVIII Международного конгресса американистов в Лондоне, где произошла очередная встреча с Х.Б. Амбросетти. После завершения работы конгресса, Х.Б. Амбросетти посетил Санкт-Петербург для знакомства с собранием МАЭ, которое он осмотрел с большим интересом. Х.Б. Амбросетти обратил внимание на мумифицированную голову индейца. По его совету К.Е. Гильзен написал статью об этом экспонате и о связанных с ним военных обычаях мундуруку [Гильзен 1918]. В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти музей получил пятнадцать археологических и этнографических коллекций из более 700 предметов [Ершова, Корсун 2005: 32–34]. В свою очередь МАЭ отправил в Буэнос-Айрес не только дублетные коллекции по народам Сибири, но и редкие предметы материальной культуры народов Русской Америки [Лукин 1965: 133]. В дальнейшем Х.Б. Амбросетти оказал содействие участникам Второй русской экспедиции, которые работали в Латинской Америке в 1914–1915 гг.

Среди участников конгресса были А. Хрдличка, К.В. Хартман и Ф. Боас. С последним у Л.Я. Штернберга не прерывалась переписка со времени их знакомства в Штутгарте в 1904 г. Встретившись на конгрессе, они продолжили сотрудничество. После ухода из АМЕИ в 1905 г. Ф. Боас преподавал в Колумбийском университете Нью-Йорка и активно разрабатывал идею создания Музея американских индейцев (МАИ), который был основан в 1916 г. В 1908–1913 гг. среди индейцев виннебаго в штатах Висконсин и Небраска проводил исследования ученик Ф. Боаса Пол Радин. В Небраске виннебаго жили на территории резервации в районе городка Су-сити и получали государственное пособие. В штате Висконсин они населяли городские пригороды Блэк-Риверс-Фоллса, Маршфилда, Тома, Мэдисона и пособий не получали, здесь аккультурация виннебаго происходила значительно быстрее. В быту они уже не отличались от окружающего «евро-американского» населения, но сохраняли представления о своей духовной культуре и связанные с ней предметы культа. МАЭ частично профинансировал экспедицию П. Радина и в 1914 г. через Колумбийский университет Нью-Йорка получил коллекцию по культуре виннебаго из 62 предметов (№ 2332).

В Лондоне Л.Я. Штернберг приобрел в антикварном магазине В.О. Олдмана шаманский костюм индейцев рукуйен (ояна) с территории Французской Гвианы (№ 2135) и от бразильского археолога А.К. Симоенса да Сильва получил в дар два каменных орудия (№ 1981). Во время работы конгресса Л.Я. Штернберг познакомился с немецким археологом К.Т. Штёпелем, который в 1911 г. проводил исследования в Колумбии и сделал гипсовые слепки нескольких древних статуй из района Сан-Аугустин. В Германии с них отлили бетонные копии, одну из серий которых МАЭ приобрел в 1913 г. на деньги В.В. Святловского (№ 2227). Эти примеры показывают, что Л.Я. Штернберг использовал любые возможности для пополнения музейных фондов.

После завершения работы XVIII Международного конгресса американистов А. Хрдличка посетил ряд европейских музеев и приехал в Санкт-Петербург, откуда планировал совершить экспедицию в Сибирь и Монголию для сбора материалов по антропологии народов Азии. Он хотел найти подтверждения своей теории об азиатском происхождении индейцев. В Санкт-Петербурге

А. Хрдличка ожидал разрешения на проведение полевых исследований в Сибири, изучал русский язык и посетил МАЭ, где встретился с В.В. Радловым. По его рекомендации переводчиком в экспедиции А. Хрдлички стал Ф.А. Фильструп.

* * *

В 1912 г. увеличили штат музея, который до этого менялся только в 1836 и 1899 гг. Впервые появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их руководителей. Заведующим отделом Центральной и Южной Америки стал **К.К. Гильзен**, регистратором коллекций отдела Северной Америки назначили С.А. Ратнер-Штернберг (Штернберг), которая с 1910 г. являлась внештатным сотрудником. **Л.Я. Штернберг** одновременно возглавил два отдела — отдел Северной Америки и отдел Сибири и Севера России (другие названия — отдел Севера России, отдел народностей Азиатской России). К.К. Гильзен, биолог по образованию, работал в МАЭ с 1892 по 1903 гг. и с 1912 по 1918 гг. Еще до прихода в музей он был знаком с Ф.К. Руссовым — хранителем МАЭ и В.В. Радловым. После назначения заведующим отделом Центральной и Южной Америки К.К. Гильзен серьезно занялся изучением этнографии народов Латинской Америки. Кроме регистрации шести с половиной тысяч предметов и составления описей, он подготовил несколько публикаций по латиноамериканским коллекциям [Гильзен 1916а, 1918].

В 1912 г. МАЭ получил из Стокгольма через Лейпциг ряд коллекций из Сальвадора и Коста-Рики из более 270 предметов (№ 1982–1985, 4682, 6741), собранных К.В. Хартманом во время археологических экспедиций 1896–1897 и 1903 гг. В описях к коллекциям указано, что их передал в музей Г. Мейер. К.В. Хартман неоднократно встречался с Л.Я. Штернбергом в Стокгольме, на международных конгрессах американистов и приезжал в Санкт-Петербург. С.А. Ратнер-Штернберг писала: «Так же сердечно было отношение к Л.Я. директора Стокгольмского музея Гартмана, который, приехав в Петербург, проводил с Л.Я. целые вечера и впоследствии организовал общую с Музеем экспедицию в Мексику» [Ратнер-Штернберг 1928: 49].

Начиная с 1912 г. сотрудники Музея американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (далее МААЭ) проводили археологические исследования на территории Мексики в районе Аскапоцалько. Ф. Боас предложил руководству МАЭ и ГЕИМ принять долевое участие в финансировании этой экспедиции. В 1913 г. Л.Я. Штернберг посетил Стокгольм для обсуждения этого проекта с К.В. Хартманом. Соответственно полученные коллекции планировалось разделить между тремя музеями. Свою часть коллекции из 225 предметов (№ 5481) МАЭ получил только в 1936 г. Л.Я. Штернберг писал в 1914 г. о сотрудничестве с К.В. Хартманом: «Несколько экспедиций (в Мексику, Восточную Африку, с.-з. Австралию и Мадагаскар) были предприняты со Стокгольмским музеем, и в настоящее время готовятся, совместно с тем же музеем, экспедиции в Австралию, Полинезию, Переднюю Азию и на Филиппины» [Штернберг 1917: 259].

В 1913 г. через Г. Мейера в музей поступили интересные коллекции, собранные берлинским исследователем Э. Улле в 1909–1910 гг. в районе границы Бразилии и Венесуэлы в междуречье Рио-Негро и Ориноко среди карибских племен вапишана, арикуна, макуши и ягуа (№ 2136–2139, 2153). В состав

этого собрания входит 173 предмета и 57 фотографий (№ 4552). Также в 1913 г. в обмен на коллекцию туркестанской керамики музей получил из НМЕИ четыре образца керамики из Панамы из сборов И.А. Мениэль (№ 2213) и восемь керамических изделий индейцев пуэбло из сборов В.Г. Холмса (№ 2212). Дальнейшие связи МАЭ с зарубежными музеями были прерваны из-за начала в 1914 г. Первой мировой войны.

Таким образом, за короткий отрезок времени с 1905 по 1914 гг. между зарубежными музеями и МАЭ был проведен ряд крупных обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил около двадцати тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Ни в какой другой период своей истории музей не получал столь разнообразных и многочисленных коллекций по народам зарубежных стран [Ратнер-Штернберг 1928: 51–53; Штернберг 1917; Шафрановская, Азаров 1984]. В обмен было передано не меньшее количество экспонатов по народам России, а еще несколько тысяч предметов — меценату Е.И. Александру за покупку коллекций [Соболева 2007: 82]. Отвечая на вопрос, поставленный в заглавии статьи Ю.А. Купиной — «утраты или приобретения?» [Купина 2004], необходимо признать, что обменные операции МАЭ начала XX в. — это громадное приобретение для музея. Возможно, если бы не было этих двадцати тысяч предметов по народам зарубежных стран, то МАЭ не стал бы единственным музеем России, посвященным этнографии народов всего мира.

Экспедиция в Южную Америку (1914–1915 гг.)

В 1914–1915 гг. состоялась Вторая русская экспедиция в Южную Америку. Наряду с другими научными учреждениями МАЭ принял доленое участие в ее финансировании. В состав экспедиции входили студенты-этнографы Г.Г. Маннер, Ф.А. Фиельструп, студенты-зоологи И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и экономист С.В. Гейман. Собственно, участие музея в организации экспедиции ограничилось выдачей небольшой суммы для приобретения коллекций и инструкциями по их сбору и хранению. По прибытии в Аргентину участники экспедиции оказались в трудном финансовом положении: в связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке не на четыре-пять месяцев, как они планировали, а на полтора года. Большую помощь исследователям из России оказал не только русский консул К.Ф. Штейн, но и местные ученые, с которыми Л.Я. Штернберг неоднократно встречался на Международных конгрессах американистов: директор Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса Х.Б. Амбросетти, заведующий кафедрой антропологии этого же университета Р. Леман-Нитше, директор Музея Ла-Платы С. Лафоне Кеведо, директор Археологического музея Сантьяго М.Ф. Уле, директор Музея естественной истории Буэнос-Айреса А. Гальяро и другие. Х.Б. Амбросетти предложил собирать коллекции и для его музея и выделил на это 400 песо. Р. Леман-Нитше рекомендовал лично доставить все собранные коллекции, так как отправить их багажом — это верное средство потерять коллекции. Во время пребывания в Буэнос-Айресе и Ла-Плате исследователи из России были удивлены бедностью этнографических собраний местных музеев и отметили, что МАЭ располагает более интересными коллекциями по индейцам Южной Америки из сборов А.В. Фрича [Лукин 1977: 166].

На первоначальном этапе экспедиции все ее участники отправились на пароходе из Буэнос-Айреса по рекам Парана и Парагвай в Бразилию на ранчо Барранку-Бранку в районе города Корумба, куда они прибыли в середине июля 1914 г., почти через два месяца после приезда в Америку. Оттуда 1 августа Ф.А. Фиельструп, Г.Г. Манизер и С.В. Гейман переехали в селение индейцев кадиувео Налике. За десять дней пребывания среди кадиувео С.В. Гейман наменял более 300 предметов и повез эту коллекцию в Буэнос-Айрес. Г.Г. Манизер и Ф.А. Фиельструп оставались в Налике в течение двух месяцев. Ф.А. Фиельструп занимался изучением материальной культуры кадиувео, а Г.Г. Манизер — лингвистическими исследованиями. Посетив еще несколько селений кадиувео, они переехали в район города Акидауана, где изучали терено. Здесь они встретились с группой первобытных охотников и собирателей шавантов (офайе) и кочевали вместе с ними в течение недели в период с 17 по 25 октября. За это время Г.Г. Манизеру и Ф.А. Фиельструпу удалось собрать уникальную коллекцию по культуре офайе. Достигнув побережья реки Парагвай, они приобрели две лодки-однодревки, связали их вместе и отправились вниз по течению к ранчо Барранку-Бранку, до которого было более двухсот километров. 30 октября налетевший шквал перевернул лодку. Утонула часть коллекций и дневников, сами этнографы спаслись буквально чудом. С помощью парагвайских пограничников они добрались до Барранку-Бранку, откуда в период с 12 по 17 ноября совершили несколько поездок для сбора новых коллекций к кадиувео и терена в селение Бананаль. Еще одну неделю Ф.А. Фиельструп провел у этих индейцев в декабре 1914 г.

Для дальнейших исследований Г.Г. Манизер и Ф.А. Фиельструп переехали в штат Сан-Паулу на пост Службы защиты индейцев — «Виллу Каинган». Так как средств на приобретение новых коллекций осталось очень мало, то решили одному продолжить исследования среди каинган, а другому отвезти имеющиеся коллекции в Рио-де-Жанейро и оттуда возвращаться в Россию. Бросили жребий, Г.Г. Манизеру выпало оставаться среди индейцев, а Ф.А. Фиельструпу — отвезти коллекции. Часть багажа еще ранее была оставлена в Барранку-Бранку. Однако судно, на котором возвращался Ф.А. Фиельструп, прошло без остановки мимо этого селения. Прибыв в конце декабря 1914 г. в Буэнос-Айрес, Ф.А. Фиельструп безрезультатно ждал полтора месяца доставки коллекций, а затем принял предложение Х.Б. Амбросетти отправиться в путешествие вокруг Южной Америки на военном судне «Президент Сармьенто». Он был назначен представителем Этнографического музея Буэнос-Айреса и должен был заниматься сбором коллекций. Судно находилось в плавании в течение восьми месяцев, останавливаясь только в крупных портах на несколько дней, поэтому деятельность Ф.А. Фиельструпа была малоуспешной. В Патагонии он приобрел несколько наконечников стрел, ступу и пест для растирания зерен и два бола для охоты на птиц. На Огненной Земле раскопал холм кухонных остатков и нашел несколько сломанных костяных наконечников гарпунов. В Перу — несколько древних могил, где обнаружил керамические изделия, а у местного крестьянина купил несколько кусков материи с орнаментом, также выкопанные из могил. По возвращении в Буэнос-Айрес в октябре 1915 г. Ф.А. Фиельструп передал эти коллекции Х.Б. Амбросетти, прекрасно сознавая, что они вряд ли смогут компенсировать затраты его пребывания на борту судна.

Г.Г. Манизер в течение двух месяцев с 21 ноября 1914 г. по 28 января 1915 г. провел успешные исследования среди каинган и отметил, что собранная им коллекция гораздо многочисленнее и интереснее, чем аналогичное собрание музея Сан-Паулу. Каинганы только в 1912 г. вышли из джунглей и полностью сохранили традиционную культуру, ни один индеец не знал португальского языка. Из «Виллы Каинган» Г.Г. Манизер совершал кратковременные поездки в другие районы. В период с 16 по 18 декабря 1914 г. и с 14 по 20 января 1915 г. он дважды посетил селение Арариба индейцев гуарани (кайюа), где приобрел лук со стрелами и отдельные предметы шаманского культа. В феврале 1915 г. посетил города Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. В предварительном отчете от 20 февраля 1915 г. Г.Г. Манизер писал Л.Я. Штернбергу:

«I. Кадиуево.

Изучались в поселениях: Налике с 2 авг. до 30 сент., Тарума и Мориньо — с 4 по 11 окт; Салобра — 16 и 17 ноября. Путешествие к ним было совершено из Барранко-Бранко на р. Парагвай пешком (ок. 200 км). Манизер посетил также кладбище их (ок. 50 килом. пешком). Кроме бытовых и религиозных предметов составлена коллекция рисунков на лице и руках. В языке подробнее изучена система числительных, представляющая известные в С. Америке и у гиляков Сахалина разные формы для разных семасиологических групп. Подвергнут проверке и исправлению сводный словарь Боджани.

II. Терены.

Изучались на отдельных индивидах среди кадиуево и в самостоятельном их поселении Бананаль вблизи станц. Виск. Де Тоннай ж.д. Итапура — Корумба, открытой в сентябре 1914 г. Здесь мы были: 27 окт., с 12 по 17 ноября, и Фиельструп провел еще неделю в декабре (2 килом. от станции, конечно, делались всегда пешком). Материальная и духовная культура сходна с кадиуево, удалось получить стрелы еще того времени, когда терено жили в Чако, и костюм для танцев той же эпохи. Записаны рассказы о чудесах шамана и сказки.

III. Шаванты (офайе).

Были захвачены благодаря счастливой случайности ок. города Акидауаны и сопровождалась нами в их передвижениях с 17 по 26 октября (ок. 40 килом. пешком). Коллекция содержала оружие, украшения, погремушки, флейты, корзины, колечки из кокосовой скорлупы и серию расписанных на бумаге лиц (красной краской уруку). Луки и стрелы, так же как и хижины, делались при нас, и были записаны все стадии производства. Составлен был небольшой словарь с примечаниями по грамматике. К сожалению, часть коллекций и все заметки погибли при крушении на р. Парагвай.

IV. Каинганги.

Изучались Манизером в основанном три года назад поселении около ст. Гектор Легрю ж.д. Нороесте. Индейцы за это непродолжительное время не научились говорить по-португальски и не утратили своих лесных привычек, так что в двух километрах от станции ж.д. можно наблюдать их ритуальные пиршества, междоусобные войны и весь примитивный уклад жизни. Пользуясь гостеприимством чиновника инспектории индейцев, Манизер пробыл в поселении с 21 ноября 1914 г. по 28 января 1915 г., работая при его содействии и под контролем.

Коллекция от них содержит лук более сажени в вышину, все типы стрел, примитивную и характерную керамику, украшения, модели колоды для ритуального напитка, корзины и т.д.» [Лукин 1977: 172–174].

При помощи русского посла И.В. Максимова в Рио-де-Жанейро Г.Г. Манизер смог предпринять экспедицию к ботокудам, среди которых он находился в течение полугода. В сентябре 1915 г. Г.Г. Манизер возвратился в Рио-де-Жанейро. Он осмотрел Национальный музей Бразилии и обменял дублетные предметы ботокудов на небольшую коллекцию по индейцам намбиквара из сборов 1912 г. Э. Рокетте-Пинто. Намбиквара считались каннибалами. Они впервые вступили в контакт с бразильцами в 1909 г., в то время предметы их культуры в собраниях музеев были большой редкостью.

Что касается других участников экспедиции, то С.В. Гейман в сентябре 1914 г. возвратился в Буэнос-Айрес, затем он совершил объезд славянских поселений Аргентины и Парагвая, где рассказывал о России и выступал с докладом «Моя жизнь среди дикарей» о десятидневном пребывании среди кадиувео селения Налике. С января по май 1915 г. он занимался изучением арауканов в Чили, а также посетил Огненную Землю, где собрал интересные коллекции по культуре она (селькнам и хауп) и яганов (ямана). В дальнейшем С.В. Гейман предпринял экспедицию в Перу и Боливию для изучения индейцев матако, тоба, чороте. И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук провели этнографические исследования среди гуарани Парагвая. В течение всего срока работы экспедиции ее участники поддерживали связи с Л.Я. Штернбергом и получали от него инструкции по сбору коллекций [Лукин 1977].

Всего участники экспедиции собрали более 750 предметов по всем вышеупомянутым народам, а также путем обмена и в качестве подарков получили небольшие коллекции по другим племенам. В порядке перечисления укажем собирателей, от которых МАЭ получил коллекции через участников Второй русской экспедиции: 37 предметов намбиквара от Э. Рокетте-Пинто (№ 2538), мужской пояс ленгуа от миссионера Г. Уиттингтона (№ 2560), накидка для лошади теуэльче от эмигранта из России Ю.И. Козловского (№ 2559), керамический сосуд из долины Кальчаки от православного священника в Буэнос-Айресе К.Г. Изразцова (№ 2376). При тех незначительных средствах, которые МАЭ выделил на приобретение коллекций, результат превзошел все ожидания.

* * *

После возвращения в октябре 1915 г. в Санкт-Петербург **Генриха Генриховича Манизера** (1889–1917) (рис. 6) приняли на временную работу в МАЭ для регистрации коллекций отдела Центральной и Южной Америки [Отчет... 1917: 2]. За год работы в музее он сделал очень много — написал монографию об экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию и занимался обработкой своих полевых материалов. Он подготовил к печати статьи о ботокудах, о музыкальных инструментах индейцев Бразилии, об индейцах каинган штата Сан-Паулу [Манизер 1916, 1918, **Manizer 1930**] и обзорную статью о своих исследованиях в Южной Америке [Манизер 1917]. В конце 1916 г. Г.Г. Манизер добровольцем ушел в армию, в мае 1917 г. на румынском фронте он заболел сыпным тифом. Скончался Г.Г. Манизер 21 июня 1917 г. в возрасте двадцати семи лет. У него были блестящие перспективы стать крупным ученым, однако Г.Г. Манизер

Рис. 6. Г.Г. Манизер

предпочел служение отечеству. Его рукописи и полевые дневники продолжают издаваться до настоящего времени.

Л.Я. Штернберг писал в его некрологе: «С большими лишениями, палубным пассажиром, он добрался до Буэнос-Айреса, едва имея средств на пребывание в этой стране в течение 2–3 месяцев. Отчасти благодаря рекомендациям от Музея, но главным образом благодаря своей настойчивости и крайней нетребовательности, он продержался в этой стране (в Южной Америке. — С.К.) около двух лет, весь ушедший в собирание коллекций и научные наблюдения. За это время он успел посетить целый ряд племен — кадиуево, почти неизвестное племя файя (офайе. — С.К.), каинган, гуарани и, наконец, две группы ботокудов; у последних он пробыл 6 месяцев, в течение которых настолько изучил их язык, что одно время был заместителем правительственного инспектора над ними. По возвращению в Россию в разгар войны он, словно предчувствуя скорую кончину, лихорадочно принялся за обработку своих материалов и успел подготовить почти все к печати, в том числе даже обширный лингвистический материал, несмотря на то, что за это время ему пришлось отбывать воинскую повинность и жить в казарме простым рядовым. Успел он также зарегистрировать и выставить коллекции из последней экспедиции в Ю. Америку и, кроме того, успел разработать найденные в Архиве Конференции материалы экспедиции покойного академика Лангсдорфа и приготовить к печати целую работу об этой экспедиции и ее результатах, включив в нее найденные им данные в литературе на португальском языке <...>

Отличный лингвист, разносторонне подготовленный тонкий наблюдатель, художник и музыкант, к тому же необычайно трудолюбивый и страстный любитель экспедиционной работы, он обладал в исключительной мере редким сочетанием всех данных, необходимых для серьезной работы в такой энциклопедической области знания, как этнография» [Отчет... 1918].

МАЭ после революции

В период с 1912 по 1927 г. С.А. Ратнер-Штернберг зарегистрировала все североамериканские экспонаты, которые не имели номеров. Если до 1912 г. коллекции в основном регистрировались по собирателям, то С.А. Ратнер-Штернберг стала их регистрировать по тематическому признаку. В 1914–1915 гг. из-за начала Первой мировой войны коллекции упаковали и приготовили для эвакуации. Вновь экспозицию восстановили в октябре 1918 г. В 1925 г. намечалось празднование двухсотлетнего юбилея образования Академии наук. Как отмечалось, К.К. Гильзен, благодаря временной регистрации разделил американское собрание музея по отдельным народам. Коллекции, которые не были выставлены на экспозиции, хранились в сундуках и ящиках по собирателям, поэтому К.К. Гильзену были известны все собрание И.Г. Вознесенского и ряд других коллекций. С.А. Ратнер-Штернберг стала действовать по-другому. Она разобрала сундуки с незарегистрированными предметами и составила из них новые тематические коллекции: одежда эскимосов, тлинкитские маски, вооружение тлинкитов и т.д. С.А. Ратнер-Штернберг формировала тематические собрания на основе внешних черт предметов — формы, материала, орнамента, т.е. она провела предварительную этнографическую атрибуцию, не занимаясь изучением музейной документации и не используя сведений собирателей. Такая работа привела к большому количеству ошибок в определении этнической принадлежности предметов. Главная цель С.А. Ратнер-Штернберг заключалась в том, чтобы как можно быстрее разобрать все собрание музея по народам Северной Америки и подготовить группы экспонатов для новой тематической экспозиции.

Положение сотрудников музея после революции было очень тяжелым, приходилось работать в сырых холодных помещениях, скудный продовольственный паек выдавался по карточкам. В то же время сильно вырос поток посетителей, для которых музей был открыт шесть дней в неделю. Не выдержав нервного перенапряжения, голода и лишений, уходили из жизни ученые. В 1918 г. скончался директор МАЭ В.В. Радлов. Ему было 82 года. Будучи немцем по происхождению, он считал себя русским ученым [Решетов 1995: 80]. В мае 1918 г. в возрасте 54 лет умер заведующий отделом Центральной и Южной Америки К.К. Гильзен. Он был талантливым музееведом, который много сделал для сохранения, учета и регистрации коллекций.

После кончины В.В. Радлова Л.Я. Штернберг фактически возглавил музей. В 1918 г. он принял на постоянную работу В.И. Иохельсона на должность заведующего отделом народов Африки и **Владимира Германовича Богораза** (Тана, Богораз-Тана, 1865–1936) (рис. 7) на должность заведующего отделом народов Центральной и Южной Америки. В 1918 г. благодаря деятельности Л.Я. Штернберга создали Географический институт с двумя факультетами: географическим и этнографическим. В 1925 г. он вошел в состав ЛГУ. На географическом

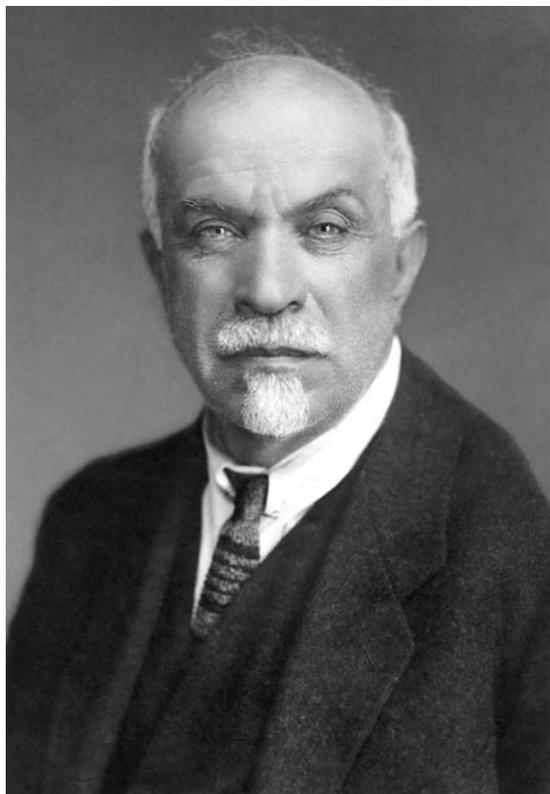

Рис. 7. В.Г. Богораз

факультете ЛГУ осталось два отделения: географическое и этнографическое. В 1919 г. Ученый Совет МАЭ по ходатайству Л.Я. Штернберга постановил «описать дублетные экземпляры коллекций и уступить таковые для этнографического кабинета Географического института» [Купина 2004: 73].

В отчете за 1919 г. Л.Я. Штернберг писал: «С горечью приходится констатировать, что текущая работа в отчетном году велась очень нерегулярно и была малопродуктивна. Неотопленное помещение, беготня и заботы о пропитании, дурное питание — все это тормозило работу; но по мере возможности работа продолжалась. Персонал бывает в Музее при температуре ниже нуля; регистрируются новые коллекции и книги, просматриваются списки, составляются карточки, пишутся новые путеводители и обсуждаются проекты улучшений и новых предприятий; некоторыми лицами готовятся к печати работы по музейным материалам» [Отчет... 1920: 148].

Характеризуя развитие этнографии в 1920-е годы, Т.Д. Соловей отмечает: «Господствующим в этнографии (во всяком случае, по числу приверженцев) оставался эволюционизм. После октября 1917 г. его позиции отчасти даже усилились за счет создания учебных и научных учреждений, содержание учебного процесса, исследовательские подходы, а также структура и названия которых отражали эволюционистский подход к изучению проблем человеческой культуры <...>».

В 1925 г. по инициативе последовательного приверженца эволюционистской теории Л.Я. Штернберга при Музее антропологии и этнографии (Ленин-

град) открывается отдел эволюции и типологии культуры, ставивший целью сравнительное изучение этнографических явлений и “освещение основных элементов человеческой культуры в их историческом развитии и типологии”.

Эволюционистская теория являлась неотъемлемой частью учебной подготовки кадров этнографов в 1920-е годы <...> Входивший в программу этнографического образования обязательный минимум общественных дисциплин представлял собой своеобразный синтез экономического материализма, социологических схем и элементов эволюционизма» [Соловей 2001: 105–106].

После революции поступление коллекций резко сократилось. В 1919 г. от коллекционера оружия Е.Е. Тевяшева поступило 240 предметов оружия различных народов мира (№ 2716). В состав этого собрания входили и вещи из Америки. В отчете МАЭ за 1919 г. сказано: «Прежде всего нужно отметить обширное собрание луков и стрел самых различных народов (североазиатских инородцев, китайцев, японцев, индейцев, персов, турок, бразильцев, маори, африканских народов и др.), собиравшихся Е.Е. Тевяшевым в течение целого ряда лет. Это ценное собрание представляет важное дополнение к собранию луков, уже имевшихся в Музее, включает в себе, кроме того, много дублетов; поэтому из данного собрания, которое предполагается не раздавать по Отделам, в Музее будет образован новый Отдел по типологии и эволюции луков вообще и сложных луков в частности. Кроме того, некоторые экземпляры из не изученных еще типов сложных луков будут подвергнуты поперечному разрезу для выяснения их техники. Постепенно это сравнительно-этнографическое собрание будет пополняться новыми типами и представит один из интереснейших отделов проектируемого сейчас в Музее особого отделения эволюции типов культуры» [Отчет... 1920: 136]. В 1952 г. эту коллекцию передали на постоянное хранение в музей им. А.В. Суворова. В 1921 г. МАЭ через С.М. Соломенко получил модель тотемного столба тлинкитов (№ 2788), которая была приобретена на Аляске в начале XX в. кем-то из православных миссионеров.

Как упоминалось, в 1918 и 1922 гг. В.И. Иохельсон передал в МАЭ две коллекции негативов по алеутам. Первую коллекцию он подарил музею после того, как его приняли в постоянный штат МАЭ, вторую — незадолго до эмиграции в США. В конце февраля 1921 г. В.И. Иохельсона и Л.Я. Штернберга арестовали по подозрению в контрреволюционной деятельности, освобождены они были по поручительству Максима Горького. Сравнив годы, проведенные в царской ссылке, когда он участвовал в научных экспедициях, получал за это жалование и публиковался, и неделю в советской тюрьме, В.И. Иохельсон решил не испытывать судьбу и в августе 1922 г. уехал в США. В целом жизнью в эмиграции В.И. Иохельсон был не удовлетворен. Он не получил штатную должность в АМЕИ и выполнял разовые работы по договорам. Чтобы иметь возможность вернуться в Россию, он не стал принимать американское гражданство и не получал пенсию. В.И. Иохельсону, которому в 1922 г. шел 68 год, пришлось работать чрезвычайно много. Кроме статей и рецензий на работы советских авторов в период с 1924 по 1928 гг. он опубликовал четыре монографии. В 1927 г. В.И. Иохельсон собирался вернуться в Россию. С 1929 по 1933 гг. Иохельсоны жили в Ницце, во Франции. В 1933 г. в США издали его монографии «Якуты» и «История, этнология и антропология алеутов». На последнюю работу вышла критическая рецензия С.А. Ратнер-Штернберг. Она писала:

«К сожалению, книга Йохельсона отнюдь не оправдывает ожиданий читателя. Из 86 страниц ее почти половина (40 стр.) посвящена истории открытия Алеутских островов и частью краткому описанию их природы и обитателей. Для русского читателя эта часть не дает ничего нового: она представляет собой извлечения из работы Л.С. Берга <...> (см.: [Берг 1924], а также: [Берг 1924а, 1926]. — С.К.).

Столь же скудны и данные по антропологии алеутов, хотя автор говорит, что его спутницей, мистрис Йохельсон, произведено 138 измерений над живыми алеутами и измерено 50 черепов. Вся глава об антропологическом типе алеутов занимает 1,5 страницы текста и дает лишь самые элементарные данные о форме черепа, а другим физическим признаком посвящено... 7 строк» [Ратнер-Штернберг 1935: 149–150].

XXI Международный конгресс американистов

В 1924 г. Л.Я. Штернберга избрали член-корреспондентом АН, а С.А. Ратнер-Штернберг утвердили в должности заведующей отделом Северной Америки. В августе 1924 г. Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз приняли участие в работе XXI Международного конгресса американистов, проходившего в Гааге (Голландия) и Гетеборге (Швеция) (рис. 8). В.Г. Богораз прочитал доклады «Новые

Рис. 8. Слева направо Л.Я. Штернберг, Ф. Боас, В.Г. Богораз

задачи этнографических исследований в полярных областях» и «Ранние переселения эскимосов между Азией и Америкой», Л.Я. Штернберг — доклад о сексуальном избрании в религиозных представлениях первобытных народов. На конгрессе присутствовали Ф. Боас, Р. Лоуи из США, В. Тальбицер, К. Биркет-Смит, Т. Матиассен из Дании, шведский этнограф Э. Норденшельд — директор этнографического музея в Гетеборге, М. Мосс и П. Риве из Франции и др.

В.Г. Богораз писал: «Биркет-Смит и Матиассен изложили результаты пятой датской экспедиции в арктическую Америку. Все пять экспедиций имели исходным пунктом селение Thule в проливе Смита (Smith Sound). Начальником этой экспедиции был знаменитый датский исследователь доктор Расмуссен <...> Сам Расмуссен остался в арктической Америке доканчивать работу экспедиции. Он поставил своей задачей изучить наречия и легенды всех частей эскимосского племени от Гренландии до Аляски и до Чукотского мыса в Азии.

В 1924 г. Расмуссен на американском китоловном судне действительно подъехал к эскимосскому поселку Ноокан (Наукан. — С.К.) на Чукотском мысу. Но в то время наши отношения с американцами весьма обострились из-за дерзкой попытки американских промышленников и морских пиратов захватить остров Врангеля, лишенный человеческого населения, но обладающий баснословными животными богатствами. Русский пароход «Декабрист» снял американских браконьеров с острова Врангеля. В результате этого другие китоловы, чувствуя, что за каждым из них есть нарушения правил о торговле, стали опасаться подходить к русским берегам. Таким образом, и Расмуссену в конце концов не удалось высадиться на Чукотском мысу» [Богораз 1926: 127].

Во время работы конгресса внимание Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз привлек доклад французского археолога П. Риве: «Небольшой, но чрезвычайно замечательный доклад Риве о двух предметах, найденных в раскопках французского палеолита, устанавливает несомненное сходство, даже тождество между этими предметами и частями эскимосской игры, похожей на бильбоке, но имеющей магическое значение. Таким образом, прибавляется новый узел к той связи, которою этнография и археология мало-помалу соединяют французский палеолит и восточно-сибирских палеоазиатов совместно с эскимосами» [Богораз 1926: 129–130]. В 1928 г. в отдел археологии МАЭ поступила из МААЭ аналогичная коллекция по палеолиту Франции вместе с изделиями эскимосов (№ 3748).

Л.Я. Штернберг прилагал большие усилия для поднятия авторитета МАЭ и его сотрудников среди европейских ученых, но как будут развиваться дальнейшие контакты, он не мог знать. К этому времени был закрыт свободный выезд ученых из России за границу, да и собирать новые коллекции, необходимые для обменных операций, внутри страны было не на что. Во время работы конгресса Л.Я. Штернберг восстановил связи с сотрудниками МААЭ и установил новые контакты с исследователями из США. В качестве дара от американского лингвиста Л. Блумфильда в 1925 г. МАЭ получил ожерелье индейцев кри (№ 3266) и археологическую коллекцию образцов керамики и каменных орудий из МААЭ (№ 3123). Еще три археологические коллекции (№ 3834, 3913, 3938) от директора этого музея (С.С. Willoughby) были получены в 1928–1929 гг., уже после кончины Л.Я. Штернберга.

За три с половиной месяца пребывания в Европе Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз посетили Голландию, Швецию, Данию, Англию, Францию, Германию. «Более конкретные результаты этой поездки для Музея выразились в том, что Л.Я. добился в Стокгольме компенсации за финансовое участие в довоенной (в 1914 г.) совместной экспедиции в Мексику, лично отобрав в запасных кладовых Стокгольмского Музея (где, несмотря на сильное обострение своего недуга он проводил целые дни) ряд коллекций по разным народностям Америки, Африки и Австралии в составе более 500 предметов. Кроме того, в Копенгагене он получил и переправил в Музей хранившуюся при Датском Колониальном Управлении большую (230 номеров) коллекцию из быта гренландских эскимосов, собранную незадолго до войны по поручению Музея и по инструкции Л.Я. через посредство супругов Хатт, работавших в нашем Музее целый год по изучению типов одежды» [Ратнер-Штернберг 1928: 48]. Здесь идет речь о коллекции М.Р. Харрингтона из 24 предметов (№ 3142), в которую вошли вещи индейцев пуэбло и района Равнин, и об упоминавшейся коллекции по культуре эскимосов южной и западной Гренландии, населявших районы рек Упернивик и Кангатсиак (№ 3044). Возможно, что она была собрана участниками Первой экспедиции Туле в 1912–1913 гг.

* * *

В апреле 1926 г. МАЭ и Этнографический отдел Русского музея посетил датский этнограф К. Биркет-Смит. Он искал этнографические параллели между древнеэскимосскими и сибирскими культурами [Богораз 1929: 104]. В то время при крайней ограниченности археологических и антропологических сведений исследователи пытались выявить культурные связи на основе сравнительного анализа этнографических данных. К. Биркет-Смит считал, что первоначально предки эскимосов жили во внутренних районах Аляски и Канады и занимались сухопутной охотой, позднее они вышли на морское побережье и перешли к охоте на морских животных. В.Г. Богораз отмечал: «Такие группы сухопутных эскимосов внутренней тундры существуют и теперь к северу и западу от Гудзонова залива, частью на Аляске. Биркет-Смит считает, что эта древнейшая культура распространилась некогда из Азии через Берингов перешеек в Америку. Он называет ее “протоэскимосской”».

Его недавнее посещение Ленинграда (апрель 1926 г.) имело своей целью найти в коллекциях североазиатского происхождения МАЭ и Русского музея определенные связи и сходства с материальной культурой этой древней протоэскимосской ступени» [Богораз 1927а: 43].

Особенно К. Биркет-Смита интересовали коллекции по азиатским эскимосам, но в МАЭ предметов их культуры было очень мало. В.Г. Богораз во время работы среди азиатских эскимосов в 1901 г. занимался в основном сбором лингвистического и фольклорного материалов, а свои этнографические коллекции отправил в АМЕИ. К тому же он провел среди азиатских эскимосов немногим более месяца и не располагал материалами, на основе которых можно было подготовить монографию. Для сравнения: среди чукчей В.Г. Богораз провел в общей сложности около трех лет. Результатом посещения К. Биркет-Смитом МАЭ стало соглашение об обмене коллекциями. В 1928 г. музей получил из Копенгагена коллекцию по эскимосам Канады (№ 3992), собранную К. Расмуссеном во

время работы Пятой экспедиции Туле 1921—1924 гг. Из-за интереса датских исследователей к этнографии азиатских эскимосов В.Г. Богораз в 1927 г. отправил на Чукотку одного из своих учеников — А.С. Форштейна.

В работе XXII Международного конгресса американистов, состоявшегося в сентябре 1926 г. в Риме, от МАЭ принимал участие только В.Г. Богораз. Здесь он вновь встретился с Ф. Боасом. Кроме своих сообщений «Палеоазиатские племена Сибири и их постепенное расселение с юго-запада на северо-восток», «Миф и культ умирающего бога-зверя в Северной Азии и Америке» и «Столетний юбилей русских экспедиций в Южную Америку» В.Г. Богораз представил доклад Д.И. Стрельникова «Кайюа Парагвая».

В 1927 г. к В.Г. Богоразу обратилась администрация Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса с предложением о возобновлении обмена коллекциями. Однако это предложение не было реализовано. В отчете МАЭ за 1927 г. сказано: «Затруднительность получения этнографических коллекций из экзотических стран путем самостоятельного их собирания на местах убедила МАЭ в необходимости возобновить практиковавшийся ранее систематический обмен с зарубежными музеями, а также принять участие в их сборах. Из сношений по этому делу выяснилась возможность вступить в обмен, на выгодных для МАЭ условиях, с целым рядом германских, голландских и других музеев, причем уже приняты меры к осуществлению такого обмена и совместной работы» [Отчет... 1928: 182].

Сразу после кончины Л.Я. Штернберга в 1927 г. его вдова передала в музей две орнаментированные ленты эскимосов Гренландии, которые в 1924 г. она получила от супруги В. Тальбицера (№ 3453). Тогда же от О.Д. Ниловой поступили две камлейки алеутов Командорских островов, они были приобретены адмиралом К.Д. Ниловым в конце XIX в. (№ 3483).

Также в 1927 г. МАЭ получил этнографическую коллекцию по индейцам корегуахе от Ю.Н. Воронова — участника советской ботанической экспедиции в Колумбию в 1926 г. (№ 3471). Коллекция состоит из 29 предметов одежды, украшений и предметов быта. Собиратель писал: «Одним из первых приобретенных этнографических предметов является ожерелье из зубов ягуара, которое удалось добыть за крупную, впрочем, сумму, от мрачного колдуна. Это своего рода уник, состоящий из 36 клыков, подобранных строго по величине от очень крупных до мелких. На это ожерелье пошло 18 животных, из которых некоторые, судя по величине зубов, были матерые, редкие самцы; клыки эти собирались, вероятно, не одним поколением.

Затем к коллекции присоединилось ожерелье из мелодичных плодов — погремушек, с вплетенными в него ярко окрашенными птичьими шкурками и хвостами. Его мне уступил весельчак Педро, смеявшийся таким звонким разительным смехом. За десятицентовые монеты ребятишки доставали мне образцы плетений и своих игрушек: волчок из плода пальмы “кумаре” и мячи из листьев маисовых початков. Последним играют наподобие нашего тенниса, пользуясь ладонями рук вместо ракеток. Я часто любовался их ловкою игрою. Одна девчурка принесла мне милое ожерелье из плодов мелкой пальмы, а от одной из почтенных матрон я получил очень интересный гребешок, вроде нашего частого гребня, но изготовленный из двухсторонних отдельных зубов из черной древесины пальмы — чонты, скрепленных двумя поперечными палочками и изящно переплетенных тонкими шкурками пальмовой фибры.

Несмотря на незначительное количество предметов, впоследствии оказалось, что многие из них отсутствуют в европейских музеях, например в Париже и даже в Берлинской коллекции К. Прейсса (К.Т. Пройсса. — С.К.), посетившего эти места за несколько лет до нас. Поэтому наш академический музей, куда я передал свои этнографические сборы, владеет в настоящее время рядом редких объектов индейской этнографии» [Воронов 1929: 37–38].

Подводя итог собирательской деятельности МАЭ в первой четверти XX в., В.Г. Богораз отмечал: «Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для музея большую половину наличных коллекций и сборов <...> Штернберг завязал в свое время все международные связи музея и оставил их преемникам своим как готовое наследие» [Богораз 1927: 278–279]. Эти международные связи сыграли существенную роль в дальнейшем пополнении фондов МАЭ по народам зарубежных стран на рубеже 1920–1930-х годов XX столетия.

В.Г. БОГОРАЗ И ЕГО УЧЕНИКИ — Ю.П. АВЕРКИЕВА И Н.Г. ШПРИНЦИН

В конце 1920-х — начале 1930-х годов отдел Центральной и Южной Америки возглавлял В.Г. Богораз, отдел Северной Америки — С.А. Ратнер-Штернберг. Сотрудниками двух отделов Америки, кроме вышеупомянутых заведующих, были Н.Г. Шпринцин, Ю.П. Аверкиева, А.В. Мачинский, М.В. Степанова, Э.В. Зиберт и Е.Э. Бломквист.

XXIII Международный конгресс американистов

С сентября по декабрь 1928 г. В.Г. Богораз находился в США, где посетил Нью-Йорк, Вашингтон и Филадельфию. Он приехал для участия в XXIII Международном конгрессе американистов, проходившем в Нью-Йорке. На конгрессе В.Г. Богораз не только встретился с известными американистами из США и Европы, но и познакомился с молодым поколением американских ученых: Р. Бенедикт, А.Л. Кребером, Ф.Г. Спеком, Л.А. Уайтом. Кроме собственного сообщения — «Американистские исследования в Ленинграде», В.Г. Богораз представил ряд докладов советских ученых, сотрудников МАЭ С.В. Иванова («Алеутские головные уборы и их орнамент»), Н.Г. Шпринцин («Стрелометательная трубка в Америке, Индонезии и Океании»), Г.Г. Манизера («Каинганы Сан Пауло»); сотрудника Зоологического музея Д.И. Стрельникова («Музыка и танцы индейских племен Кайюа (Гуарани) и Ботокудов») и «Экспедиция Г.И. Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг.») и музыковеда, сотрудника ГИИИ С.Л. Гинзбурга («Основные вопросы сравнительного изучения музыкальных инструментов индейцев Южной Америки»). По народам Сибири В.Г. Богораз зачитал четыре своих доклада, доклад, подготовленный совместно с Н.И. Леоновым, и доклады Н.П. Дыренковой и Б.Н. Вишневецкого. Кроме того, он организовал выставку советских изданий по антропологии, этнографии, лингвистике и фольклористике народов Сибири. Среди делегатов конгресса о В.Г. Богоразе сложилось мнение как о ведущем специалисте по народам Америки и Сибири в СССР, от поддержки которого во многом зависит организация совместных полевых исследований в Сибири.

Среди участников конгресса был В.И. Иохельсон. После его эмиграции в США между ним и В.Г. Богоразом развернулась заочная полемика по проблеме заселения Америки. В.Г. Богораз по-прежнему придерживался теории «азиатско-американской цепи народов», разделенной «эскимосско-алеутским клином». В.И. Иохельсон в начале 1920-х годов изменил свою точку зрения на этногенез эскимосов и считал, что они — автохтонный народ Америки, который в процессе заселения Аляски перешел Берингов пролив и заселил северо-восточную часть Чукотского полуострова [Богораз 1927a]. В результате этой дискуссии на заседания конгресса, где должны были выступать В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон, не являлся ни тот, ни другой, и Ф. Боас постоянно пытался их примирить. Только в 1935 г. В.И. Иохельсон возобновил деловую переписку с В.Г. Богоразом.

В конце сентября 1928 г. в Американском музее естественной истории Нью-Йорка В.Г. Богораз участвовал в Международном совещании по изучению народов Арктики, на котором присутствовали К. Уисслер от АМЕИ, А. Хрдличка от Смитсоновского института, канадский этнолог Д. Дженнесс, Э. Норденшельд из Швеции и трое датчан: В. Тальбицер, К. Биркет-Смит, Т. Матиассен. В.Г. Богораз представил доклад «Сравнительное изучение шаманизма в Азии и Америке». На совещании говорилось о необходимости организовать этнографические экспедиции в неисследованные районы Сибири и о том, что американские музеи готовы финансировать их проведение. Отмечалось, что в 1925 г. удалась попытка проникнуть в Сибирь — один из отрядов датской Пятой экспедиции Туле пересек Берингов пролив и провел исследования на мысе Дежнева. У местных жителей К. Расмуссен приобрел 164 предмета, найденных во время раскопок древних селений. Позднее Т. Матиассен опубликовал эту коллекцию [Mathiassen 1930].

Особенно активно за проведение полевых исследований в северо-восточной Сибири выступал А. Хрдличка, ему были необходимы результаты антропологических исследований на Чукотке для подтверждения теории о проникновении человека в Америку из Азии в районе Берингова пролива. Он представил участникам совещания ряд предметов, приобретенных у чукчей и азиатских эскимосов, аналогичных изделиям эскимосов Аляски. В.Г. Богораз выступил против организации американских или датских экспедиций по исследованию народов Сибири. Он заявил, что советские ученые имеют достаточно сил и средств, чтобы проводить самостоятельные исследования, и что на северо-востоке Сибири уже работает Чукотско-эскимосская экспедиция МАЭ [Богораз 1929: 105]. Позиция В.Г. Богораз вполне объяснима, в 1927 г. его утвердили руководителем Чукотской этнографической экспедиции. Тогда же он отправил на Чукотку студента-этнографа А.С. Форштейна для проведения полевых исследований среди азиатских эскимосов. В.Г. Богораз планировал принять участие в этой экспедиции, после возвращения из Америки [Отчет... 1929: 250].

«Совещание имело информационный характер, так как представители различных стран не пришли к окончательному решению. Был, однако, набросан проект резолюции двумя датскими представителями Биркет-Смитом и Матиассеном. Однако обсуждение этой резолюции отложено до 24 конгресса, имеющего состояться в 1930 году в Гамбурге» [Богораз 1929: 103]. Сразу отметим, что разрешение на выезд из страны для участия в работе XXIV Международного конгресса американистов В.Г. Богораз не получил.

Неудача в переговорах не остановила А. Хрдличку, он решил сохранить связи с советскими этнографами и содействовал возобновлению обмена коллекциями между МАЭ и Национальным музеем естественной истории при Смитсоновском институте. Когда в конце октября 1928 г. В.Г. Богораз посетил Вашингтон, то ученый секретарь Смитсоновского института А. Ветморе пошел навстречу его предложениям по обмену коллекциями. Администрация НМЕИ отправила коллекции в Ленинград по личной договоренности с В.Г. Богоразом. Он обещал, что в ответ будут присланы коллекции по народам Сибири. «Успех переговоров В.Г. Богораза, — отмечала Ю.А. Купина, — основывался на его авторитете среди американских антропологов и длительном личном знакомстве со многими из них» [Купина 2004: 65]. В начале 1929 г., когда В.Г. Богораз находился во Франции, в МАЭ поступили три коллекции по индейцам пуэбло из сборов Дж. Стивенсона, Дж. Муни, У. Пауэлла (№ 3944, 3945, 4010). В середине 1929 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский в письме к руководству НМЕИ просил извинения за задержку с ответом и интересовался, по каким народам хотели бы получить коллекции в Вашингтоне. В ответном письме А. Ветморе писал, что НМЕИ хотел бы получить коллекции по азиатским эскимосам и алеутам Командорских островов, т.е. по народам, в изучении которых был заинтересован А. Хрдличка. Пока длилась переписка и отбор предметов, 2 сентября 1930 г. Е.Ф. Карского уволили, и новым директором МАЭ 12 октября 1930 г. утвердили Н.М. Маторина. В декабре он запросил разрешение в Президиуме АН СССР на отправку в Вашингтон коллекции по культуре якутов, к этому времени в обменном фонде МАЭ имелись коллекции только по якутам и народам Амура. Коллекция была получена в НМЕИ летом 1931 г. Она поступила без сопроводительной документации, лишь с кратким списком предметов. В 1932 г. руководство НМЕИ обратилось к Р.Ф. Бартону, американскому гражданину, работавшему в МАЭ, с просьбой узнать дополнительную информацию об этой коллекции. В свою очередь Р.Ф. Бартон обратился за помощью к В.Г. Богоразу и летом 1932 г. НМЕИ получил короткий официальный ответ — коллекция была собрана среди якутов в районе междуречья Алдана и Лены [Купина 2004: 65–69].

В Филадельфии В.Г. Богораз посетил Университетский музей археологии и антропологии Пенсильванского университета (УМПУ). Его сотрудники разрабатывали проект создания отдела по изучению этнографии и археологии народов России. Эта идея была поддержана Ф. Боасом и В.Г. Богоразом. Ключевой фигурой нового отдела УМПУ стал археолог Е. Голомшток — эмигрант из России. В 1931 и 1932 гг. он дважды приезжал в Советский Союз и работал во многих музеях Москвы и Ленинграда, в том числе и в МАЭ [Golomshtock 1933]. Он вел переговоры об обмене коллекциями и научной литературой между советскими музеями и УМПУ. В 1933 г. МАЭ подготовил для обмена ряд коллекций по археологии и этнографии народов Сибири. В 1934 г. при оформлении документов для очередной командировки в Советский Союз Е. Голомштоку отказали во въездной визе, и обмен коллекциями не состоялся [Купина 2004: 76–79]. В результате этого проекта в отдел Америки в 1933 г. поступила серия фотоколлекций (№ И-41, И-49, И-51, И-52) от директора УМПУ Х.Ф. Джейне (H.F. Jayne).

Во время командировки в США В.Г. Богораз договорился с Ф. Боасом об обмене студентами. Ф. Боас преподавал в Колумбийском университете Нью-

Йорка, он считался в Советском Союзе «прогрессивным» буржуазным ученым. В 1926 г. в СССР опубликовали его теоретическую работу «Ум первобытного человека» [Боас 1926]. Идея обмена студентами и аспирантами возникла у Ф. Боаса еще в начале 1920-х годов после длительного перерыва связей с российскими учеными из-за Первой мировой войны, двух революций и Гражданской войны в России. В то время Ф. Боас годами добивался от В.Г. Богоразу завершения его работ по Джезуповской экспедиции и ждал публикаций В.И. Иохельсона по результатам экспедиции 1909–1910 гг. на Алеутские острова. Ф. Боас пришел к выводу, что эффективнее организовать обмен студентами, отправить в Россию молодых американских ученых и в дальнейшем использовать материалы их полевых исследований.

В письме к В.Г. Богоразу от 24 ноября 1924 г. Ф. Боас писал: «Для начала я хочу попытаться получить стипендию по крайней мере для одного русского этнолога. Мой план заключается в том, что он будет находиться здесь в одном из университетов Восточного побережья достаточно долго, чтобы познакомиться с нашими научными методами; я хотел бы послать его на Аляску, чтобы он провел скрупулезное исследование тлинкитов, которое никогда еще не проводилось. Это кажется мне особенно нужным, поскольку большая и ценная (тлинкитская) коллекция Музея Академии наук в Ленинграде должна быть глубоко переработана с учетом информации, полученной в поле <...>

Я надеюсь, что Вы сделаете все возможное, чтобы реализовать этот план и выбрать молодого российского ученого, мужчину или женщину, который был бы достаточно компетентен для проведения намеченных исследований» [Кан 2007: 216].

В середине 1920-х годов отправить кого-либо из советских студентов на стажировку в США так и не удалось. Что касается «переработки» тлинкитского собрания МАЭ, то С.А. Ратнер-Штернберг в период с 1927 по 1930 гг. опубликовала три статьи с описанием тлинкитских коллекций музея [Ратнер-Штернберг 1927, 1929, 1930]. Вероятно, они были написаны при участии Л.Я. Штернберга.

Экспедиция Ф. Боаса — Ю.П. Аверкиевой к квакиутль (1930–1931 гг.)

Весной 1929 г. В.Г. Богораз привез пять приглашений советским студентам для продолжения образования в Америке, одно из них предназначалось студенту-этнографу. Этим студентом стала **Юлия Павловна Аверкиева** (1907–1980) (рис. 9). В 1925–1929 гг. она училась на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ и специализировалась на изучении финно-угорских народов Карелии. Среди ее преподавателей были Н.М. Маторин, Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз, последний стал ее научным руководителем. Кроме курса по этнографии Ю.П. Аверкиева изучала немецкий, французский и финский языки. Финским языком она овладела в совершенстве. Способности Ю.П. Аверкиевой к иностранным языкам, наряду с крестьянским происхождением и активным участием в комсомольской работе, стали главным фактором при утверждении ее кандидатуры на стажировку в США. Так как в Америку Ю.П. Аверкиева должна была въехать по студенческой визе, то ей пришлось отложить сдачу экзаменов и защиту дипломной работы и немедленно начать

Рис. 9. Ю.П. Аверкиева

изучать английский язык. Позднее Ю.П. Аверкиева писала: «По инициативе Боаса и В.Г. Богоразы в 1929 г. был произведен первый обмен студентами между СССР и США. В США были посланы пять советских студентов, затем Боас направил к нам индейца Арчи Финнея, проходившего аспирантуру при Академии наук СССР в Ленинграде. Боас живо интересовался русской литературой, изучал русский язык» [Аверкиева 1946: 102].

В октябре 1929 г. Ю.П. Аверкиева приступила к занятиям в женском Бернارد колледже Колумбийского университета Нью-Йорка. Весной 1930 г. Ф. Боас предложил ей принять участие в экспедиции к индейцам квакиутль на остров Ванкувер. По-видимому, к тому времени у Ю.П. Аверкиевой не было четкого представления о дальнейшей научной работе. В письме на имя Н.М. Маторина она спрашивала совета — нужно ли ей ехать в экспедицию к индейцам [Нитобург 2003: 404]. Н.М. Маторин и В.Г. Богораз настоятельно рекомендовали Ю.П. Аверкиевой принять участие в экспедиции. Ф. Боас относился к своей русской студентке с большим вниманием. Летние каникулы 1930 г., когда было закрыто общежитие Бернارد колледжа, Ю.П. Аверкиева провела на загородной вилле Ф. Боаса в кругу его семьи. Вероятно, и экспедицию к квакиутль 72-летний Ф. Боас организовал главным образом для Ю.П. Аверкиевой. К этому времени он уже совершил девять экспедиций к квакиутль и вряд ли надеялся на сбор каких-то новых, оригинальных сведений.

В начале октября 1930 г. Ф. Боас и Ю.П. Аверкиева были на месте — в индейском селении Форт Руперт на острове Ванкувер в канадской провинции Британская Колумбия. При пересечении канадской границы Ф. Боас выдавал

Ю.П. Аверкиеву за свою внучку, так как у нее не было ни канадской визы, ни американского паспорта, который давал право на свободный въезд в Канаду. В Форте Руперт жил главный информатор Ф. Боаса метис Джордж Хант. Их плодотворное сотрудничество началось в 1888 г. Дж. Хант по разработанным Ф. Боасом программам проводил этнографические исследования, записывал индейские мифы и предания, собирал этнографические коллекции для Американского музея естественной истории Нью-Йорка [Jonaitis 2000: 171–185] и даже был соавтором Ф. Боаса [Boas, Hunt 1902]. По местным меркам Дж. Хант был состоятельным человеком. Его жена Мэри Хант и зажиточная индейка Хемаходаюгва стали главными информантами Ю.П. Аверкиевой.

Ю.П. Аверкиева писала: «Индейцы расселены по небольшим самостоятельным деревням, расположенным всегда у воды. Жилищем служат небольшие дощатые хибары, у богатых индейцев — каркасные дома. В каждой деревне можно увидеть развалины старых больших общинных домов. Иногда сохранился и весь дом, служащий теперь местом всех праздничных сборищ жителей деревни. Если в деревне не было старого большого дома, то специально сооружался общественный дом <...> Старинные обычаи и обряды индейцев сохранились в незначительной степени и в пережиточной форме или почти ушли в область прошлого» [Аверкиева 1959: 343].

«Во время нашего пребывания там в 1930 г. в Форт Руперт и вдоль улиц Алерт Бея стояло еще несколько резных тотемных столбов. В связи с переселением индейцев в маленькие односемейные дома в них не было уже места для огромных резных столбов, поддерживавших некогда балки большого дома. Наиболее интересные произведения этого искусства стояли тогда на кладбище, на могилах родовых вождей и членов их семей. Это были памятники не только умершим людям, но и умирающему искусству народа» [Аверкиева 1961: 71].

Ф. Боас поручил Ю.П. Аверкиевой изучение «веревочной игры» на пальцах рук и сбор материала о конструируемых при этом веревочных фигурах. Этой работой Ю.П. Аверкиева занималась более трех месяцев и подготовила объемную рукопись, собрала коллекцию из 102 веревочных фигур и сделала большое количество фотографий и зарисовок. Работа Ю.П. Аверкиевой была опубликована только через шестьдесят с лишним лет [Averkieva, Sherman 1992]. Также она собрала интересную этнографическую коллекцию по традиционной культуре квакиутль для МАЭ (№ 4271) и сделала серию фотографий (№ И-2201). Полевая работа Ф. Боаса и Ю.П. Аверкиевой продолжалась с октября 1930 г. до середины января 1931 г., за это время около трех месяцев они провели в селении Форт Руперт и около двух недель — в селении Алерт Бей. В Нью-Йорк они возвратились через Оттаву, где Ю.П. Аверкиева познакомилась с коллекциями Национального музея человека.

В Советский Союз Ю.П. Аверкиева вернулась в мае 1931 г. Она сразу же сдала выпускные экзамены и получила диплом об окончании университета. В июле Ю.П. Аверкиеву зачислили в аспирантуру МАЭ, в августе приняли на работу в должности научного сотрудника. Среди других сотрудников музея Ю.П. Аверкиева выделялась теоретической и практической подготовкой. Эта база позволила ей в дальнейшем стать известным американистом. Однако свои экспедиционные материалы по квакиутль Ю.П. Аверкиева никогда не публиковала в виде отдельной статьи или отчета. Как представляется, на это были

серьезные причины. Во-первых, в Канаду она въехала без визы. Во-вторых, Ю.П. Аверкиева с удивлением обнаружила, что среди индейцев были зажиточные люди. В то время такие сведения опубликовать было невозможно, так как в советской печати все индейцы представлялись бедными, бесправными и угнетенными. В-третьих, значительная часть полевых материалов Ю.П. Аверкиевой посвящена описанию церемониальных празднеств квакиутль — потлачей, которые она наблюдала, находясь среди индейцев. В 20-е годы XX в. проведение потлачей было запрещено канадскими законами, и за участие в них предусматривалось уголовное наказание.

Ю.П. Аверкиева отмечала: «Во время моего пребывания на о-ве Ванкувер у племени квакиутль в 1930—1931 гг. мне приходилось наблюдать потлачи. Это было далеко уже не то, что описано выше. Потлачи были запрещены канадским правительством и “королем Георгом”, как говорят индейцы, а потому происходили втайне, в деревушках наиболее отдаленных от правительственного агента. Как уже отмечалось, раздавались на потлачах главным образом шкуры, позже фабричные шерстяные одеяла, которых накапливалось до тысячи и более. Но часто вместо одеял вождь «продавал» медную пластинку, которая являлась представителем одеял <...> Ко времени моего приезда на побережье все пластины индейцев были конфискованы правительством и отвезены в Оттаву, где я их видела позже валявшимися на складе Оттавского музея. Индейцы были в большом возмущении. Была послана делегация, но она до Оттавы не доехала, так как была возвращена обратно уже из г. Онтарио. Продажи одеял в больших количествах также уже не было. Да и сами индейцы, лишившись охотничьих и рыболовных угодий, настолько обеднели, что могли покупать шерстяные одеяла только для постели. Таким образом, были подорваны основы потлачей. В 1930—1931 гг. потлачи были очень малочисленны — присутствовало человек 20—30 самое большое — и раздавалось на них имущества долларов на 20—50, в редких случаях на 100. Некоторые раздавали деньги. “Подарки” были разные: по 1 доллару, по 20, 30, 50 центов, в зависимости от состояния одариваемого. Раздавали ситец, сатин, мотки шерсти, тазы, чашки, особенно была в ходу стеклянная посуда. Перед потлачем в кладовой семьи можно было видеть горы такой посуды, часть которой была получена на других потлачах, в хозяйстве она не употреблялась, а откладывалась и накапливалась для своего потлача. Одна женщина уже второй год плела корзины, их у нее было уже до 20, и все они предназначались для раздачи на потлаче. Другая вязала шерстяные шарфы; муж ее был “большим вождем” (конечно, номинально), и они должны были устроить большой потлач» [Аверкиева 1941: 51—52].

Если бы в 1930-е годы Ю.П. Аверкиева опубликовала свои полевые материалы, то они стали бы письменными свидетельствами о нарушении индейцами канадских законов. Основную часть полевых материалов она опубликовала через тридцать лет в виде небольших отрывков в нескольких работах.

Ю.П. Аверкиева пыталась знакомить советских ученых с работами Ф. Боаса. Она сделала перевод его рукописи «Колдовство у индейцев квакиутль» [Боас 1935]. На смерть в 1942 г. своего американского учителя Ю.П. Аверкиева откликнулась статьей, в которой подробно осветила вклад Ф. Боаса в развитие этнографии [Аверкиева 1946].

В 1935 г. Ю.П. Аверкиева защитила кандидатскую диссертацию «Рабство у индейцев Северной Америки», ее опубликовали в 1941 г. [Аверкиева 1941].

Для своего времени в этой работе было несколько новых идей. Например, о том, что процесс классового образования происходил не только в обществах с производящим хозяйством — земледелием и скотоводством, но и с присваивающим хозяйством. Она убедительно показала процесс классового образования у индейцев северо-западного побережья, основным занятием которых было рыболовство. Ю.П. Аверкиева работала в МАЭ в период с 1931 по 1936 гг. и с 1938 г. до начала Великой Отечественной войны. В дальнейшем она являлась сотрудником московской части ИЭ АН СССР.

В 1932–1937 гг. проходил обучение в аспирантуре МАЭ индеец не-персе Арчибальд Финней. В очерке воспоминаний А.И. Жамойды о нем сообщается: «Почти в начале наших занятий В.Е. Краснодембский рассказал о “разговоре знаками” при помощи рук, и он нам сообщил, что в институте работает некий Арча, настоящий индеец из Америки, который знает язык жестов, и уже Академия выпускает фильм, где он показывает этот разговор. Вскоре вошел сам Арча, небольшого роста коренастый человек, с черными волосами и с чуть желтым лицом, которое ничего не выражало, точно это была живая мумия. Мы кончили занятия, вышли, и вдруг Борису пришла в голову мысль: посмотреть язык жестов. Арча согласился» [Жамойда 1999: 138]. В 1937 г. А. Финней защитил кандидатскую диссертацию по языку не-персе. Перед отъездом на родину, он подарил МАЭ небольшое собрание одежды и домашней утвари (№ 5518, 5519).

Создание Института этнографии АН СССР

В 1917 г. при АН создали Комиссию по изучению племенного состава народов России и сопредельных стран (КИПС), в 1925 г. ее переименовали в Комиссию по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран АН СССР. Сотрудники КИПС участвовали в этнографических экспедициях, проводили научные исследования и занимались сбором коллекций. Материалы КИПС использовали для установления границ союзных республик и при проведении переписи населения СССР. В 1929 г. председателем КИПС был академик Н.Я. Марр. В 1929 г. Академия наук организовала проверку работы КИПС. Члены проверочной комиссии пришли к выводу, что КИПС во многом дублирует работу МАЭ. На что Н.Я. Марр заявил, что МАЭ ведет музейную работу, а КИПС занимается исследовательской деятельностью в области национальной политики. В декабре 1929 г. он направил письмо в Совет Народных Комиссаров, где просил учредить на базе КИПС научно-исследовательский институт. В январе 1930 г. заместителем Н.Я. Марра стал Н.М. Маторин. В этом же году при АН в Ленинграде создали Научно-исследовательский институт по изучению народов СССР (ИПИН) во главе с Н.М. Маториным (также упоминается под другим названием — Институт по изучению национального состава СССР). Его главной задачей стало «разоблачение антимарксистских и антиленинских направлений в дореволюционной русской и зарубежной этнографии» [Соловей 1998: 197].

В октябре 1930 г. Н.М. Маторина назначили директором, а И.Н. Винникова — ученым секретарем МАЭ. Н.М. Маторин стал первым директором музея, который не являлся действительным членом АН и даже не имел высшего образования. Сотрудники ИПИН сразу занялись обновлением экспозиции МАЭ.

Было проведено заседание Ученого совета, на котором обсуждался план создания новой экспозиции взамен устаревшей эволюционно-типологической. «Общее мнение выразил один из опытейших экспозиционеров В.Г. Богораз-Тан, призывавший “освободится от плена вещей”, выставлять не вещи, а социально-экономические и политические идеи» [Станюкович 1978: 200]. Т.В. Станюкович отмечала: «Отдал Музей также дань и другим веяниям времени, например увлечению плоскостными выставками (реакция на критику “бескрылого вещеведения”). В 1930 г. в музеях в связи с этим появляется своеобразное гонение на вещи, причем многие музеи бросаются в другую крайность: из экспозиции выхолащивается конкретный вещевой материал, вместо которого стены и шкафы заполняются лозунгами и цитатами, схемами, фото- и статистическими таблицами» [Там же].

В 1933 г. ИПИИ официально включили в состав МАЭ, и на их основе создали Научно-исследовательский институт антропологии и этнографии. В 1935 г. его переименовали в Институт антропологии, археологии и этнографии, а в 1937 г. — в Институт этнографии АН СССР (ИЭ). Такая же неопределенность была и в научных исследованиях. Прекратилось издание Сборников МАЭ, зато помимо журнала «Советская этнография» и сборника «Труды Института этнографии» институт стал издавать периодические издания «Советская археология» и «Советский фольклор» [Решетов 2003а: 32]. То есть после небольшого перерыва (с 1928 по 1933 гг.) продолжилась трансформация этнографии в сверхдисциплину по изучению человека и его культуры, которая объединяла этнографию, антропологию, археологию, фольклористику и широко использовала данные истории, географии и лингвистики. Возникновению подобной гуманитарной мультидисциплины активно препятствовали партийные функционеры еще в 1920-е годы, так как она неизбежно вступила бы в противоречие с догмами марксизма-ленинизма.

* * *

МАЭ и до 1933 г. и после был разделен на отделы со своим штатом сотрудников. Для Института антропологии и этнографии в 1934 г. создали кабинеты, где работали те же сотрудники отделов МАЭ. Кабинет Северной, Южной Америки и Африки возглавил Д.А. Ольдерогге. В следующем году его разделили на две секции. В 1935 г. С.А. Ратнер-Штернберг без защиты присудили степень кандидата исторических наук и назначили заведующей секцией народов Америки. Одновременно в структуре музея остался отдел Центральной и Южной Америки, которым заведовала Н.Г. Шпринцин. В разное время отделы назывались кабинетами, секциями, группами, секторами. В 1937 г. были назначены сразу два директора — МАЭ возглавил Д.А. Ольдерогге, ИЭ — В.В. Струве. Тогда же при ИЭ создали единый сектор Африки, Америки, Австралии и Океании во главе с И.Н. Винниковым, а в структуре музея — отдел Северной Америки во главе с С.А. Ратнер-Штернберг. В марте 1941 г. объединили отделы Северной Америки, Центральной и Южной Америки. Чтобы избежать путаницы, и в дальнейшем будем говорить о МАЭ как о едином учреждении, разделенном на отделы.

В 1930-е годы от этнографов требовалось развитие «теории классовой борьбы». Как показать на экспозиции музея «классовую борьбу» у первобытных

народов Америки — было непонятно никому. Поэтому главный упор сделали на формы хозяйства и на процесс имущественной дифференциации. Залы народов Северной и Южной Америки «украсили» планшетами с портретами И.В. Сталина и цитатами из его выступлений. Главным объектом изучения советских американистов стали работы Л.Г. Моргана — сторонника эволюционизма, которые использовал Ф. Энгельс при написании книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Л.Г. Моргана объявили «стихийным материалистом». Из США выписали его книги, фотокопии рукописей и других документов. В 1932 г. Ленинград посетил один из последовательных сторонников теории Л.Г. Моргана преподаватель Мичиганского университета Л.А. Уайт [Аверкиева 1979: 199]. Тогда же в журнале «Советская этнография» опубликовали его теоретическую статью, посвященную защите эволюционизма [Уайт 1932].

В 1932 г. опубликовали биографию Л.Г. Моргана [Косвен 1932]. В 1933 г. вышла книга «Л.Г. Морган. Жизнь и учение» [Косвен 1933]. В следующем году издали письма Л. Файсона и И.Я. Бахофена к Л.Г. Моргану [Винников 1934, 1934а]. В 1936 г. М.О. Косвен опубликовал статью «Энгельс и Морган» [Косвен 1936]. Что касается работ самого Л.Г. Моргана, то в 1934 г. издали его книги «Древнее общество» и «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» [Морган 1934, 1934а]. Публикации архивных материалов Л.Г. Моргана посвятили второй том «Трудов Института этнографии» [Винников 1935]. Между руководством МАЭ в лице И.Н. Винникова и Н.М. Маторина и руководством Института народов Севера ЦИК СССР в лице Я.П. Алькора (Кошкина) и М.О. Косвена развернулось соперничество за издание работ Л.Г. Моргана.

Также было необходимо перевести главный этнографический труд Л.Г. Моргана — монографию «Лига ходеносауни, или ирокезов». В отделе Америки был сотрудник с хорошим знанием английского языка — Ю.П. Аверкиева, однако С.А. Ратнер-Штернберг подвергла критике ее способности переводчика [Нитобург 2003: 406]. У них были непростые отношения. Ю.П. Аверкиева писала о потлаче у индейцев северо-западного побережья: «Но также нельзя согласиться с объяснением потлачей С.А. Штернберг, которое очень похоже на объяснение Mauss'a <...> **Нам не известны никакие религиозные и магические представления, которые были бы связаны с институтом потлачей.** Весь процесс сугубо материалистичен. Раздаются не магические объекты, а одеяла, имеющие единственную “душу”, “душу денег”» [Аверкиева 1935: 47]². Ю.П. Аверкиева определенно владела английским языком лучше других сотрудников отдела. Ее первый муж был гражданином США, и после возвращения из Америки она совершенствовала свой английский. В воспоминаниях современников неоднократно подчеркивается, что Ю.П. Аверкиева прекрасно знала английский язык. В мае 1936 г. «за политическую близорукость и потерю классовой бдительности» Ю.П. Аверкиевой объявили строгий выговор, а в сентябре уволили из музея. Для перевода книги Л.Г. Моргана стали искать другого специалиста. Выбор остановили на сотруднице отдела рус-

² Речь идет о статье С.А. Ратнер-Штернберг «Музейные материалы по тлингитам. Очерк II. Церемониальные принадлежности». Не вызывает сомнения, что эту и другие статьи с описанием тлингитских коллекций С.А. Ратнер-Штернберг подготовила под руководством Л.Я. Штернберга, который встречался с М. Моссом на международных конгрессах американистов и состоял с ним в длительной научной переписке.

ской и финской этнографии ГМЭ Е.Э. Бломквист, которую в 1935 г. пригласили на работу в МАЭ. В 1936–1938 гг. она сделала перевод книги, однако публикация «Лига ходеносауни, или ирокезов» была осуществлена только в 1983 г. [Морган 1983].

В конце 1930-х годов изучение работ Л.Г. Моргана потеряло актуальность для руководства МАЭ. И.Н. Винников в последний раз вернулся к публикации его архивных материалов [Винников 1938], и о «классике американистики» надолго забыли. К этому времени активные пропагандисты его учения Н.М. Маторин и Я.П. Алькор были репрессированы. Хотя их не обвиняли в пропаганде именно теории Л.Г. Моргана, изучать наследие неизвестного «широким массам трудящихся» американского ученого стало небезопасно. Всем специалистам в области гуманитарных наук было понятно, что пришло время изучать не работы Л.Г. Моргана или Ф. Энгельса, а И.В. Сталина. Таким образом, критика «буржуазных» теорий в этнографии и организация научных исследований на базе исторического материализма стали приоритетными задачами в работе сектора/отдела Америки в 30-е годы XX в.

В.Г. Богораз как американист

С конца 1920-х годов, по мере того как советская идеология укрепляла свои позиции, возросло давление на сотрудников музея. В октябре 1928 г. молодые этнографы И.Н. Винников, Н.Г. Шпринцин, Н.И. Гаген-Торн, С.В. Иванов и др. направили в Российскую ассоциацию научных исследований общественных наук критическое письмо, в котором писали, что ситуация в этнографических музеях не позволяет этнографам активно включиться в работу по строительству социализма [Шангина 1991: 72]. Впоследствии все авторы этого письма заняли руководящие посты в МАЭ и ИЭ. В апреле 1929 г. состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда. И.И. Шангина писала: «...В ходе дискуссии много внимания уделялось современному состоянию дел в музеях: тяжелому финансовому положению, плохой издательской базе, неудовлетворительному хранению коллекционного собрания. При определении причин тяжелого материального положения музеев участники совещания пошли по пути, проторенному официальной пропагандой тех лет. Виновниками были объявлены “старые специалисты”, якобы идеологические противники нового строя» [Шангина 1991: 74].

Е.А. Михайлова отмечала: «После скандальных судебных процессов 1928–1931 гг. над “учеными-вредителями” началось фронтальное наступление на “буржуазных специалистов”, занятых в промышленности, науке и системе высшего образования. В те годы идеологической атаке подвергалась Академия наук СССР, собравшая в своих стенах беспартийных ученых. В обществе формировалась атмосфера враждебности и подозрительности по отношению к кадрам старых специалистов. Любой из них мог быть заподозрен, по выражению И.В. Сталина, в “оппозиции строительству социализма”» [Михайлова 2004: 124].

По возвращении из заграничной командировки в 1929 г. В.Г. Богораз, пытаясь идти в ногу со временем, организовал «Антирелигиозную выставку». Для ее создания из фондов МАЭ отобрали несколько тысяч предметов культа из всех районов мира. Выставка открылась 15 апреля 1930 г. в Государственном

Эрмитаже. Два года ушло на поиск постоянного помещения, и в 1932 г. на базе выставки создали Музей истории религии и атеизма (МИР) при АН, который занял здание Казанского собора. Его первым директором стал В.Г. Богораз. Этим назначением в глазах многих зарубежных ученых имидж В.Г. Богораза был сильно испорчен. Его связи с Ф. Боасом почти прервались [Кан 2007: 223]. Д.Л. Иохельсон-Бродская высказывалась о В.Г. Богоразе и его «музее безбожников» крайне негативно. Она считала, что насильственное насаждение атеизма в России приведет к большим человеческим жертвам. Окончательный разрыв между Ф. Боасом и В.Г. Богоразом произошел в 1933 г., когда В.Г. Богораз опубликовал перевод статьи Ф. Боаса «Задачи антропологического исследования» [Боас 1933] вместе со своими комментариями, в которых подверг резкой критики «эмпиризм» и теоретические взгляды американского ученого [Богораз 1933]. В.Г. Богораз не собирался возвращать экспонаты из МИР в МАЭ, так как в этом случае в музее атеизма остались бы пустые витрины. После его смерти завязалась длительная переписка между МАЭ и МИР о возврате коллекций. Только в 1948 г. часть экспонатов была возвращена, а большая часть предметов МАЭ так и осталась в МИР.

В августе 1930 г. секретариат Центрального исполнительного комитета СССР отказал В.Г. Богоразу в командировке в Гамбург для участия в XXIV Международном конгрессе американистов. Лишившись возможности выехать за границу, В.Г. Богораз стал выступать за развитие международного сотрудничества по изучению народов Сибири и проведение совместных экспедиций [Богораз 1936а: 195]. В 1931 г. Н.М. Маторин писал: «Рано или поздно и “полевая этнография”, разместившаяся под сенью Географического института и отдающая сильным душком старомодного народничества, должна уступить свои позиции <...> всюду побеждающему, действительному марксизму» [Маторин 1931: 12]. После этого сигнала в 1932 г. расформировали этнографическое отделение на географическом факультете ЛГУ, руководителем которого был В.Г. Богораз. Археологические коллекции по народам Америки, хранившиеся в университете, тогда же передали в отдел археологии МАЭ (№ 4427, 4428, 4432).

В 1932 г. Н.М. Маторин обратился в Смитсоновский институт с предложением о продаже коллекций МАЭ. Он планировал продать 842 предмета по культуре народов Сибири за 2640 долларов [Купина 2004: 79–80]. Из-за экономического кризиса в США Смитсоновский институт отказался от этой сделки. Также безрезультатно закончились его попытки установить деловые связи с французскими учеными [Маторин 1999]. Тогда же в 1932 г. Н.М. Маторин заключил соглашение с ВОКС об издании на английском, немецком и французском языках сборника статей сотрудников Института антропологии и этнографии «ВОКС. Этнография, фольклор и археология в СССР», который вышел в следующем году и предназначался для распространения за границей [VOKS. Ethnography...1933]. **Складывается впечатление, что Н.М. Маторин пытался взять в свои руки контакты с зарубежными исследователями, которые ранее поддерживали Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз.**

«В течение нескольких лет (начало 30-х), — отмечала О.Ю. Артемова, — марксизм был превращен из методологии в набор догм, отступление от которых представляло не только угрозу для возможности писать и публиковать свои работы, но и реальную опасность для жизни исследователя» [Артемова

2003: 201–202]. Периодически В.Г. Богораз подвергался критике со стороны молодых «марксистки подкованных» коллег и партийных органов за «политическую близорукость» и «нежелание перестроиться на новый лад». «Владимир Германович явственно чувствовал опасность, нависшую над его головой, и неустанно уверял власть в своей лояльности» [Михайлова 2004: 126]. Представляется, его «главное преступление» перед новой властью состояло в том, что как «старый специалист», высказывавший не марксистские идеи, он не должен был занимать руководящие посты и публично выступать, а В.Г. Богораз преподавал и публиковался до конца своих дней. Он занимал должность заведующего отделом Центральной и Южной Америки до 1933 г., когда его назначили заведующим отделом Сибири. В 1930-е годы В.Г. Богораз ввел термин «этно-тройка» в отношении себя, Л.Я. Штернберга и В.И. Йохельсона. Вместе они полевых исследований никогда не проводили, также у них не было совместных публикаций. В то время различные «тройки» вызывали у современников самые негативные ассоциации.

В 1934 г. в Лондоне состоялся первый Международный конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН). Вероятно из-за разрыва связей с Ф. Боасом, В.Г. Богораз не получил приглашение на этот конгресс. По инициативе датских ученых на конгрессе сформировали Международный комитет по изучению народов Арктики. В его состав вошли Д. Дженнесс от Канады, Ф. Боас от США, К. Биркет-Смит и В. Тальбицер от Дании. В.Г. Богораз заочно избрали почетным членом этого комитета. Это была очередная попытка после совещания 1928 г. в Нью-Йорке организовать при участии ученых из Европы и Америки исследования в Сибири. Отсутствие представителей СССР на конгрессе изначально обрекало на неудачу проекты совместных работ. Американским и датским ученым оставалось только продолжить двухстороннее сотрудничество. Первая датско-американская экспедиция состоялась в 1933 г., когда К. Биркет-Смит и Ф. де Лагуна изучали эскимосов-чугачей и индейцев ияк. Еще раньше, в 1929 г., Ф. де Лагуна стажировалась в Копенгагене у Т. Матиассена и они вместе совершили экспедицию к эскимосам Гренландии. В дальнейшем, в период с 1939 по 1950 гг., было проведено пять датско-американских экспедиций [Birket-Smith 1952: 121].

* * *

Несмотря на трудности, В.Г. Богораз всегда продолжал «дело В.В. Радлова — Л.Я. Штернберга» по пополнению фондов МАЭ коллекциями, в этом он видел главный смысл музейной работы. В 1929 г. от Е.Е. Тевяшева поступило два изделия из кости — алеутская модель байдарки (№ 3902) и эскимосская фигурка моржа (№ 3473). Е.Е. Тевяшев был знаком с В.Г. Богоразом и Л.Я. Штернбергом, впервые он начал сотрудничать с МАЭ в 1919 г. В 1931 г. В.П. Шнейдер передала в МАЭ берестяную коробку алгонкинов (№ 4279). В 1934 г. вдова академика П.П. Сушкина передала деревянную ложку индейцев нутка (№ 5199). Зоолог П.П. Сушкин неоднократно консультировал В.Г. Богораз по вопросам распространения видов животных и растений в Сибири и на Аляске.

В 1927–1929 и 1929–1933 гг. на северо-востоке Чукотки среди чукчей и азиатских эскимосов провел полевые исследования ученик В.Г. Богораз, впо-

Рис. 10. А.С. Форштейн, К.М. Мыльникова-Форштейн

следствии сотрудник отдела Сибири МАЭ А.С. Форштейн (рис. 10). Он собрал интересную коллекцию по быту азиатских эскимосов и сделал более 140 фотографий [Крупник, Михайлова 2006]. В 1928 г. в селении Унгазик (Чаплино) от эскимоса Панауи А.С. Форштейн получил в дар украшенную бисером сумку американских эскимосов (№ 5116), которую в 1933 г. он передал в МАЭ. В этом же селении в 1901 г. проводил исследования В.Г. Богораз.

С.В. Иванов писал, что в последние годы жизни В.Г. Богораз разрабатывал план комплексной экспедиции по изучению народов Северо-Восточной Азии. При этом было предусмотрено проведение археологических раскопок на Чукотке для разрешения проблемы заселения Америки [Иванов 1946: 5]. Практическим результатом этих планов и стали исследования А.С. Форштейна, которые, к сожалению, не завершились научными публикациями. Кроме А.С. Форштейна полевые исследования на Чукотке провели еще два ученика В.Г. Богораз — Н.Б. Шнакенбург и И.С. Вдовин, последний в 1932–1934 гг. изучал береговых чукчей. Н.Б. Шнакенбург в 1931–1933 гг. работал краеведом Чукотской культбазы Комитета народов Севера в районе залива Св. Лаврентия. Он изучал чукчей и азиатских эскимосов [Шнакенбург 1935: 173]. В архиве МАЭ хранится его неопубликованная рукопись «Эскимосы», при подготовке которой Н.Б. Шнакенбург использовал материалы А.С. Форштейна [Крупник, Михайлова 2006: 203]. В этот период этнографические коллекции дарили музею не только сотрудники МАЭ, но и учителя эскимосских школ, работавшие на Чукотке, К.С. Сергеева, И. Братишкина, Г.А. Меновщиков

[Mikhailova 1994: 83]. Они сотрудничали с Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера, ее архив в 1941 г. поступил в МАЭ.

В.Г. Богораз и сотрудники Национального музея Дании (НМД) В. Тальбицер и К. Биркет-Смит вели научную переписку в течение многих лет. В 1933 г. от В. Тальбицера поступила фотоколлекция по эскимосам восточной Гренландии (№ И-55). В 1936 г. А.С. Форштейна, как специалиста по эскимосам, командировали на три месяца в Национальный музей Дании, где он работал с конца апреля до начала августа. В Копенгагене А.С. Форштейн изучал коллекции по американским эскимосам, сотрудничал с В. Тальбицером, К. Биркет-Смитом, Л. Хаммерих и др., переписывался с Ф. Боасом [Крупник, Михайлова 2006: 191; Крупник 1998: 213–214]. Он передал в НМД коллекцию рисунков азиатских эскимосов и вещи из своих сборов. По возвращении из Дании в отдел Америки А.С. Форштейн передал фотографии экспонатов НМД. В результате его командировки в 1937 г. музей получил коллекцию из 123 предметов археологии (№ 5526), собранную участниками Шестой экспедиции Туле К. Расмуссена в 1931–1933 гг. в восточной и западной Гренландии. У А.С. Форштейна были хорошие перспективы стать крупным ученым, французский и русский были его родными языками, кроме английского и немецкого он овладел языком азиатских эскимосов [Решетов 2002: 276]. В 1937 г. его арестовали, в дальнейшем этнографией он не занимался.

В 1936 г. В.Г. Богораз возобновил переписку с Ф. Боасом. Ф. Боас договорился с администрацией МААЭ о возвращении в МАЭ коллекции из Мексики, которая была получена во время археологической экспедиции в 1912–1914 гг. в районе Аскапоцалько (№ 5481). Как упоминалось, еще в 1913 г. МАЭ совместно с МААЭ и ГЕИМ профинансировал эти раскопки.

В целом в 1920-е — начале 1930-х годов серьезных исследований по американистике В.Г. Богораз не проводил. К изучению азиатских эскимосов он вернулся в начале 1930-х годов из-за интереса к этой теме датских и американских исследователей. В 1934 г. В.Г. Богораз опубликовал грамматический очерк по их языку [Богораз 1934]. В 1936 г. вышла его работа по социальным отношениям американских эскимосов [Богораз 1936а] и статья по сравнительному изучению фольклора эскимосов [Богораз 1936]. Только в 1949 г. опубликовали его монографию по языку азиатских эскимосов (с приложением тринадцати фольклорных текстов) [Богораз 1949] и статью, посвященную играм народов Севера [Богораз 1949а]. В 1934, 1939 и 1991 гг. вышли на русском языке три части монографии В.Г. Богораз «Чукчи», ранее изданные в США в 1909, 1907 и 1904 гг. [Богораз 1934а, 1939, 1991]. Несмотря на то что эта работа посвящена чукчам, в ней есть и этнографическое описание культуры азиатских эскимосов. В некоторых местах сведения об эскимосах выделены в самостоятельные разделы — «Эскимосские [поселки. — С.К.]» [Богораз 1934а: 14–17], «Праздники азиатских эскимосов» [Богораз 1939: 95–102], «Войны с эскимосами» [Там же: 173–175], но в основном В.Г. Богораз приводит данные об эскимосах в контексте, рассказывая о традиционной культуре чукчей. Общий объем сведений по эскимосам в трех частях его монографии состоит из нескольких десятков страниц. Как упоминалось, в 1913 г. В.Г. Богораз издал фольклорные материалы по эскимосам. Таким образом, последовательно были опубликованы его этнографические, фольклорные и лингвистические материалы по азиатским эскимосам, полученные во время полевых исследований 1901 г.

Все вышеперечисленные работы представляют интерес и в наше время. Другие его статьи и доклады по проблеме заселения Америки и поиску параллелей в культурах народов Сибири и Аляски, представленные на международных конгрессах американистов, утратили актуальность. В.Г. Богораз считал, что большинство народов Сибири являются палеоазиатами или праазиатами и в разной степени сохранили древние черты, которые можно найти при изучении их культуры в сравнении с культурами народов Северной Америки. Так как речь шла об этнографии, то отсюда возникал вывод, что переселение народов из Сибири в Америку произошло относительно недавно [Богораз 1927а: 41–42]. Представляется, что главным для В.Г. Богораза был не поиск параллелей в культурах народов Сибири и Аляски, а активизация этнографических исследований среди народов Сибири. В решении именно этой задачи В.Г. Богораз и его ученики добились наибольших успехов. К сожалению, в начале XX в. В.Г. Богораз зависел от установки своих американских работодателей на поиск параллелей в культурах народов Сибири и Аляски, а его ученики в 1930–1950-е годы стали зависеть от догм «марксистско-ленинского учения».

10 мая 1936 г. В.Г. Богораз скончался. На его смерть телеграммами и письмами соболезнования откликнулись П. Риве, Ф. Боас, В.И. Иохельсон и К. Биркет-Смит. Последний писал: «Это, конечно, не только для науки в СССР, но и для всей этнологии большая потеря. Лично я, как в Ленинграде, так и в других городах, знал профессора Богораза как чрезвычайно внимательного и выдающегося коллегу» [Шпринцин 1936б: 224].

В мае 1939 г., выступая на заседании МАЭ, посвященном памяти В.Г. Богораза, С.В. Иванов сказал: «Главная задача, которую ставил себе Влад. Герм., — изучение крайнего Севера восточной Азии, связанное с эскимосской проблемой, эта задача до сих пор не реализована, так как та Северная экспедиция, проведение которой должно было обеспечить разрешение этой задачи — до настоящего времени не осуществилась. Между тем нельзя не отметить, что как раз этот последний раздел, т.е. экспедиция на крайний Север, имеет не только колоссальное значение для специалистов-палеоазиатов, но и международное значение в связи с проблемой происхождения американского человека, проблемой, которой уделяют очень большое внимание американские этнографы, неоднократно писавшие и самому Влад. Герм., и дирекции Института о желательности увязки этой работы с работой американцев» [АМАЭ. К-І. Оп. 3. № 13. С. 113–113 об].

Сотрудники отдела

В середине 1930-х годов обстановка в стране мало способствовала развитию науки. В 1936–1937 гг. были репрессированы многие сотрудники МАЭ/ИЭ. А.М. Решетов отмечал: «Можно себе представить, в каком тяжелом состоянии продолжал работать институт: ведь, как утверждалось, “враги живут и действуют среди нас”, и гремели призывы повышать и проявлять революционную бдительность» [Решетов 2003а: 34].

О вкладе в американистику В.Г. Богораза и Ю.П. Аверкиевой говорилось выше. Здесь остановимся на результатах научной деятельности других сотрудников отдела Америки, работавших в музее в 1930-е годы.

Софья Аркадьевна Ратнер-Штернберг (Сара Абрамовна Штернберг, 1870–1942) в 1890 г. окончила педагогические Бестужевские курсы. В 1910 г. ее приняли на работу в МАЭ для регистрации американских коллекций. После публикации трех статей, посвященных описанию тлинкитского собрания МАЭ, она отошла от научной работы и сосредоточилась на текущей музейной и административной деятельности. С.А. Ратнер-Штернберг опубликовала несколько статей о Л.Я. Штернберге и ревностно оберегала его научное наследие [Роон, Сирина 2003: 66]. В 1933 г. она подготовила «планшетную» выставку «Положение негров в США», в 1934 г. разорвала переписку с Ф. Боасом. Ее «политически-грамотная» позиция была высоко оценена руководством музея. В 1935 г. С.А. Ратнер-Штернберг без защиты присудили степень кандидата исторических наук и назначили заведующей секцией Америки. Тогда же она опубликовала критическую рецензию на книгу В.И. Иохельсона «История, этнология и антропология алеутов». В 1936 г. вышла ее брошюра, посвященная расовым проблемам в США и статья по социальным отношениям индейцев [Ратнер-Штернберг 1936, 1936а]. Несмотря на актуальные для того времени публикации, С.А. Ратнер-Штернберг из-за своего образования и возраста явно не соответствовала образу «советского ученого». В 1937 г. ее вновь перевели на музейную должность — заведующей отделом Северной Америки.

В конце 1930-х годов в МАЭ готовился к печати коллективный четырехтомный сборник «Очерки по этнографии народов зарубежных стран» под редакцией Д.А. Ольдерогге. Для этого труда С.А. Ратнер-Штернберг написала раздел «Индейцы Калифорнии», впоследствии он вошел в первый том «Народы Америки» [1959]. В марте 1941 г. ее назначили заведующей объединенным отделом народов Северной, Центральной и Южной Америки. В этот период она сделала описание коллекции Г.И. Лангсдорфа для книги Г.Г. Манизера. Ранее в течение двенадцати лет над подготовкой монографии Г.Г. Манизера к публикации работала Н.Г. Шпринцин. С.А. Ратнер-Штернберг не пережила первую блокадную зиму, она скончалась в осажденном Ленинграде 28 февраля 1942 г.

Евгения Эдуардовна Бломквист (1890–1956) в 1914 г. окончила естественно-географическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского педагогического института, а в 1924 г. — этнографическое отделение Географического института. С 1921 г. работала в Этнографическом отделе Русского музея (с 1934 г. — ГМЭ), где занималась изучением этнографии русских и финнов. После перевода в МАЭ в 1935 г. изучила его американские коллекции и опубликовала краткий путеводитель по североамериканской экспозиции музея [Бломквист 1936]. В 1935 г. МАЭ посетила сотрудница АМЕИ М.Л. Киссель — специалист по плетению и ткачеству индейцев Северной Америки. Е.Э. Бломквист познакомилась с экспозицией и фондами музея. В 1936 г. М.Л. Киссель прислала в МАЭ небольшую фотоколлекцию. Также через нее С.А. Ратнер-Штернберг пыталась возобновить деловые связи с Ф. Боасом.

Е.Э. Бломквист пригласили на работу в МАЭ специально для перевода книги Л.Г. Моргана [Бломквист 1936а], поэтому темой ее научной работы стала этнография ирокезов. Во время Великой Отечественной войны Е.Э. Бломквист вместе с другими сотрудниками МАЭ была эвакуирована в Ташкент, где находилась с 1942 по 1945 гг. и занималась этнографией русских.

Мария Васильевна Степанова (1901–1946) (рис. 11), дочь академика-микробиолога В.Л. Омелянского, в 1929 г. окончила Государственный институт истории искусств по специальности музееведение. Поступив на работу в музей в 1936 г., М.В. Степанова быстро овладевала навыками этнографа-американиста. Изучив этнографическую литературу, она подготовила очерки «Алеуты», «Гренландские эскимосы», «Индейцы пуэбло» для книги «Очерки по этнографии народов зарубежных стран». Впоследствии материалы М.В. Степановой были использованы при подготовке соответствующих разделов первого тома «Народы Америки». Особенно ее интересовала проблема этногенеза алеутов и эскимосов. Она изучила археологические коллекции по древнеэскимосской культуре из сборов 1908–1910 гг. Н.П. Борисова и Д.А. Беттака в ГМЭ (№ 1909, 2002) и проштудировала основную американскую литературу, в особенности работы А. Хрдлички. А. Хрдличка посетил МАЭ в июне 1939 г., он передал в библиотеку музея несколько своих работ и прочитал доклад об антропологических исследованиях в США. Между ним и М.В. Степановой установились плодотворные рабочие контакты. Под влиянием А. Хрдлички М.В. Степанова планировала принять участие в экспедиции на Командорские острова для изучения алеутов.

Наряду с научной работой М.В. Степанова с большим интересом занималась музейной работой: участвовала в организации выставок, обновлении экс-

Рис. 11. М.В. Степанова

позиции, ежегодной инвентаризации. Для написания кандидатской диссертации она выбрала тему «Эскимосское население Аляски в 30—40-е годы XIX в.». Первую блокадную зиму М.В. Степанова провела в Ленинграде. Как и других сотрудников музея, в 1942 г. ее эвакуировали в Ташкент. После возвращения из эвакуации она проработала в МАЭ более двух лет. Скончалась М.В. Степанова в декабре 1946 г. в возрасте 45 лет. Ее диссертационные материалы были опубликованы в виде четырех статей, из них только одна статья издана при жизни автора [Степанова 1944а, 1947, 1947а, 1949].

Нозми Григорьевна Шпринцин (1904—1963) в 1924 г. окончила факультет общественных наук ЛГУ, а в 1929 г. — этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. Обучаясь на географическом факультете, она одновременно работала по договору в отделе Центральной и Южной Америки МАЭ и в ЛГУ ассистентом на кафедре первобытного хозяйства и техники. После окончания университета В.Г. Богораз пригласил Н.Г. Шпринцин на постоянную работу в МАЭ. Она участвовала в подготовке «Антирелигиозной выставки» в Государственном Эрмитаже. Известно, что в 1932 г. Н.Г. Шпринцин была заведующей Политпросвет отдела МАЭ, с 1933 г. — членом постоянной Музейной комиссии АН СССР под председательством академика А.С. Орлова. В 1934 г. Н.Г. Шпринцин назначили заведующей отделом Центральной и Южной Америки. Темой своей научной работы она выбрала изучение научного наследия бразильской экспедиции Г.И. Лангсдорфа 1822—1828 гг. По этой теме Н.Г. Шпринцин опубликовала несколько статей в 1930-е годы [Шпринцин 1936, 1936а] и готовила к печати монографию Г.Г. Манизера об экспедиции Г.И. Лангсдорфа, которая вышла только после войны. Также она занималась текущей музейной работой и опубликовала путеводитель по отделу Центральной и Южной Америки. 11 марта 1941 г. Н.Г. Шпринцин уволили по сокращению штата в связи с объединением отдела Центральной и Южной Америки с отделом Северной Америки. В 1941—1944 гг. она работала в Государственном Эрмитаже старшим инспектором отдела учета и хранения. В октябре 1941 г. Н.Г. Шпринцин принимала на временное хранение в Государственный Эрмитаж особо ценные коллекции МАЭ. В 1945 г. после возвращения из эвакуации работала заведующей музея ЛГУ, а затем вернулась на работу в МАЭ.

Эрна Владимировна Зиберт (1908—1981) после окончания «Петер шуле», как и другие этнографы ее поколения, училась на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ с 1925 по 1930 гг. В студенческие годы проходила практику в МАЭ в отделах Центральной и Южной Америки и эволюции и типологии культуры. В 1934 г. была принята на постоянную работу в МАЭ на должность научного сотрудника отдела народов Центральной и Южной Америки, занималась текущей музейной и учетно-хранительской работой. В связи с сокращением штата 1 сентября 1941 г. ее уволили. В течение нескольких недель Э.В. Зиберт не могла устроиться на работу и оставалась без продовольственной карточки. В 1942 г. работала в Государственном Эрмитаже. С лета 1942 г. по сентябрь 1944 г. находилась в эвакуации.

Алексей Владимирович Мачинский (Мочинский) (рис. 12) родился в марте 1910 г. в дворянской семье. В 1927 г. поступил в Ленинградский историко-лингвистический институт на отделение древнего мира, факультета языкознания и истории материальной культуры. Одним из его преподавателей был В.Г. Богораз. В январе 1932 г. он окончил институт, получил диплом музееведа и исто-

Рис. 12. А.В. Мачинский

рика Древнего Востока и поступил на работу в ГАИМК. В МАЭ по договору стал работать с апреля 1934 г., в марте 1936 г. его зачислили в постоянный штат на должность научного сотрудника. Сферой научных интересов А.В. Мачинского были древние цивилизации Латинской Америки. В МАЭ он провел большую работу по изучению этнографических и археологических коллекций по народам Мексики и Перу. Для своего времени он публиковался очень активно. В период с 1934 по 1940 г. А.В. Мачинский опубликовал в журналах «Советская археология» и «Советская этнография» шесть статей [Мачинский 1934, 1936, 1936а, 1937, 1940, 1940б], две заметки в журнале «Наука и техника» [Мачинский 1937а, 1938] и одну статью в Большой советской энциклопедии [Мачинский 1940а]. Еще одна его статья по древнеэскимосской культуре Чукотки была издана на основе изучения коллекций ГМЭ (сборы 1908–1910 гг. Н.П. Борисова и Д.А. Бетгака) [Мачинский 1941].

Как и другие сотрудники отдела, А.В. Мачинский принимал участие в подготовке сборника «Очерки по этнографии народов зарубежных стран». Он написал вводный раздел о народах Мексики, главы об испанском завоевании Америки и о древних цивилизациях ацтеков, майя и инков. И.Ф. Хорошаева писала: «Особенно удачными были главы, которые написал А.В. Мачинский, умело сочетавший широту исторического подхода к теме и скрупулезность исследования с предельной доступностью изложения» [Хорошаева 1976: 143]. В примечании она отметила, что материалы А.В. Мачинского были использованы при подготовке соответствующих разделов второго тома «Народы Аме-

рики», хотя в этой книге его фамилия не упоминается. В 1955 г. вышел сборник «Индейцы Америки», который предшествовал двум томам «Народы Америки». В этом сборнике есть разделы, подготовленные на основе рукописей А.В. Мачинского из архива МАЭ, — «История завоевания и колонизации Центральной и Южной Америки и современное положение индейцев» (автор Н.Г. Шпринцин) и «Индейцы майя» (авторы Ю.В. Кнорозов и Н.Г. Шпринцин) [Индейцы Америки 1955: 149–186].

Во время работы в музее общественной деятельностью А.В. Мачинский не занимался, целиком посвящая все время научной деятельности. Видимо, его осторожность происходила из понимания ситуации, складывавшейся в Академии наук и в стране. В 1939 г. его призвали в армию для прохождения воинской службы в должности военного переводчика в звании рядового. Во время прохождения службы на Дальнем Востоке он продолжал заниматься наукой и проводил археологические раскопки. Последнюю коллекцию от А.В. Мачинского А.П. Окладников получил в 1941 г. [Деревянко 1968: 288]. В самом начале войны его произвели в лейтенанты. В 1942 г. А.В. Мачинский погиб.

* * *

Что касается музейных событий, то для всех сотрудников МАЭ стал памятным 1936 г., когда на экспозиции народов Мексики произошел пожар. Экспозиция находилась на первом этаже исторического здания Кунсткамеры. По воспоминаниям старейших сотрудников, руководство МАЭ периодически проводило учебные пожарные тревоги, и со временем они превратились в формальность. По сигналу пожарной сигнализации сотрудники с огнетушителями собирались у условно горящего шкафа, а затем расходились по кабинетам. Чтобы «встряхнуть» коллектив, решили внести в учения «свежую струю». На экспозиции народов Мексики установили ящик, подожгли в нем несколько листов бумаги и включили сигнал пожарной тревоги. Сотрудники стали собираться у места возгорания, и тут выяснилось, что кто-то пришел без огнетушителей, у других огнетушители были в нерабочем состоянии. Между тем огонь разгорался, загорелся ящик, и пламя перекинулось на шкафы, с треском лопнули стекла витрин и стали гореть экспонаты. Все забегали в поисках воды, перекрыли двери в другие залы и с большим трудом организовали тушение пожара. В результате «противопожарных учений» сгорело 459 предметов, своды зала были покрыты сажей, пол завален осколками битого стекла от витрин и остатками сгоревших экспонатов. В то время такие «учения» не могли быть проведены без санкции директора, парторга и профорга. Каким-то образом скандал удалось замять, и все остались при своих должностях. В 1937 г. А.В. Мачинский создал новую экспозицию из археологических коллекций «Древние культуры Мексики и Южной Америки» и подготовил ее путеводитель, который не был издан.

Положение сотрудников МАЭ/ИЭ после репрессий 1936–1937 гг. было очень тяжелым. А.М. Решетов писал: «Институт этнографии АН СССР в Ленинграде продолжал свою деятельность, которая в конце 1930-х — начале 1940-х годов еще более усложнилась: приказы пестрят призывами к бдительности, охране социалистического имущества, быть готовыми к обороне. На все случаи назначались ответственные и дежурные: по организации пожарной

безопасности, дегазации, санитарной обороны, по подготовке помещений на случай нападения противника и т.д. и т.п. Сотрудники круглосуточно дежурили в институте, постоянно проходили различные инструктажи: по пользованию противогазами, оказанию первой медицинской помощи, организации противовоздушной обороны... Дирекция постоянно обращала внимание на случаи незакрытых помещений (“небрежное отношение к охране вверенных им ценностей”!) и даже дверей на лестницу, на появление в здании посторонних лиц» [Решетов 2003а: 37].

Международные проекты А. Хрдлички, Ф.Г. Рейни, К. Биркет-Смита

В 1934 г., вскоре после установления дипломатических отношений между СССР и США, А. Хрдличка обратился к руководству АН СССР с предложением провести совместные исследования для установления связей между древними культурами Сибири и Аляски. Он предлагал профинансировать музейные и полевые исследования советских ученых в США, но и на этот раз его проект остался нереализованным [Крупник 1998: 204]. Тогда же А. Хрдличка возобновил переписку с московскими антропологами и археологами. В 1934 г. антрополог Н.А. Синельников опубликовал рецензию на его работу «Приход человека из Азии в свете новых открытий» об исследованиях на Аляске в 1926–1932 гг. Он писал: «Несмотря на то что работы американских антропологов не дали непосредственного ответа на вопрос о древнейших переселениях в Америку, значение их для решения основных вопросов заселения Нового Света особенно велико.

Исследование путей переселения аборигенов Азии в Америку, их расового типа и культуры имеет не меньший интерес и для советской антропологии. Еще до получения отчета о последних работах на Аляске Гос. антропологическим музеем и институтом в Москве был поставлен вопрос об организации в ближайшее время экспедиции на Дальний северо-восток с такой же целью. В настоящее время такая экспедиция приобретает особую актуальность в связи с американскими работами. Следует пожелать, чтобы научная связь между советской и американской антропологией встала на более прочную почву, чем до сих пор, как для решения указанных проблем, так и для укрепления общей культурной связи обеих стран» [Синельников 1934: 147].

Особенно плодотворные связи А. Хрдличка установил с археологом А.М. Золотаревым, который периодически публиковал рецензии на книги американских исследователей и обзоры советской литературы по антропологии и археологии, например «Исторические предпосылки формирования *Homo sapiens* в освещении советских археологов» [Золотарев 1936]. Говоря об этой статье, О.Ю. Артемова отмечала: «В ней он впервые отходит от жесткой методологической установки на “конвергентность” (т.е. одинаковость, обусловленную единими закономерностями, а не взаимовлияниями) развития самых различных первобытных обществ ойкумены и пишет о значении культурных заимствований, миграции и роли географической среды и климатического фактора, а также о необходимости пристального изучения всего этого при построении теории ранней социальной эволюции, т.е. по существу отказывается от прежнего резкого и идеологически окрашенного неприятия диффузиониз-

ма и антропогеографии» [Артемова 2003: 215–216]. В 1936 г. А.М. Золотарев в соавторстве с Г.Ф. Дебецем опубликовал статью «Происхождение американского человека» [Золотарев, Дебец 1936]. В 1937 г. в первом номере «Антропологического журнала» напечатали три статьи по интересующим А. Хрдличку вопросам: А.М. Золотарева «К вопросу о происхождении эскимосов» [Золотарев 1937: 47–56], Т.Я. Токаревой с описанием антропологических материалов В.И. Иохельсона по алеутам [Токарева 1937: 57–71] и М.Г. Левина «Краниологический тип ульчей (нани)» [Левин 1937: 82–90]. Тогда же в США издали статью А.М. Золотарева о медвежьем празднике ульчей [Zolotarev 1937]. В 1938 г. он опубликовал статью «Из истории этнического взаимодействия на северо-востоке Азии» с использованием американской литературы 1937 г. [Золотарев 1938] и еще одну статью в США — «Древние культуры северной Азии» [Zolotarev 1938]. Кроме этих работ, в архиве ИЭА в Москве хранятся две большие неопубликованные рукописи А.М. Золотарева — «Из истории материальной культуры на севере Америки и Азии» и «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии и севере Америки» [Артемова 2003: 214, 222]. Этногенез народов северной Азии и антропология не являлись специальными темами исследований А.М. Золотарева.

Ничего не добившись путем официальным переговоров, А. Хрдличка решил действовать по-другому. Он считал, что один из путей заселения Америки проходил через Командорские и Алеутские острова. В 1936–1938 гг. А. Хрдличка проводил исследования на Алеутских островах и имел в своем распоряжении судно службы Береговой охраны США. Он отправил с борта судна радиограмму в советское посольство в Вашингтон, где просил разрешения на посещение Командорских островов. Советский Союз придерживался соглашения о международном судоходстве, вероятно, именно поэтому 6 июля 1937 г. А. Хрдличка получил ответную радиограмму с разрешением посетить Командорские острова. Желание А. Хрдлички провести полевые исследования в Сибири было столь велико, что, несмотря на нехватку топлива, 7 июля судно взяло курс на Командорские острова. Капитан судна предлагал зайти на Уналашку для пополнения топлива, но А. Хрдличка надеялся, что его запасы можно будет пополнить на Командорах. 11 числа подошли к острову Беринга, 12-го сошли на берег. Из «документов» у А. Хрдлички была только копия радиограммы из советского посольства в Вашингтоне, поэтому местные власти потребовали, чтобы американцы вернулись на судно. 14 июля пришло подтверждение из Москвы с разрешением для американцев высадиться на берег. «Полевые исследования» А. Хрдлички продолжались два дня. Из-за недостатка топлива 16 июля судно вышло в обратное плавание [Hrdlička 1945: 277–287]. Настоящую археологическую разведку на Командорских островах А. Хрдличка смог провести летом 1938 г., когда в состав его отряда входил студент У.С. Лафлин [Harper 2002: 10]. **Результат исследований был отрицательным — следов пребывания людей в древности на Командорских островах найти не удалось [Hrdlička 1945: 381–397].**

Уже упоминалось, что летом 1939 г. А. Хрдличка посетил МАЭ (рис. 13). М.В. Степанова отмечала: «Общие вопросы изучения северо-запада Америки и северо-востока Азии, а также интерес к находке неандертальского человека в Средней Азии вызвали вторичный (в действительности пятый. — С.К.) приезд Хрдлички в нашу страну в 1939 г. Его приезд в СССР послужил базой для

Рис. 13. Слева направо В.В. Струве, А. Хрдличка, Р. Бартон, неустановленное лицо, на переднем плане Н.А. Кисляков

контакта между научной мыслью СССР и Америки. Советские ученые много почерпнули из бесед с американским ученым. Яркое впечатление, произведенное научной средой СССР, выражается в ряде статей Хрдлички, вышедших в свет после 1939 г. Среди работ последних лет у Хрдлички изобилуют темы, связанные с обработкой материалов, вывезенных им из СССР» [Степанова 1944: 283].

А. Хрдличка разрабатывал проекты по антропологическому исследованию народов северо-востока Сибири в связи с проблемой этногенеза американских индейцев. Он хотел найти подтверждение слов В.Г. Богораза об «американоидном» антропологическом типе чукчей и призывал советских антропологов провести комплексное исследование народов северо-восточной Сибири. Антрополог М.Г. Левин писал: «Здесь он (А. Хрдличка. — С.К.) работает в антропологических музеях Москвы и Ленинграда, Иркутска, изучая преимущественно краниологические коллекции по Сибири и внимательно знакомясь с работами советских антропологов.

Несмотря на тяжелое заболевание, перенесенное им по пути в Москву и задержавшее его на несколько месяцев в Англии (приступ стенокардии), Грдличка поражал всех встречавшихся с ним своей трудоспособностью, неисчерпаемой энергией, живейшим интересом ко всему окружающему. Грдличка горячо ратовал за тесную связь американской и советской антропологии, выступал с планами совместных работ, увлекательно рисовал картину предстоя-

Рис. 14. Н.Б. Шнакенбург

шего расцвета нашей науки. Доклады Грдлички, его суждения по различным теоретическим вопросам, замечания по поводу исследуемого материала, отзывы о работах — все это было проникнуто искренним интересом и глубокой симпатией к советской науке» [Левин 1946: 100].

Доклад А. Хрдлички, прочитанный 14 июня на заседании МАЭ, частично опубликовали на страницах «Советской этнографии» [Доклад... 1940]. Председателем на этом заседании был академик В.В. Струве, присутствовали заведующий отделом народов Сибири Г.Н. Прокофьев и сотрудник этого отдела Н.Б. Шнакенбург (рис. 14), археолог из ИИМК А.П. Окладников, сотрудник отдела Америки А.В. Мачинский, А.И. Андреев из Института народов Севера и в качестве переводчика американский гражданин, сотрудник МАЭ Р.Ф. Бартон.

Н.Б. Шнакенбург отметил: «Очень интересные материалы для разрешения эскимосской проблемы, так блестяще поставленной в докладе профессора Хрдлички, могли бы дать исследования в Северо-Восточной Сибири, в частности на Камчатке и на Чукотском полуострове.

Во время моего пребывания на Чукотском полуострове в 1937 г., я имел возможность наблюдать там целый ряд интересных мест. К сожалению, они до сих пор остаются неизвестными, но мы надеемся, что в скором времени они станут более известными. Из таких мест нужно назвать мыс Шмидта, где до настоящего времени имеются развалины подземных жилищ. По преданиям, записанным мною в 1932 г., здесь жил народ, который в результате столкновений с чукчами и оленеводами был, как говорит предание, разбит и ушел за море! Это были никто иные, как эскимосы <...>

Другим важным источником, с моей точки зрения, для разрешения проблемы эскимосов может быть топонимика. Дело в том, что эскимосские названия распространяются очень далеко на Запад, вплоть до Чаунской губы.

И нужно указать на то, что эти эскимосские названия встречаются и в 300 километрах от последнего эскимосского селения.

За последние 3–4 года я работал в Бюро транскрипции Арктического института и мне пришлось просмотреть 5–6 тысяч названий. Я обнаружил много названий, относящихся к эскимосам. Они встречаются даже в тундре. Даже более того — во время моего пребывания там в 1937 г. мне удалось записать несколько эскимосских названий. Например, есть бухта Ама-ян, которая никак не объясняется из корякского языка, вернее вторая часть объясняется, а первая часть не объясняется; насколько мне известно, слово Ама означает «волк» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 3. № 13. Л. 33–34].

А.П. Окладников и А.В. Мачинский выдвинули идею проведения комплексной экспедиции по изучению азиатских эскимосов. Они предлагали провести археологические, антропологические и этнографические исследования. А.П. Окладников вспоминал: «Присутствовавшие на докладе советские ученые — этнографы, археологи и историки — в своих высказываниях соглашались с выводами д-ра А. Хрдлички. Г.Н. Прокофьев указал на общие элементы в языках сибирских ненцев, тавгийцев и энцев, с одной стороны, эскимосов, чукчей и коряков — с другой. Названия для моржа, нерпы и многие термины приполярной культуры в этих языках общие <...>

Археолог А.П. Окладников приветствовал комплексность в подходе А. Хрдлички к изучаемым явлениям, тот комплексный подход, который характерен для советской науки; он же отметил, что при советских раскопках в Салехарде (б. Обдорск) были найдены, как и в Северной Америке, замечательные художественные изделия из кости. А.В. Мачинский указал, что случайные находки на Чукотке во многом сходны с вещами, добытыми А. Хрдличкой при раскопках на о. Св. Лаврентия. А.И. Андреев и другие вспоминали имена многих русских ученых, которые начиная с XVIII в. работали и продолжают работать в наши дни по изучению древней культуры и древнейшего населения Сибири и Северной Америки: результаты их работ пока еще не все опубликованы.

В своем заключительном слове А. Хрдличка подчеркнул, что между советскими и американскими задачами в области антропологических и археологических исследований на Дальнем Востоке имеется тесная связь: «Они неотделимы друг от друга, представляя собой единую грандиозную научную проблему истории. Я особенно восхищен тем, что вижу здесь полную жизни и энергии молодежь, работающую над этой проблемой».

Собрание высказалось за скорейшую организацию комплексной археолого-этнографической экспедиции в северо-восточную Азию, результаты которой будут лучшим подарком советских ученых к предстоящему в 1942 г. 450-летию со дня открытия Америки Колумбом» [Окладников 1980: 170].

По результатам совещания руководство АН запланировало на октябрь 1942 г. проведение конференции, посвященной 450-летию юбилею открытия Америки. К открытию конференции планировали издать сборник статей, его подготовкой к печати в 1939–1941 гг. занимались С.А. Ратнер-Штернберг, Е.Э. Бломквист и М.В. Степанова.

Проекты А. Хрдлички, поддержанные ВОКС и руководством АН, дали возможность многим советским ученым быстро опубликовать свои работы и принять участие в экспедиционных исследованиях в Сибири. Уже в 1940 г. историк А.И. Андреев опубликовал рукопись книги С. Вакселя, приобретенную Госу-

дарственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в конце 1938 г. В предисловии к этой работе он писал: «В последние годы в американской литературе появилось много статей и отдельных работ, в которых вопрос о роли русских в истории открытия и изучения Америки ставится неоднократно <...> Вместе с тем исследование связей населения северо-западной Америки с населением восточной Сибири, производимое американскими антропологами, археологами и другими учеными, весьма повышает научное значение русских источников, в которых имеются известия об этом» [Ваксель 1940: 5]. В том же 1940 г. А.И. Андреев начал работу над подготовкой сборника документов по истории Русской Америки, который был издан во время войны [Русские открытия... 1944] и позднее переведен на английский язык [Russian Discoveries... 1952]. В 1945–1947 гг. антропологические исследования среди народов северо-восточной Сибири провел Г.Ф. Дебец, он руководил первым отрядом Северо-восточной экспедиции Института этнографии. М.Г. Левин публиковал рецензии на работы А. Хрдлички, вышедшие в 1942 г. [Левин 1947а: 216–223] и в 1944–1945 гг. [Левин 1947б: 166–168]. В 1947 г. М.Г. Левин возглавил второй отряд Северо-восточной экспедиции, который проводил исследования в районе Амура и на о. Сахалин. Археолог А.П. Окладников в 1946 г. провел археологические раскопки во внутренних районах Чукотки [Окладников 1951]. Другие советские ученые, с которыми А. Хрдличка поддерживал деловые связи, — А.М. Золотарев, А.В. Мачинский и Н.Б. Шнакенбург — погибли во время войны, М.В. Степанова скончалась вскоре после ее окончания. Несмотря на эти потери, за двухмесячное пребывание в Советском Союзе А. Хрдличка нашел единомышленников среди советских ученых, которые в дальнейшем в течение многих лет работали над научными темами, интересовавшими американских исследователей.

***

А. Хрдличка был не единственным американским специалистом, который пытался установить контакты с советскими учеными. В апреле 1938 г. Москву посетил археолог, профессор университета штата Аляска Фрейлих Рейни. Он встречался с президентом Академии наук СССР В.Л. Комаровым — коллегой В.И. Йохельсона по Камчатской экспедиции 1908–1910 гг. Приведем перевод письма Ф. Рейни, заверенный его подписью, к академику В.Л. Комарову.

«9. IV. 38.

Гостиница Метрополь,
Москва.

Президенту Академии наук СССР, Москва.
Уважаемый господин Президент!

Ссылаясь на письма, представленные Президиуму Академии наук автором этого письма — Фрейлихом Рейни, от имени университета Аляски, а также ссылаясь на конференцию, состоявшуюся в течение прошлой недели с Президентом Комаровым и профессорами Плисетцким и Ковнером — я желал бы более подробно указать цели моей научно-исследовательской работы в Советском Союзе.

1. Я хотел бы получить возможность провести одну неделю в мае в Иркутске с тем, чтобы изучить коллекцию археологического материала, который

был недавно найден при раскопках в районе озера Байкал, и иметь возможность обсудить некоторые вопросы с местными научными работниками.

2. Из Иркутска я хотел бы поехать через Владивосток, морем в Сев. Сибирь — для исследования местоположения старых эскимосских поселений (деревень на берегу мыса Чукотки и в окрестностях Уэлена и мыса Дежнева, в течение июня-августа). Для выполнения этой второй задачи я хотел бы, чтобы меня присоединили к какой-либо научной экспедиции, работающей в районе Берингова пролива, или, если не представится такой возможности — дать мне в сопровождение научного работника из Института материальной культуры или из Института антропологии (МГУ), который был бы заинтересован в археологических раскопках в Сев. Сибири.

Цели исследования:

1. Сравнение археологического материала района оз. Байкала с материалом, найденным в центральной Аляске университетом Аляски (напечатанный отчет заставляет предположить о прямом культурном родстве между этими двумя областями).

2. Сравнить старые эскимосские поселения и орудия, найденные на сибирских берегах Берингова моря, в окрестностях Чукотского мыса и мыса Дежнева с теми исследованиями, которые были проведены университетом Аляски на острове Св. Лаврентия.

В дополнение к этим специальным задачам, я надеюсь, что с помощью моего посещения Советского Союза и данных исследовательской работы — организовать начало совместной исследовательской работы на берегу Берингова моря, университетом Аляски с одним из университетов СССР, заинтересованных в археологических исследованиях в Сев. Сибири. Этот район нас интересует с точки зрения разрешения вопросов происхождения индейцев и эскимосов Аляски. Обе расы, мы предполагаем, эмигрировали из Азии в Америку через Берингов пролив. Разрешение проблемы о происхождении и переселении этих народов должно зависеть, главным образом, от исследовательской работы сов. Институтов и их сотрудничества с исследователями Аляски.

В течение этой моей поездки я не могу надеяться на большее, чем на ознакомление с коллекциями, местоположением эскимосских деревень с данной стороны, чтобы в свете исследований, проведенных в СССР — суметь истолковать исследовательскую работу Аляски. Само собой разумеется, что все добытые материалы и сведения будут предоставлены в полное распоряжение Академии наук. Если Академии наук поддержит мою просьбу о посещении и исследовании этих двух районов, с тем, чтобы я мог получить разрешение поехать туда и поможет мне присоединиться к экспедиции или даст мне кого-нибудь для сопровождения — моя миссия будет выполнена. В свою очередь, университет Аляски будет рад оказать содействие советскому ученому, заинтересованному в этой области науки — в Аляске. Таким образом, мы надеемся установить совместную работу, которая приведет к разрешению проблемы переселения в районе Берингова моря.

Froelich G. Rainey
Prof. of Anthropology
Univer. of Alaska»
[АРАН. Ф. 277. Оп. 3. № 31. Л. 5—6].

В ответ на это обращение Ф.Г. Рейни предоставили возможность посетить Иркутск, но отказали в посещение района Берингова пролива, так как в 1938 г. Академия наук не проводила полевые исследования в этом регионе. Интерес американских археологов к неолиту района Прибайкалья был вызван раскопками антрополога М.М. Герасимова стоянки Мальта и археолога А.П. Окладникова стоянки Буреть, население которых жило в сходных экологических условиях, что и эскимосы Аляски.

В 1939 г. в Музей антропологии при МГУ в дар от Ф.Г. Рейни поступили две археологические коллекции — № 257 из 230 предметов и № 258 из 22 каменных орудий. Первая коллекция была получена при раскопках О.У. Гейста и Ф.Г. Рейни селения Кукулик на о. Св. Лаврентия в 1926–1928 и 1932–1935 гг. [Archaeological... 1936]. Вторая — в городе Фэрбенксе при раскопках Н. Нельсона и Ф.Г. Рейни в районе университетской фермы [Nelson 1937; Rainey 1939].

***

С кончиной В.Г. Богоразы в 1936 г. и арестом А.С. Форштейна в мае 1937 г. все связи датских ученых с коллегами из Советского Союза были прерваны. Соответственно у датчан исчезли не только возможности для какого-либо дальнейшего сотрудничества, но и просто информация об этнографических исследованиях в Сибири. В 1937 г. К. Биркет-Смит отправил в журнал «Советская этнография» информационное сообщение о втором МКАЭН, который планировалось провести в Копенгагене осенью 1938 г. Сообщение опубликовали в четвертом номере журнала за 1937 г. [Вторая сессия... 1937], но практического результата оно не принесло, никто из советских этнографов в Данию не приехал.

Неудачу К. Биркет-Смита по организации полевых исследований в Сибири и одновременный успех А. Хрдлички можно объяснить рядом причин. Во-первых, А. Хрдличка неоднократно подчеркивал свою симпатию к Советскому Союзу и негативно высказывался о фашистском режиме в Германии. К. Биркет-Смит не проявлял интереса к политике и в 1935 г. работал в Берлинском музее народоведения. Во-вторых, А. Хрдличка поддерживал связи со многими учеными из Москвы, Ленинграда и Иркутска, в то время как контакты датчан были ограничены Л.Я. Штернбергом, В.Г. Богоразом и А.С. Форштейном. В-третьих, А. Хрдличка немного говорил по-русски, а К. Биркет-Смит владел только английским и немецким языками. Но самое главное различие состояло в подходе к взаимодействию между учеными из разных стран. А. Хрдличка сам приезжал в Советский Союз, а К. Биркет-Смит хотел пригласить в Данию советских исследователей и завязать с ними партнерские отношения. Арест А.С. Форштейна наглядно показал, что сотрудник МАЭ, побывавший за границей, автоматически зачисляется в «шпионы». А.М. Решетов отмечал, что в то время директор ИЭ В.В. Струве и его заместитель С.В. Иванов «отличались исключительной боязливостью совершить ошибку» [Решетов 2003а: 32]. На конгрессе планировалось выступление антропологов из Германии с обоснованием теории «арийской расы», видимо, поэтому никто из советских исследователей в Данию не приехал.

Президентом второго МКАЭН избрали директора НМД Томаса Томсена, одним из вице-президентов — американского археолога Г. Коллинза, ученика

А. Хрдлички, руководителем этнографической секции — Г. Хатта. М.Г. Левин опубликовал сообщение об итогах работы этого конгресса, он писал: «Как мы уже указывали, в работе конгресса значительное место занимали вопросы, входящие в круг особых интересов скандинавских исследователей. Сюда должна быть отнесена в первую очередь эскимосская тематика. Ей был посвящен ряд докладов на секции этнографии Арктики. Из них прежде всего надо назвать доклад известного канадского исследователя д-ра Дженнесса (Оттава) «Доисторические культурные волны из Азии в Америку». Основываясь на непрерывности культурных остатков в районе Берингова моря, автор считал, что все движения из Азии в Америку за последние 2000 лет связаны исключительно с эскимосами. Проникнув из Азии, эскимосы частью осели вокруг Берингова моря, частью распространились в центральной Канаде. Восточные эскимосы раскололись на две группы: группу эскимосов-карибу и другую, развившую культуру Дорсет, которая достигла Гренландии. Упряжное собаководство и китобойный промысел, возникнув, вероятно, в северо-восточной Азии, проникли в северную Аляску в первом тысячелетии н.э. и были распространены по всему северу Америки эскимосами Туле. Искусство и керамика эскимосов древней культуры Берингова моря тяготеют к юго-востоку и связаны в конечном счете с Китаем. Формирование протоэскимосов происходило в арктической зоне Сибири <...>

Существенным дополнением к докладу Дженнесса явилось сообщение Генри Коллинза (Вашингтон), известного своими археологическими работами на острове св. Лаврентия. Доклад его касался вопроса о происхождении и связях древней культуры Берингова моря. В результате раскопок в северной Канаде, Аляске и Гренландии наиболее древней можно считать культуру Берингова моря, давшую на острове св. Лаврентия начало культуре Пунук, обнаруживающей сильное сибирское влияние» [Левин 1947: 340].

В конце 1930-х годов этнографические исследования в районе Берингова пролива в работе датских и американских исследователей отошли на второй план. В 1938 г. для американских и азиатских эскимосов открыли границу, и они могли свободно посещать своих родственников как в США, так и в СССР. Поэтому американские исследователи могли приехать на о. Св. Лаврентия и острова Диомида, чтобы изучать азиатских эскимосов. О том, что такие исследования проводились, сведений нет. Границу закрыли в 1948 г. [Krauss 1994: 368–369]. Датских ученых интересовала прежде всего проблема этногенеза эскимосов, поэтому они были заинтересованы в проведении археологических раскопок на Чукотке.

После завершения работы второго МКАЭН в Советском Союзе была опубликована статья А.В. Мачинского по древнеэскимосской культуре Чукотки, написанная в 1938 г. [Мачинский 1941]. Можно предположить, что он готовил эту статью как доклад для МКАЭН в Копенгагене. Ее тема не связана с научными интересами А.В. Мачинского, но напрямую касается проблемы этногенеза эскимосов. Статью А.В. Мачинского издали в сборнике материалов конференции по этногенезу народов Сибири, которую в мае 1940 г. провела «Комиссия по этногенезу» при Отделении истории и философии Академии наук в Москве. Комиссию создали в 1939 г. после посещения А. Хрдличкой Советского Союза, в декабре 1942 г. она вошла в состав московской части ИЭ.

Во время обсуждения докладов на конференции активно выступали А.П. Окладников и А.М. Золотарев, последний считал, что «выдвинутая Окладниковым концепция развития прибайкальского неолита от охотничьей культуры (исаковско-серовской) к рыболовецкой (китойско-глазовской) ошибочна <...> С.В. Киселев присоединился к основным возражениям А.М. Золотарева, указав, что нет оснований говорить о преобладании охоты в исаковское и серовское время <...> Точно так же С.А. Токарев указал, что доклад Окладникова не поколебал схемы Биркет-Смита и Золотарева...» [Обзор прений...1941: 129]. Поводя итоги конференции, С.П. Толстов отметил: «Доклад А.М. Золотарева показал связь эскимосской культуры Америки с древними культурами арктических охотников азиатского побережья Ледовитого океана и дал убедительную картину формирования чукотского и корякского народов на фоне хозяйственного развития арктических приморских охотников, перешедших под влиянием оленеводческих народов тайги и тундры северо-восточной Сибири к оленеводству. Немалый интерес для этногенеза народов Америки представляет и упомянутый доклад гг. Трофимовой и Чебоксарова, выявивших среди антропологических типов манси тип, во многом близкий к американским индейцам. Нахождение этого типа на крайнем северо-западе Сибири является новым серьезным аргументом в пользу тесной исторической связи коренного населения Америки с народами Советского Союза» [Толстов 1941: 4]. Впоследствии А.П. Окладников не изменил свою точку зрения на этногенез народов Сибири, и в 1958 г. передал в НМД артефакты именно исаковского, серовского, китойского и глазовского этапов из археологических памятников района Прибайкалья [Левин, Окладников 1959: 149].

Проведение конференции свидетельствует о координации работ между исследователями США, Дании и Советского Союза по изучению этногенеза народов Сибири и проблемы заселения Америки. По ее результатам запланировали проведение Северо-восточной экспедиции для комплексного изучения азиатских эскимосов под руководством М.Г. Левина от Института антропологии МГУ и И.П. Лаврова от ИИМК. Однако в 1941 г. эта экспедиция так и не состоялась.

Максим Григорьевич Левин — антрополог, с 1926 г. работал в Центральном музее народоведения (Москва). В период с 1932 по 1939 гг. последовательно занимал должности заведующего отделом Сибири, ученого секретаря, ученого хранителя. В 1935 г. Центральный музей народоведения переименовали в Музей народов СССР. В 1939 г. М.Г. Левин перешел в Институт антропологии МГУ, а в 1943 г. — в ИЭ. С 1944 по 1963 гг. он занимал должность заместителя директора по науке московского отделения ИЭ и одновременно с 1949 г. — должность заведующего сектором антропологии.

Игорь Петрович Лавров — археолог, искусствовед и художник, в 1939–1940 гг. преподавал в школе-интернате Чукотской культуры Комитета народов Севера в районе залива Св. Лаврентия, в дальнейшем работал в Москве в НИИ художественной промышленности, где хранится его архив. В 1945 г. входил в состав археологической экспедиции под руководством С.И. Руденко. В 1947 г. участвовал в работе второго отряда Северо-восточной экспедиции, в 1950-е годы работал на Чукотке.

Несмотря на интерес зарубежных специалистов к изучению эскимосов, в предвоенные годы не были опубликованы многие работы советских исследо-

вателей по этнографии, фольклористике и лингвистике азиатских эскимосов: А.С. Форштейна, Н.Б. Шнакенбурга, А.М. Золотарева, И.К. Воблова, И.П. Лаврова, М.О. Кнопфмиллер, К.С. Сергеевой, П.К. Беликовой, Е.П. Орловой. В настоящее время некоторые из этих работ находятся на хранении в архиве МАЭ, куда они поступили в сентябре 1941 г. после закрытия Института народов Севера. А.М. Решетов отмечал: «В.В. Антропова (сотрудница отдела народов Сибири МАЭ. — С.К.) на санках перевозила в Институт (МАЭ. — С.К.) личные архивы погибших сотрудников и частично — Института народов Севера, сохранив эти документы для науки» [Решетов 2005: 103].

В тот период наука развивалась не при поддержке, а вопреки действиям властей. Многие исследователи даже не пытались подготовить свои полевые материалы к печати, так как понимали, что в ближайшие годы они не будут изданы. Работать «в стол», как С.В. Иванов, чтобы через двадцать пять лет издать капитальный труд, были способны не все. Трагедия 1930-х годов заключалась в том, что в то время главным в общественных науках было изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» и работ «классиков марксизма-ленинизма». Исследования по этнографии и вообще по истории для партийных функционеров были не актуальны. История страны до 1917 г. очернялась и искажалась, навязывалось мнение, что история Советского Союза мало связана с прошлым России. В 1929 г. один из партийных функционеров В.Б. Аптекарь заявил, что этнография и марксизм принципиально не совместимы, и выступил за упразднение этнографии [Тезисы... 1929]. В этом же ряду стоит создание в 1929 г. Коммунистической академии, сотрудники которой были призваны заменить настоящих ученых. Со временем власти поняли, что без науки не обойтись, и в 1936 г. закрыли не Академию наук, а Коммунистическую академию.

Поступление коллекций в 1930-е годы

С конца 1920-х годов до Великой Отечественной войны коллекции по народам Америки поступали в музей в гораздо меньшем объеме, чем в предыдущие три десятилетия. В 1931 г. в МАЭ провели перерегистрацию всех американских коллекций и более двухсот предметов, которые к тому времени утратили этикетки, объединили в коллекциях № 4157, 4193. В 1932 г. поступило несколько акварельных рисунков от художницы Е. Морозовой, которые она сделала в Мексике в 1928 г. (№ И-1, И-4, И-60). Тогда же на одном из заседаний Ученого совета был прочитан доклад фольклористки из Мексики Конча-Мичель «Мексиканский фольклор» [Отчет 1933: 205]. Возможно, что эти два события связаны друг с другом.

В 1930-е годы в ряде ленинградских музеев проводилась перерегистрация, и непрофильные коллекции передавались в другие музеи. Так, в 1930 г. из Строгановского дворца-музея поступила коллекция из 43 предметов по алеутам и эскимосам (№ 4087). В том же году МАЭ получил четыре коллекции (№ 4104, 4105, 4155, 4196) из Военно-морского музея по эскимосам, алеутам, тлинкитам и хайда общей численностью 180 предметов и один предмет (№ 4208) — из Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. В 1931 г. поступила еще одна коллекция по народам Аляски от Военно-морского музея из 95 предметов (№ 4270).

В том же году из Академии художеств (которая тогда называлась Институт-ом пролетарского изобразительного искусства) поступила большая коллек-

ция из 108 предметов по народам Аляски (№ 4291); как и коллекции Военно-морского музея, она была собрана русскими мореплавателями. Также в 1931 г. из Академии художеств передали четыре перьевые украшения индейцев мундуруку из Бразилии (№ 4284), возможно, что эти вещи происходят из сборов участников экспедиции Г.И. Лангсдорфа.

В 1932 г. из ЛГУ поступило 50 обсидиановых орудий, найденных во время археологических раскопок в Мексике (№ 4428). В 1932 г. из ГАИМК в Ленинграде передали две небольшие археологические коллекции. Одна из них состоит из 25 изделий из кости алеутов и эскимосов (№ 4507), другая — из девяти предметов народов Русской Америки (№ 4508).

В 1938 г. состоялась передача пяти коллекций (№ 5795, 5800, 5802, 5803, 5805) из 75 предметов из Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ). В основном это собрание состоит из вещей тлинкитов, хайда, нутка, северных атапасков, но в него также вошли несколько алеутских и эскимосских предметов, хотя их основная часть осталась на хранении в ГМЭ. В свою очередь, отдельные части этого собрания поступили на хранение в ГМЭ в 1907 г. из Царскосельского арсенала, в 1909 г. — из музея Киевского университета, куда они попали из университетского музея г. Вильно [Рерих 1910], в 1928 г. — из дворца-музея графа А.А. Бобринского. Основную часть коллекции Царскосельского арсенала составили сборы М.Д. Тебенькова — главного правителя русских владений в Америке в 1845–1850 гг. Собирателем коллекции Киевского университета был один из православных миссионеров с Аляски.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОТДЕЛА АМЕРИКИ В 1940–1950-Е ГОДЫ

Что происходило в музее в первый год блокады описано в воспоминаниях супруга М.В. Степановой А.А. Попова, изданных только в наше время [Попов 2003]. После начала войны в отделе остались работать С.А. Ратнер-Штернберг, Е.Э. Бломквист, М.В. Степанова и Э.В. Зиберт. Уже упоминалось, что 1 сентября 1941 г. Э.В. Зиберт уволили по сокращению штата. С.А. Ратнер-Штернберг скончалась в феврале 1942 г.

Как отмечалось, сборник, посвященный 450-летию юбилею открытия Америки, включили в общий план Академии наук на 1942 г., и руководство МАЭ требовало от Е.Э. Бломквист скорейшего завершения его подготовки к печати. 1 мая 1942 г. Е.Э. Бломквист назначили заведующей отделом Америки. 27 мая на заседании Ученого совета создали комитет по подготовке конференции, посвященной 450-летию открытия Америки [Решетов 1995а: 11–12]. Однако уже через две недели, 12 июня 1942 г., основная часть научных сотрудников МАЭ, в том числе Е.Э. Бломквист и М.В. Степанова, были эвакуированы в Елабугу, а оттуда в Ташкент. Поэтому вышеупомянутый сборник так и не был издан. Из эвакуации в Ленинград М.В. Степанова вернулась 14 августа 1944 г. [Решетов 2005: 130], а Е.Э. Бломквист — 17 мая 1945 г. [Решетов 1996: 11–12]. Приказом от 21 мая 1945 г. Е.Э. Бломквист назначили заведующей группой Европы, а Д.А. Ольдерогге — заведующим группой Америки и Океании. А.М. Решетов отмечал: «Просто нельзя не обратить внимание на волюнтаристское распоряжение кадрами: американистка Е.Э. Бломквист, например, при наличии в штате выдающегося слависта чл.-корр. Д.К. Зеленина была на-

значена руководить группой Европы, а африканиста Д.А. Ольдерогге призвали руководить группой Америки и Океании» [Там же: 12]. В 1945 г. на работу в музей вернулись Э.В. Зиберт и Н.Г. Шпринцин. Группу Америки и Океании переименовали в группу Америки и Австралии при секторе Африки, Е.Э. Бломквист стала неформальным руководителем американистов МАЭ. Д.А. Ольдерогге как заведующий сектором, в состав которого входили специалисты по африканистике, американистике и океанистике, написал статью по социальной организации индейских племен Южной Америки [Ольдерогге 1948].

В сентябре 1945 г. в Ленинграде прошла конференция, посвященная 220-летию юбилею основания Академии наук. По своему составу она напоминала международный конгресс, в ее работе приняли участие около ста представителей из девятнадцати стран. Для участников конференции в МАЭ организовали выставку особо ценных коллекций по народам России, Африки, Америки, Океании. Известный американский этнолог Генри Филд сделал подробное описание этой выставки [Fild 1946].

Экспедиции по изучению этногенеза эскимосов (1945–1947 гг.)

В 1940-е годы продолжали развиваться проекты по изучению этногенеза эскимосов, несмотря на разрыв контактов из-за начала войны между учеными СССР, Дании и США. В отчете о деятельности ИЭ в годы войны сказано: «Велась интенсивная работа по подготовке крупных экспедиций 1945 г. Наиболее значительной из них является комплексная чукотская экспедиция по изучению этногенеза народов северо-восточной Азии в связи с этногенезом народов Америки. В Анадырь выехал рекогносцировочный отряд во главе с начальником экспедиции проф. Г.Ф. Дебец, успешно начавший там работу» [Рабинович 1946: 113]. Проработав на Чукотке всего две недели, Г.Ф. Дебец получил результаты, настолько отличные от сведений В.Г. Богораз, что решил немедленно опубликовать свои предварительные материалы. Он писал: «В мировой антропологической литературе основой для суждений о расовом типе чукчей является сжатая, но яркая характеристика их, данная известным исследователем этнографии и языка этого народа В.Г. Богоразом. Эта характеристика давала полное право (в том числе и автору настоящего сообщения) причислять расовый тип чукчей к ряду тех форм, которые обычно именуется “американоидными” <...> Полученные данные во многом резко расходятся с характеристикой Богораз <...>

Специфичной для чукчей формой носа является вовсе не “орлиная”, как утверждал Богораз, а прямо противоположенная. Вогнутая форма профиля отмечена у одной трети исследованных, причем вогнутость проявляется часто не только в хрящевой, но и в костной части спинки <...>

Отмеченное Богоразом сравнительно сильное (по азиатскому масштабу) развитие бороды также не находит подтверждения в собранных материалах <...>

Исследование антропологических особенностей чукчей будет продолжено в течение 1945 г. в других районах полуострова. Однако уже и теперь ясно, что существующие представления о расовых особенностях этого народа должны быть в корне изменены» [Дебец 1946: 63–64]. В дальнейшем Г.Ф. Дебец пришел к выводу, что параллели в антропологическом типе чукчей нужно искать

не в Северной Америке, а в Восточной Азии [Дебец 1951: 109]. Другое название экспедиции Г.Ф. Дебца — Северо-восточная экспедиция. Имея в виду ее задачу — изучение проблемы заселения Америки, Ю.П. Аверкиева сравнивала эту экспедицию с Джезуповской. В 1945 г. она писала: «Идея Джезуповской экспедиции продолжает существовать и поныне, продолжением ее является работа комплексной Чукотской экспедиции Академии наук СССР» [Аверкиева 1946: 102]. Интересно, что названия этой экспедиции — Северо-восточная экспедиция или Чукотская экспедиция — перекликаются с названиями экспедиции, которую планировал провести В.Г. Богораз в начале 1930-х годов — Северная экспедиция или Чукотская этнографическая экспедиция.

В 1946 г. запланировали к печати второй том ТИЭ, посвященный памяти А. Хрдлички и Ф. Боаса [О.К. 1946: 123]. В 1947 г. он вышел, но уже без посвящения американским ученым. Это было связано с тем, что в 1947 г. арестовали Ю.П. Аверкиеву — ученицу Ф. Боаса и посвящать сборник его памяти стало небезопасно. В предисловии к сборнику сказано: «Настоящий том трудов Института этнографии посвящен в основном вопросам этнографии и антропологии Северной и Восточной Азии и Северной Америки в связи с более широкой проблемой первичного заселения человеком американского континента <...>

Этнографические, антропологические и лингвистические исследования в Северной Азии тесно связаны с аналогичными исследованиями в Северной Америке, проводившимися американскими учеными. Среди последних наиболее крупное место принадлежит недавно скончавшемуся антропологу Алешу Грдличке и этнографу, лингвисту и антропологу Франсу Боасу. Оба эти исследователя на протяжении своей научной деятельности были тесно связаны с русской наукой. Можно указать на работы знаменитой Джезуповской экспедиции, которой руководил Ф. Боас и в которой принимали участие Богораз и Иохельсон, обогатившие науку своими классическими исследованиями по чукчам и корякам.

Советские этнографы и антропологи чтут в лице Алеша Грдлички и Франса Боаса не только крупнейших деятелей науки, не только авторов ставших классическими исследований по различным вопросам антропологии и этнографии, но и передовых людей своей страны, друзей Советского Союза, борцов за подлинный демократизм и содружество свободлюбивых народов, активно выступавших против человеконенавистнических расовых теорий и немало содействовавших установлению искреннего научного содружества между учеными СССР и США» [От редакции 1947: 3].

Археологические раскопки на Чукотке, необходимые для выяснения проблемы этногенеза эскимосов, провел археолог С.И. Руденко. До 1930 г. он был директором Этнографического отдела Русского музея, когда его арестовали по «академическому делу» и приговорили к десяти годам лагерей. В лагере С.И. Руденко работал инженером на строительстве Беломоро-Балтийского канала. В 1934 г. его досрочно освободили, но он продолжил работать в управлении Беломоро-Балтийского канала в Ленинграде, в 1939 г. перешел в Государственный гидрологический институт. После возвращения в Ленинград С.И. Руденко неоднократно пытался устроиться на работу в научное или учебное учреждение, но бывшие «коллеги» не допускали его к научно-преподавательской деятельности [Платонова 2004: 136]. Чтобы вернуться в науку, в 1941 г. он отказался эвакуироваться из Ленинграда вместе с сотрудниками Государ-

ственного гидрологического института. В феврале 1942 г. ему удалось устроиться на работу в Институт истории материальной культуры (ИИМК). Одновременно он стал сотрудничать с МАЭ и в связи с гибелью всех антропологов музея принимал участие в сохранении его антропологических и археологических коллекций [Станюкович 1978: 220]. В августе 1942 г. С.И. Руденко вместе с другими сотрудниками ИИМК эвакуировали в Елабугу, а оттуда в Ташкент [Кирюшин, Тишкин, Шмидт 2004: 18].

Так же как А.М. Золотарев и А.В. Мачинский, он специально не занимался исследованиями в области этногенеза эскимосов. Эту тему ему утвердили как плановую при поступлении на работу в ИИМК. В январе 1944 г. С.И. Руденко завершил работу над статьей «Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов», при написании которой он использовал публикации датских и американских археологов до 1940 г. Эту статью опубликовали во втором томе ТИЭ [Руденко 1947: 233–256]. В 1945 г. С.И. Руденко провел археологические раскопки на побережье Чукотки. Он отмечал: «Как мало мы знаем о прошлом населения Арктики, отчетливо обнаружилось на ряде международных конгрессов и специальных совещаний, организованных Отделением истории и философии Академии наук СССР <...>

Летом 1945 г. мною по поручению Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР совместно с Арктическим институтом ГУСМП было обследовано побережье Чукотского полуострова от поселка Уэлен на севере до поселка Сирэник на юге» [Руденко 1947а: 3].

По результатам экспедиции С.И. Руденко в 1947 г. опубликовал монографию «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема» [Руденко 1947а]. При знакомстве с этой работой складывается впечатление, что его экспедиция была проведена как продолжение исследований американских археологов О.У. Гейста — Ф.Г. Рейни на островах Пунук и Св. Лаврентия и Г. Коллинза в районе Берингова пролива. С.И. Руденко не было известно о коллекции О.У. Гейста — Ф.Г. Рейни в Музее антропологии в Москве. Это свидетельствует о том, что сотрудники ИИМК состояли в переписке только с датскими учеными. Однако датские и американские ученые находились в постоянных контактах друг с другом, проводили совместные исследования [Larsen, Rainey 1948] и знали о попытках каждой из сторон установить деловые связи с советскими коллегами. В распоряжении С.И. Руденко имелась основная литература по этногенезу эскимосов, вышедшая до 1945 г. в Европе и США. Во времена «железного занавеса» даже обмен литературой между советскими и зарубежными научными учреждениями не был рядовым событием. С.И. Руденко отмечал: «Несмотря на рекогносцировочный характер наших изысканий на Чукотском полуострове, нам удалось обнаружить там наличие всех стадий развития культуры, именуемой эскимосской. Стадий, установленных исследованиями американских и датских ученых на островах севера Берингова моря, а также на арктическом побережье Аляски» [Руденко 1947а: 107]. На эту монографию сразу стали появляться ссылки в работах датских и американских археологов, в 1961 г. ее перевели на английский язык [Rudenko 1961]. В 1940-е годы С.И. Руденко продолжил публиковаться в изданиях Института этнографии [Руденко 1948, 1949]. В МАЭ были переданы основные материалы его раскопок на Чукотке. Они зарегистрированы в восемнадцати археологических коллекциях [Нечаева, Попова, Федоров, Фрадкин 1964: 168] и одной

антропологической [Дебец 1951: 249]. Незначительная часть коллекции поступила в Музей Арктики.

В 1946 г. ИИМК и Арктический институт ГУСПМ организовали вторую археологическую экспедицию для исследований на Чукотке (Колымскую экспедицию). Археологические раскопки проводились под руководством А.П. Окладникова в бассейне реки Колымы и в районе Баранова мыса, где удалось обнаружить самое западное древнеэскимосское поселение. Результаты этой экспедиции были опубликованы только через двадцать пять лет [Окладников, Береговая 1971].

Изучение этногенеза эскимосов в 1940-е годы было настолько актуально, что уже в 1947 г. в МАЭ открыли выставку «Распространение древних культур на крайнем севере Америки» из сборов С.И. Руденко и этнографических коллекций музея. Экспозиция состояла из вводной части, манекена чукотского воина и витрин с археологическими материалами — «Древнеберингоморская стадия», «Пунукская стадия», «Уэллено-оквикская стадия», «Стадия, близкая к современности». Выставка экспонировалась в музее до начала 1952 г.

В связи с проведением экспедиций Г.Ф. Дебеца (1945–1947 гг.), С.И. Руденко (1945 г.) и А.П. Окладникова (1946 г.) можно говорить о научном противостоянии между московской частью ИЭ и ленинградским ИИМК и отдельными сотрудниками. Предполагалось, что работы на Чукотке смогут разрешить проблему заселения Америки и, таким образом, завершить многолетние исследования датских и американских ученых. Из-за желания внести свой вклад в решение этой проблемы М.Г. Левин неоднократно подчеркивал, что руководителем Северо-восточной экспедиции в 1940 г. был назначен именно он, а не Г.Ф. Дебец. Как отмечалось, в 1947 г. М.Г. Левин возглавил второй отряд Северо-восточной экспедиции.

Подводя итоги исследований 1920–1940-х годов, С.А. Арутюнов писал: «После крупного сдвига, который принесла Джезуповская экспедиция <...> снова наступает некоторый спад в исследованиях. Однако в предвоенные советские годы, в 1920-х и особенно в 1930-х годах было много сделано энтузиастами, советскими пионерами освоения Крайнего Севера в изучении языка и фольклора населения, что существенно добавило в знаниях к тому материалу, который до этого был собран и опубликован Иохельсоном и Богоразом. Затем в это же время на американской стороне, в Берингии, трудами Ф. Рейни, Х. Ларсена, Г. Коллинза и многих других исследователей много было сделано для понимания предыстории эскимосского населения в Берингоморье. Были сформулированы основные понятия таких археологических культур, как Нортонская, Ипиутакская, Древнеберингоморская, Пунукская, Оквикская, Бирнирская, и других древних эскимосских культур. На азиатской стороне Берингова пролива пионером этих археологических исследований был Сергей Иванович Руденко, а его книга “Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема” стала эпохальной для понимания проблем формирования и развития древнего населения этих областей» [Арутюнов 2003: 372].

Сотрудники отдела

После войны в отделе Америки работали Н.Г. Шпринцин, Е.Э. Бломквист, Э.В. Зиберт и М.В. Степанова. После кончины М.В. Степановой в отдел при-

Рис. 15. Верхний ряд слева направо Э.В. Зиберт, Е.Э. Бломквист, нижний ряд — Н.Г. Шпринцин, Б.А. Липшиц

няли Б.А. Липшиц. Вчетвером они занимались восстановлением экспозиций двух залов (рис. 15). В 1949 г. по договору в МАЭ работала Е.П. Орлова. Она участвовала в написании двух разделов тома «Народы Америки». Что касается официального названия отдела, то в 1944–1945 гг. существовала группа Аме-

рики и Океании, с лета 1945 г. — группа Америки и Австралии при секторе Африки (заведующий Д.А. Ольдерогге), с 1948 до 1963 гг. — сектор Америки, Австралии и Океании (заведующий Н.А. Бутинов). В то же время в музейных документах 1940–1950-х годов часто упоминается и отдел Америки.

Н.Г. Шпринцин в 1948 г. осуществила публикацию книги Г.Г. Манизера об экспедиции академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию в 1822–1828 гг. [Манизер 1948]. В дальнейшем она продолжала заниматься публикацией документов участников первой и второй русских экспедиций в Латинскую Америку. В 1950 г. ее уволили по сокращению штата. Это второе увольнение Н.Г. Шпринцин из музея не было случайностью, отношение к ней коллег было неоднозначным [Гаген-Торн 1994: 116]. В дальнейшем она продолжала заниматься американистикой и опубликовала еще одиннадцать статей. Скончалась в сентябре 1963 г. Наиболее полный список статей Н.Г. Шпринцин опубликован в ее некрологе [Нозми Григорьевна... 1964].

Е.Э. Бломквист (рис. 16) после возвращения из эвакуации продолжила работу в отделе в должности старшего научного сотрудника. Она осуществила публикацию статей безвременно ушедшей М.В. Степановой и постепенно увлеклась изучением Русской Америки. Видимо, как слависту эта тема была ей намного интереснее, чем этнография ирокезов. В 1951 г. она опубликовала детальное описание рисунков И.Г. Вознесенского [Бломквист 1951], в дальнейшем работала над историей изучения в России языков народов Русской

Рис. 16. Е.Э. Бломквист

Америку. Е.Э. Бломквист провела тщательное исследование на основе большого количества архивных источников и ввела в научный оборот многие ранее неизвестные материалы. Эту работу издали только после ее смерти [Бломквист 1975]. Также она являлась одним из ответственных редакторов советского издания книги Л.А. Загоскина [Загоскин 1956]. Продолжала Е.Э. Бломквист и изучение этнографии ирокезов, опубликовав статью «Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах» [Бломквист 1951a]. Несмотря на свое название, выдержанное в духе времени, это серьезное научное исследование. Е.Э. Бломквист работала в МАЭ до июля 1956 г.

Бела Ароновна Липшиц работала в отделе в течение шести лет с 1947 по 1952 гг. Она занималась изучением коллекций по народам Аляски и историей их собирания. В период с 1948 по 1956 гг. она опубликовала восемь статей, которые указаны в библиографии трудов ИЭ [Библиография... 1962: 254]. Еще одна ее статья издана в ИВГО [Липшиц 1950]. Б.А. Липшиц принимала участие в переиздании книги Л.А. Загоскина, для которой написала статью о его вкладе в этнографию и составила аннотации к фотографиям предметов [Липшиц 1956, 1956a]. Эти разделы были исключены американскими специалистами при издании книги Л.А. Загоскина в Канаде [Lieutenant... 1967].

О научной деятельности Э.В. Зиберт будет рассказано в следующем разделе. Она была единственным сотрудником из послевоенного состава отдела, кто продолжил работать в музее в 1960–1970-е годы.

В 1948 г. открыли для посетителей новую экспозицию зала народов Северной Америки (работа по окончательному переустройству экспозиции продолжалась до 1953 г.), а в 1952 г. — экспозицию зала народов Латинской Америки. Экспозиции были построены по географическому принципу — от Аляски до Калифорнии и от Мексики до Огненной Земли. Культура коренного населения Америки была представлена по историко-этнографическим областям, которые отличались друг от друга по основным типам хозяйства населения. В зале народов Северной Америки рассказывалось о традиционной культуре охотников на морского зверя Арктики и Субарктики — эскимосов и алеутов; лесных охотников Аляски — атапасков; рыболовов северо-западного побережья — тлинкитов; конных охотников на бизонов — индейцев Равнин; собирателей и земледельцев района Великих Озер — алгонкинов и ирокезов; земледельцев юго-западных районов — пуэбло; собирателей — индейцев Калифорнии. Представляется, что это наиболее правильное построение этнографической экспозиции, когда необходимо представить традиционную культуру населения целого континента. С небольшими изменениями и новым этикетажом экспозиция сохраняется до настоящего времени.

Одновременно с восстановлением экспозиции музея шла сверка его коллекций. После завершения сверки в 1953 г. предметам, утратившим коллекционные номера, присвоили номера временного хранения. Предметам по народам Северной Америки дали коллекционный номер II, а вещам по народам Латинской Америки — номер III. **Отдельным предметам внутри этих коллекций дали номера арабскими цифрами начиная с единицы.**

Еще одной важной задачей была реставрация предметов, пострадавших во время войны из-за неправильных условий хранения. При восстановлении вещей реставратор Т.С. Земскова творила буквально чудеса, приводя предметы в первоначальный вид (рис. 17–18).

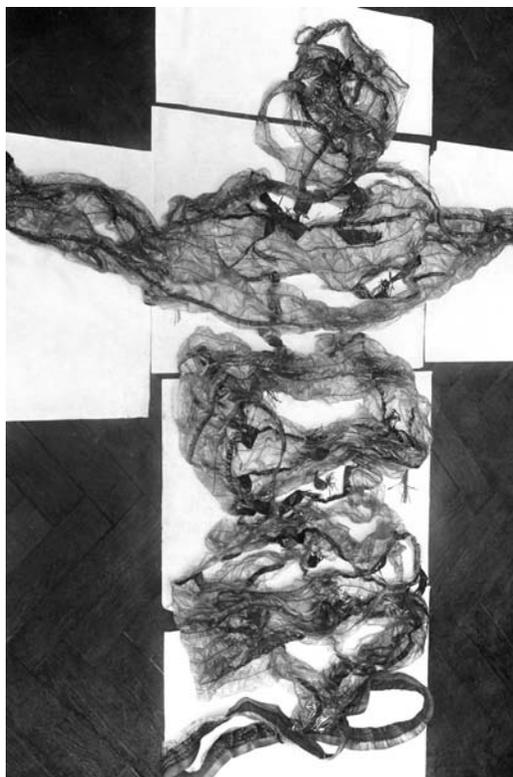

Рис. 17. Камлейка из кишок до реставрации

Рис. 18. Камлейка из кишок после реставрации

* * *

После того как в начале войны высшее звено сотрудников Академии наук — академики, члены-корреспонденты и директора некоторых научно-исследовательских институтов — было переведено в Москву, там стали создаваться новые НИИ и образовываться филиалы ленинградских НИИ. Таким образом, в декабре 1942 г. создали московскую группу Института этнографии, в 1944 г. ее преобразовали в отделение ИЭ АН СССР. Еще во время войны руководство московского отделения перевело на себя общее финансирование Института этнографии и МАЭ, затем перехватило инициативу издания единственного отечественного этнографического журнала «Советская этнография». Следующим шагом стало издание в Москве сборников «Труды Института этнографии», которые стали выходить в «Новой серии». Для ленинградских ученых возможности публиковаться резко ограничились; если просмотреть содержание «Советской этнографии» за 1940–1950-е годы, то публикации ленинградских ученых составляют редкое исключение на фоне большого количества статей московских авторов. В 1949 г. после почти двадцатилетнего перерыва в музее возобновили издание Сборников МАЭ. А.М. Решетов отмечал: «Политика С.П. Толстова (директора московского отделения ИЭ. — С.К.), направленная на перетягивание центра Института в Москву и создание там численно превосходящего ленинградскую часть коллектива, восторжествовала при полной поддержке Президиума АН» [Решетов 1996: 12]. В стиле авторитарного сталинского правления в 1950 г. московский филиал объявили самостоятельным НИИ, а ленинградский ИЭ вместе с МАЭ стал его филиалом. Не имея коллекций и возможности в полевых условиях изучать традиционную культуру зарубежных народов, сотрудники московского ИЭ сосредоточились на глобальных проблемах: группового брака, матриархата, родовой организации, систем родства и т.д. Соответственно и в Ленинграде публикация статей и монографий стала рассматриваться как настоящая научная деятельность, а музейная работа — как удел начинающих и бесперспективных сотрудников.

В рамках МАЭ разделение на научную и музейную деятельность было явно надуманным и искусственным. Несмотря на любые теории, главное в этнографии — это изучение народов и, соответственно, описание их традиционной культуры, которое невозможно без музейных собраний. Те исследователи, которые не занимались традиционной культурой, переходили на изучение современных процессов и в область теоретических разработок. Другие продолжали заниматься монографическими описаниями отдельных народов и приходили к пониманию ценности музейных собраний, которые не могли заменить ни письменные источники, ни материалы полевых исследований. Монографическое описание народа — это фундамент, от которого можно отталкиваться в дальнейших исследованиях, изучение современных этнических процессов и теоретические разработки его не заменят. Вторичность работ по американистике, подготовленных на основе исследований американских ученых, со временем стала очевидна для всех [Истомин 2003: 16].

Несмотря на бюрократические препоны, пятидесятые годы прошли в работе над общей темой для всех американистов Москвы и Ленинграда. Этой задачей, объединившей весь коллектив, была подготовка двух томов по наро-

дам Америки в рамках многотомного издания «Народы мира». Сотрудники, работавшие в отделе Америки МАЭ сразу после войны и в течение семи лет восстанавливавшие экспозицию, так и остались музеоведами и не смогли перестроиться на «чисто» научную работу.

Восстановление международных связей

В пятидесятые годы стали возобновляться международные связи МАЭ. В этот период музей посетил ряд видных деятелей международного рабочего и коммунистического движения из стран Латинской Америки. В 1954 г. в МАЭ побывали Сальвадор Альенде и Пабло Неруда из Чили, Маркиш Ребелу из Бразилии, в 1955 г. — делегация из Бразилии и Парагвая во главе с Ф. Пейшоту, в 1956 г. — Х. Арбенс Гусман (в 1951—1954 гг. президент Гватемалы). В книге отзывов он написал: «С глубоким волнением мы посетили этот замечательный Музей, где увидели, с каким интересом и вниманием изучают наши народы, и где мы имели честь познакомиться с любезным советским ученым Ю. Кнорозовым, которому стольким обязан наш народ майя. Считаю, что это является символом уважения советского народа ко всем народам» [Вологодина 2004: 9].

В 1956 г. во время работы V МКАЭН в Филадельфии его председатель, известный специалист по археологии американской Арктики, директор УМПУ Ф.Г. Рейни восстановил связи с советскими коллегами. Он встречался с Г.Ф. Дебецем, И.И. Потехиным и Д.А. Ольдерогге — заведующим сектором Африки МАЭ. В 1957 г. Ф.Г. Рейни посетил СССР, в журнале «Советская этнография» были опубликованы две его статьи [Рейни 1957, 1958].

Уже упоминалось, что К. Биркет-Смит пытался пригласить советских исследователей на второй МКАЭН, проходивший в Копенгагене в 1938 г. Советские и датские исследователи Арктики всегда проявляли интерес к работе друг друга. В 1935 г. на русском языке издали книгу К. Расмуссена по результатам работы Пятой экспедиции Туле [Расмуссен 1935]. В 1953 г. в Москве вышел сборник «Гренландия», включавший статьи датских этнографов и археологов: К. Биркет-Смита, Х. Ларсена, Э. Холтведа, Э. Миккельсена, П. Хансена [Гренландия 1953].

В августе 1956 г. состоялся XXXII Международный конгресс американистов в Копенгагене под председательством К. Биркет-Смита. В то время все международные связи советских ученых осуществлялись через Москву. Для участия в работе конгресса были приглашены этнограф И.А. Золотаревская из Москвы, археолог А.П. Окладников и этнограф Ю.В. Кнорозов из Ленинграда. И.А. Золотаревская представила доклад «Этнографические материалы из Америки в русских коллекциях», подготовленный совместно с Е.Э Бломквист и Э.В. Зиберт [Zolotarevskaja, Blomkwist, Zibert 1958]. А.П. Окладников — «Древние культуры и культурно-этнические связи на тихоокеанском побережье северной Азии» и прочитал доклад М.Г. Левина «Антропологический тип северо-восточных палеоазиатов и проблема их этногенеза». Ю.В. Кнорозов рассказал о своих методах дешифровки иероглифической письменности древних майя [Кнорозов 1956], его доклад вызвал большой интерес и научную дискуссию [Кнорозов 1956а]. Участники советской делегации с особым интересом заслушали выступления Х. Ларсена «Материаль-

ная культура нунамиутов в связи с другими формами эскимосской культуры в Северной Америке», У.С. Лафлина о результатах археологических раскопок на Алеутских островах и Р. Лоуи «Концепция культурных ареалов Северной и Южной Америки».

И.А. Золотаревская и А.П. Окладников писали: «Работа конгресса в основном сосредоточивалась вокруг нескольких узловых проблем американистики. К их числу относятся проблема тихоокеанских связей и, как ближайшая к ней, проблема происхождения эскимосов и алеутов. Интерес датских ученых к этому кругу проблем особенно велик. Для Дании изучение Северной Америки и Гренландии является традиционным. Многочисленные экспедиции датских ученых — Расмуссена, Кай Биркет-Смита, Матиассена и других — заложили фундамент эскимосоведения. Неудивительно, что доклады датских археологов и этнографов — специалистов по эскимосской культуре — вызвали глубокий интерес. На конгрессе были доложены неизвестные ранее факты истории древних эскимосов Гренландии и севера американского континента. Известный датский исследователь Айгиль Кнут дал детальную характеристику древних палеоэскимосских памятников Гренландии и более поздних, неоэскимосских — типа Туле. Открытие древнейшей эскимосской культуры замечательно и тем, что в кремневом инвентаре ее наблюдаются общие черты с открытыми за последние десять лет неолитическими памятниками северо-востока Азии, особенно долины Колымы и Чукотского полуострова. А это дает возможность искать реальные корни палеоэскимосской или даже палеоиндейской (для Аляски и Северной Америки) культуры на территории СССР <...>

14 августа торжественным заседанием конгресс закончил свою работу. Самым важным его результатом, сказал его президент проф. Кай Биркет-Смит, являются те научные связи, которые здесь завязались. В своем выступлении проф. А. Дигби (Англия) выразил благодарность организаторам конгресса за то, что, пригласив советских делегатов, они дали возможность широким кругам американистов познакомиться с исследованиями в области американистики, ведущимися в СССР» [Золотаревская, Окладников 1957: 157–159].

В мае 1958 г. в Копенгагене состоялась международная конференция по изучению археологии и этнографии народов Арктики. От АН СССР в конференции принимали участие С.П. Толстов, Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин и А.П. Окладников. Советская делегация встретилась с датскими исследователями — директором Этнографического отдела НМД К. Биркет-Смитом, директором Арктического института при НМД Х. Ларсеном, с «патриархом эскимосологии» В. Тальбицером, а также с А. Кнутом, Э. Холтведом — и с американцами — Г. Коллинзом, Ф.Г. Рейни, И. Скарландом и другими специалистами по культуре эскимосов.

«Конференция была организована по инициативе Датского Национального музея. Основной научной задачей конференции, по мысли ее устроителей (К. Биркет-Смита и Х. Ларсена. — С.К.), было подведение общих итогов исследования арктических стран и Субарктики в археологическом, этнографическом и антропологическом отношении и в соответствии с этим согласование планов дальнейших исследований в этих областях. Предполагалось также, что работа конференции должна привести к восстановлению международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Су-

барктики, организованного еще в 1938 г. по инициативе датских и советских ученых, но не развернувшего своей деятельности вследствие второй мировой войны <...>

На открытии конференции после вступительной речи проф. Биркет-Смита с приветствием от советских ученых выступил С.П. Толстов. Советская делегация при этом передала в подарок Датскому Национальному музею некоторые новые советские издания по археологии и этнографии, а также муляжи предметов из Уэленского могильника на Чукотке, который раскапывался экспедицией Института в 1957 г. Кроме того, им было сообщено, что Институтом истории материальной культуры АН СССР подготовлена к передаче Музею в обмен на древние эскимосские коллекции из Гренландии большая коллекция материалов из неолитических погребений долины р. Ангары (Исаковско-го, серовского, китойского и глазковского этапов)» [Левин, Окладников 1959: 148–149].

В качестве ответного дара из НМД передали археологическую коллекцию по эскимосам Гренландии (№ 6478), которая поступила в МАЭ из Москвы в 1959 г. При передаче коллекции отсутствовал список ее предметов. Сотрудники отдела составили опись коллекции, уточнения к которой сделал Х. Ларсен во время посещения музея в 1964 г.

По итогам конференции наметили большую программу по изучению народов Арктики. Однако повторение Дрезуповской экспедиции, когда В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз работали по договору с АМЕРИ и все материалы отправляли в Нью-Йорк, было невозможно. К этому времени советские ученые провели комплексное исследование народов северо-восточной Сибири, в частности азиатских эскимосов. Как упоминалось, С.И. Руденко опубликовал монографию по результатам археологических исследований на Чукотке [Руденко 1947а]. М.Г. Левин и Г.Ф. Дебец публиковали результаты антропологических исследований [Левин 1949, 1958; Дебец 1951а], Г.А. Меновщиков и Е.С. Рубцова — фольклор эскимосов [Меновщиков 1939, 1947, 1950, 1958; Рубцова 1954]. В 1949 г. вышла книга В.Г. Богораза по языку азиатских эскимосов [Богораз 1949]. Также появились интересные статьи по этнографии [Левин 1946а; Руденко 1949; Воблов 1952]. Отечественные исследователи стали полноправными участниками международного научного сообщества по изучению коренного населения Арктики и активно разрабатывали проблему заселения Америки человеком.

На XXXIII Международном конгрессе американистов, проходившем в июне 1958 г. в городе Сан Хосе в Коста-Рике, были представлены доклады М.Г. Левина, А.П. Окладникова и Г.Ф. Дебеча, посвященные раскопкам древнеэскимосского могильника в поселке Уэлен на Чукотке. Эти раскопки дали обширный археологический и антропологический материал, позволивший более детально уточнить ряд вопросов, связанных с проблемой этногенеза эскимосов. Также на конгрессе был зачитан доклад Б.О. Долгих и Л.А. Файнберга «О некоторых параллельных характерных чертах в культуре самоедов и эскимосов» и доклады Ю.П. Аверкиевой и Ю.В. Кнорозова.

Благодаря сотрудничеству ученых из разных стран, в 1950–1960-е годы большинство исследователей отказалось от необоснованных теорий в американистике. Это теории об азиатско-американской цепи народов, сходстве неолитических орудий Прибайкалья и Аляски, об этнографических параллелях

в культурах ненцев и эскимосов, о заселении Алеутских островов через Командорские острова, формировании эскимосов во внутренних районах Канады, переселении эскимосов из Аляски на Чукотку и др.

Поступление коллекций в 1940–1950-е годы

Что касается пополнения музейных фондов в этот период, то в 1947 г. из ВОКС через московское отделение ИЭ поступила коллекция археологических находок и их копий от Института антропологии и истории города Мехико (№ 4802).

В 1950-е годы после восстановления музеев в стране и проведения инвентаризации их коллекций, как и в 1930-е годы, производилась передача непрофильных собраний. Так, в 1950 г. в МАЭ из московского Музея восточных культур (Музея искусств народов Востока) поступило несколько предметов индейцев Равнин (№ 5959). В 1951 г. из Артиллерийского исторического музея передали одежду мексиканцев (№ 6100) и коллекцию по индейцам Северной Америки (№ 6055). В 1954 г. из ВОКС в Ленинграде поступило восемь мексиканских кукол в национальных костюмах (№ 6101).

В 1953 г. после закрытия «Выставки подарков И.В. Сталину» МАЭ получил ее латиноамериканские коллекции: два предмета от аргентинской делегации (№ 6112) и семь предметов от бразильской делегации (№ 6113). Эти вещи были переданы на выставку в 1949 г. В коллекцию, поступившую на выставку в 1950 г. от членов мексиканской делегации (№ 6114), входили вещи, подаренные деятелями коммунистического и рабочего движений: Т. Альваресом, Э. Виситасьон, Х. Диегисом, Х.Х. Кампо, Э. Лерма, Лискано, Х. Суаресом. Большая часть вещей, поступивших с выставки, это изделия народных промыслов. Только в коллекции № 6113 есть несколько предметов индейцев урубубу.

В 1954 г. МАЭ посетил бразильский писатель Э. Крус Диас (псевдоним — Маркиш Ребелу), он передал в дар музею игрушки и музыкальные инструменты бразильцев и индейцев каража (№ 6134). Также в 1954 г. от директора Музея народного искусства при университете в Сантьяго Т. Лаго поступила коллекция игрушек чилийцев (№ 6142). Еще одна коллекция игрушек из этого музея была передана в 1956 г. (№ 6238). От Н.А. Якимовой в 1955 г. поступило мексиканское сомбреро.

В 1955 г. МАЭ посетила делегация деятелей культуры Латинской Америки. В ее состав входили представители Бразилии Ф. Пейшоту и Т. Са. Они передали в дар от имени директора Музея Индейца в Рио-де-Жанейро Д. Рибейро отдельные предметы индейцев каража (№ 6242), изделия народных промыслов бразильцев (№ 6241) и несколько фотографий бороро, офайе и др. Член делегации от Парагвая К. Диас преподнесла в дар несколько предметов женского костюма (№ 6240).

В 1959 г. из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина поступили три коллекции — по культуре канадцев (№ 6387), эскимосов (№ 6388) и ирокезов (№ 6389). В 1959 г. от Комитета молодежных организаций СССР (Москва) — коллекция одежды сальвадорцев (№ 6390). Тогда же поступили два резных блюда перуанского художника И. Флоресс, которые передал в МАЭ сотрудник сектора Америки московского ИЭ Ю.А. Зубрицкий.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТДЕЛЕ АМЕРИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

После публикации двух томов «Народы Америки» в 1959 г. все сотрудники отдела Америки работали по индивидуальным планам в соответствии со своими научными интересами. В 1952 г. в отдел пришла Р.Г. Ляпунова, в 1953 г. — Ю.В. Кнорозов, в 1957 г. — Р.В. Кинжалов и Д.А. Сергеев, в 1963 г. — А.Д. Дридзо, в 1969 г. — Г.И. Дзенискевич, в 1973 г. — Ю.Е. Березкин. В 1963 г. после более двадцатилетнего перерыва был воссоздан сектор/отдел Америки как самостоятельное структурное подразделение музея, его заведующим стал Р.В. Кинжалов.

Условно сотрудников отдела можно разделить на «музейщиков», занимавшихся изучением материальной культуры на основе музейных коллекций (Р.Г. Ляпунова, Г.И. Дзенискевич, Ю.Е. Березкин), «кабинетных ученых», проводивших исследования на основе изучения письменных источников (Ю.В. Кнорозов, Р.В. Кинжалов, А.Д. Дридзо), полевыми исследованиями занимался «полевик» Д.А. Сергеев. Совместить полевые исследования, изучение музейных коллекций и письменных источников не удавалось по объективным причинам. Никто из сотрудников отдела не имел возможности проводить экспедиционные исследования на территории Америки. У каждого сотрудника был свой период расцвета реализации научных планов и идей. Представляется, что у Ю.В. Кнорозова, Р.В. Кинжалова и Д.А. Сергеева это 1950-е — начало 1970-х годов, у других — середина 1970-х — 1980-е годы. В середине 1980-х годов произошло возрождение музейных исследований, отодвинутых в 1950-е годы на второй план.

* * *

В 1960—1980-е годы сложились неформальные правила в отношении карьерного роста научных сотрудников. Существовали негласные сроки для подготовки кандидатской диссертации — десять лет, считалось, что в более короткий срок диссертант не мог достаточно полно изучить тему. Вне зависимости от результатов научной деятельности учитывался стаж при переходе с одной должности на другую. Необходимо было проработать пять-восемь лет, чтобы перейти с научно-технической должности в младшие научные сотрудники, и десять лет для перехода на следующую научную должность. Существовали жесткая очередность и лимит на количество монографий, которые разрешалось издать за пятилетку отдельному структурному подразделению АН. Монографии сотрудников МАЭ/ЛОИЭ выходили обычно не раньше чем через пять-десять лет после написания. Проекты сотрудников МАЭ по проведению полевых исследований часто оставались нереализованными, так как их финансирование осуществлялось через Москву.

Если в 1956 г. в работе XXXII Международного конгресса американистов в Дании участвовал ленинградец Ю.В. Кнорозов, то позднее он стал «невыездным». В 1958 г. на международном совещании в Копенгагене от ИЭ принимала участие только московская делегация. В.Н. Вологодина отмечала: «К сожалению, обмен научными сотрудниками был далеко не равнозначен, особенно по сравнению с московской частью ИЭ. Одна из основных причин неравномер-

ного обмена помимо процветающей бюрократии и деления научных сотрудников на “выездных” и “невыездных” — это неумение быстро откликаться на все предложения, что особенно касалось обмена музейными материалами» [Вологодина 2004: 8].

Зарубежные специалисты, приезжавшие в Советский Союз, в первую очередь стремились познакомиться с коллекциями МАЭ. Вероятно, поэтому велись неформальные разговоры о том, что в столице необходимо создать крупный этнографический музей и перевести значительную часть коллекций Кунсткамеры в Москву. В то же время в Москве всегда находились коллекции по этнографии народов зарубежных стран, в том числе и народов Америки: несколько сот предметов Музея антропологии и 1552 предмета из археологической коллекции В.И. Иохельсона, собранной на Алеутских островах в 1909–1910 гг. Это собрание находится на хранении в Государственном историческом музее (ГИМ). Кроме того, в ГИМ есть и этнографические коллекции по народам Аляски, в частности вещи из сборов Ю.Ф. Лисянского. Ранее, когда в 1948 г. в Москве был закрыт Музей народов СССР, директор московского отделения ИЭ С.П. Толстов и его заместитель М.Г. Левин (который до 1939 г. был ученым хранителем этого музея) не проявили никакого интереса к его коллекциям. Этнографическое и археологическое собрание по народам Америки Музея народов СССР передали на хранение в ГИМ и ГМЭ.

В 60–70-е годы утверждалось, что изучение традиционной культуры потеряло актуальность и что главное в этнографии — изучение современных «национальных процессов», которые в восьмидесятые годы переименовали в «этнические процессы». Активно разрабатывалась теория возникновения новой этнической общности — «советского народа». В конце 1980-х годов даже организацией международных выставок музея занимались сотрудники московской части ИЭ, соответственно, они и выезжали за границу как кураторы коллекций МАЭ.

Экспедиционные исследования конца 1950–1980-х годов

После войны организация полевых исследований стала осуществляться под руководством московской части ИЭ. Поэтому сотрудники отдела Америки с конца 1950-х до начала 1980-х годов не проводили самостоятельных полевых исследований, а входили в состав объединенных экспедиций ИЭ. Речь идет о Д.А. Сергееве, который начиная с 1957 г. проводил археологические раскопки древнеэскимосских памятников на Чукотке, и Р.Г. Ляпуновой, которая в течение шести полевых сезонов изучала алеутов Командорских островов. Она входила в состав постоянно действующей Северной экспедиции ИЭ АН СССР под общим руководством заведующего сектором народов Сибири И.С. Гурвича.

Результаты раскопок Д.А. Сергеева, С.А. Арутюнова и М.Г. Левина хорошо известны и опубликованы в виде двух монографий и нескольких статей. О личном вкладе Д.А. Сергеева в американистику будет сказано в дальнейшем. Что касается экспедиционных исследований Р.Г. Ляпуновой 1975–1977 гг., то в МАЭ имеются только отдельные документы по их результатам. Отчеты и другие экспедиционные материалы Р.Г. Ляпуновой должны храниться в архиве ИЭ в Москве. В сборниках «Полевые исследования Института этнографии»

она не публиковалась. Р.Г. Ляпунова писала: «В 1975–1977 гг. нами были записаны у командорских алеутов еще сохранившиеся народные этногенетические знания о заселявших острова группах алеутов по прежним территориальным подразделениям и о происхождении именно командорских алеутов <...> Интересно привести перечень старых алеутских фамилий, записанных нами со слов старожилов в 1975 г. Для каждого острова они были различны, совпадая только в одном-двух случаях» [Ляпунова 1987: 185–186]. В архиве МАЭ в деле № 1305 приводятся отдельные данные о народных медицинских знаниях, способах обработки шкур, рыболовстве и т.д. [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. № 1305. Л. 29–57]. Эти сведения были собраны Р.Г. Ляпуновой во время экспедиции 1976 г.

В 1980-е годы Р.Г. Ляпунова провела еще три полевых сезона среди алеутов Командорских островов: в 1981 г. совместно с А.Н. Анфертьевым (ИЭ, Москва), в 1984 г. — с Г.И. Дзенискевич и в 1988 г. — с В.Т. Бочеве (МАЭ). Эти экспедиции были профинансированы МАЭ, поэтому отчеты и другие материалы по их результатам находятся в архиве музея. По результатам исследований 1981 г. имеется полевой дневник, отчет Р.Г. Ляпуновой и списки алеутов.

Приведем несколько цитат из ее отчета.

«Алеутский национальный район — самый маленький в нашей стране. Его территорию составляют два острова: о. Беринга и о. Медный. В настоящее время в районе имеется только один населенный пункт — с. Никольское. Численность населения составляет около 1350 человек, из которых около 275 человек — алеуты. Более точное определение числа жителей не представляется возможным ввиду непрерывной миграции населения между островами и материком. В число алеутов включаются, как правило, все дети от смешанных браков, независимо от того, кто из родителей считается алеутом. Это объясняется в первую очередь тем, что на алеутов распространяются некоторые льготы, предоставляемые малым народам Севера, в частности льготы на вылов рыбы лососевых пород.

В центре экономической жизни района находится зверозавод, дающий около 91 % всего валового продукта» [АМАЭ. К-І. Оп. 2. № 1307. Л. 1–2].

«Резкое численное преобладание русского населения, сложившееся за последние два-три десятилетия, естественно, ведет к стиранию этнических различий между коренным и пришлым населением. Малочисленность алеутского населения объясняет тенденцию, особенно усилившуюся в последние годы, к росту смешанных браков; на глазах исчезают многие черты традиционного быта. Особенно следует остановиться на языковой ситуации. В течение всего времени пребывания алеутов на Командорских островах в качестве письменного языка они пользовались русским, а алеутский сохранялся только в быту. В условиях относительной изоляции двух островов друг от друга сложились два обособленных диалекта, беринговский и медновский, причем их носители при взаимном общении пользовались преимущественно русским языком. Оба диалекта застыли в своем развитии, не обогащались, причем с некоторого времени пользование ими стало считаться признаком невысокого культурного уровня. Созданию такого взгляда немало способствовала порочная политика администрирования в языковой области, выражавшаяся, в частности, в том, что детей в школе наказывали за пользование алеутским языком. В настоящее время его активными носителями остаются исключительно лица старших поколений» [Там же. Л. 4–5].

«Основной недостаток сегодняшней этнической ситуации на Командорах можно сформулировать так: интересы местного коренного населения отступили на второй план перед стремлением развивать норковое производство и увеличивать численность населения. Необходима коренная переориентация экономики с учетом потребностей коренного населения и на основе научно обоснованных рекомендаций. Необходимо, чтобы в районе, носящем название Алеутского национального, обращалось первостепенное внимание на подъем культуры алеутов.

Представителями местных организаций иногда высказываются странные взгляды на эти проблемы. Новый директор зверозавода П.Ф. Данилин в беседе с нами, указав, что эффективность работы у приезжих выше, чем у коренного населения, нашел причину этого в нарушении трудового законодательства: некоторых алеутов после увольнения, вызванного длительными запоями и прогулами, восстанавливают на работе под давлением райкома КПСС и райисполкома только потому, что они — алеуты. Таким образом, многие существуют как бы за счет государственных дотаций и имеют возможность беспрепятственно пьянствовать. П.Ф. Данилин видит государственный интерес в строгом наказании нарушителей трудовой дисциплины независимо от их национальной принадлежности и не хочет даже думать о создании такой социально-экономической структуры, в которой алеуты заняли бы место, наиболее способствующее их дальнейшему культурному подъему. Надо заметить, что высказывания об эффективности труда алеутов вообще чрезвычайно противоречивы. Это объясняется тем, что алеуты оказываются незаменимыми на промысле и в других подобных видах труда, где нет нормированного рабочего дня и требуется инициативность в сочетании с физической сноровкой, но привыкание к однообразной работе от часу до часу на зверозаводе происходит очень тяжело; новые навыки не могут укорениться на протяжении жизни одного только поколения» [АМАЭ. К-І. Оп. 2. № 1307. Л. 12–13].

По результатам работы 1984 г. в архиве музея представлен отчет Р.Г. Ляпуновой, черновой вариант ее полевого дневника и два дневника Г.И. Дзенискевич. По ее данным, на 1 июля 1984 г. на острове Беринга проживало 292 алеутов, из них 146 мужчин и 146 женщин. Средняя заработная плата у русских составляла 778 рублей в месяц, у алеутов — 158 рублей в месяц. В полевом дневнике Г.И. Дзенискевич приведены сведения об образовательном уровне 178 алеутов, из которых 3 человека были неграмотными, у 30 имелось только начальное образование, у 78 — неполное среднее, у — 44 среднее, у 20 — специальное среднее и у троих — высшее образование [Там же. № 1390. Л. 22 об.—23].

Г.И. Дзенискевич отметила, что родным языком владели около тридцати алеутов. Попытки факультативно преподавать алеутский язык в школе не увенчались успехом. Ее полевые записи довольно отрывочны. Например, после беседы с подростком Анной Федоровой, она записала: «Мало впечатлений для детей, слабо приобщаются к культуре. Нужно больше направлять детей в техникумы без экзаменов и в среднюю полосу, а не в местные. Экскурсий больше, чтобы развивались, [этому] мало уделяют внимание. Справедливо обижаются на русских (без блата нельзя купить книгу, например, как русским).

Кружки в школе. Мальчики очень тянутся к технике. Очень хорошо бы технический кружок для детей [организовать]. Местные кадры не вырастут, если будет такое отношение к алеутам. Алеуты добры и бескорыстны. Увлечь детей,

цивилизовать их — главная задача — Артек, Орленок это не для всех» [АМАЭ. К-І. Оп. 2. № 1390. Л. 17–18].

По результатам исследований 1988 г. в архиве МАЭ хранится полевой отчет, выписки из похозяйственной книги с. Никольского и списки его алеутского населения. В отчете Р.Г. Ляпунова писала: «В целом нужно отметить, что значительное численное превосходство (почти в 5 раз) неместного населения, главным образом временного, более высокий образовательный уровень его, более престижные занимаемые посты, инициативность (особенно в сфере обогащения) подавляет собственную инициативу коренного населения — алеутов и небольшого числа русского старожильческого населения. В целом получается, что алеуты в своем национальном районе находятся в маргинальном положении. Более высокий социально-экономический статус временного приезжего населения создает угрозу социальной и национальной сегрегации коренного населения» [Там же. № 1595. Л. 5].

И далее: «Здесь нужно сказать о неформальных объединениях алеутов вокруг какого-то алеутского лидера (мужчины или женщины). Скорее это не лидер в полном смысле этого слова, а человек, в доме которого можно собраться своим кругом, не стесняясь, есть традиционную пищу (соленые ласты котика, настоящую несоленую юколу с душиком, соленое мясо котика и проч.), общаться на алеутском или русско-алеутском языке. Здесь можно услышать и оригинальный алеутский фольклор. К сожалению, объединяются здесь и для выпивок. И вот среди этого круга лиц сохраняются <...> традиционные алеутские брачные отношения, т.е. свобода добрачных отношений, терпимость внебрачных связей, временные легко расторгимые браки. Отсюда — есть незамужние алеутские женщины с детьми, есть женщины с русским мужем и с 1–2 и даже 3-мя детьми с алеутскими фамилиями и отчествами (как правило, в случае добрачных или внебрачных детей дается фамилия и отчество деда ребенка или первого мужа женщины, обычно алеута). Эти неформальные группы более всего сохраняют алеутские национальные традиции, язык, характер, некоторые обычаи. Именно этим в значительной степени обязана алеутская народность тем, что не сбываются прозвучавшие почти 30 лет назад [прогнозы] И.С. Гурвича об окончательном слиянии алеутов с русскими в ближайшем будущем. Нам представляется, что не будет его и в обозримом будущем — благодаря существующим таким группам — в большей мере. Сохраняется среди них и традиционный алеутский обычай усыновления родственниками (чаще с материнской стороны) детей-сирот» [АМАЭ. К-І. Оп. 2. № 1595. Л. 10–11].

Что касается введения в научный оборот собранных полевых материалов, то они использовались Р.Г. Ляпуновой при написании главы «Этническая история командорских алеутов (первая четверть XIX в. — современность)» в монографии «Алеуты. Очерки этнической истории» [Ляпунова 1987: 177–201]. Этнографическое описание культуры алеутов здесь не приводится. При ее написании Р.Г. Ляпунова использовала социологическую схему, примененную ранее М.А. Сергеевым [Сергеев 1938: 88–110]. Эти же сведения она повторила в двух статьях [Ляпунова 1989, 1999]. В последние годы жизни Р.Г. Ляпунова работала над большим разделом для коллективной монографии «История и культура алеутов», которая планировалась к изданию во Владивостоке в серии «История и культура народов Дальнего Востока».

Сотрудники отдела

Э.В. Зиберт (рис. 19) в 1945 г. возвратилась на работу в МАЭ на должность младшего научного сотрудника, специалиста по этнографии народов Латинской Америки. С середины 1950-х годов стали выходить ее статьи по различным аспектам этнографии народов Латинской Америки и музееведения. Она принимала участие в написании нескольких разделов сборника «Индейцы Америки» [1955] и второго тома «Народы Америки». Также необходимо отметить ее публикацию рисунков Ф.А. Фиельструпа [Зиберт 1955] и обзорную статью по собранию А.В. Фрича [Зиберт 1961]. В 1962 г. под редакцией Э.В. Зиберт с ее вступительной статьей и примечаниями вышел сборник легенд и сказок индейцев Латинской Америки [Легенды... 1962]. Это была одна из первых публикаций на русском языке фольклора латиноамериканских индейцев.

Владея четырьмя европейскими языками, Э.В. Зиберт отвечала в отделе за международные связи, вела обширную переписку и во время посещения МАЭ знакомила иностранных коллег с коллекциями. По просьбам зарубежных коллег она написала несколько статей по североамериканским коллекциям [Зиберт 1967, 1975], которые были переизданы в США и Германии. Иллюстрированный альбом по искусству индейцев северо-западного побережья из собрания МАЭ и московского Музея антропологии при МГУ, подготовленный Э.В. Зиберт и фотографом из Чехословакии В. Форманом, в 1967 г. был одновременно издан в Праге, Лондоне и Мехико [Siebert, Forman 1967, 1967a, 1967b]. В 1973 г. Э.В. Зиберт уволилась из музея в связи с выходом на пенсию.

Рис. 19. Э.В. Зиберт

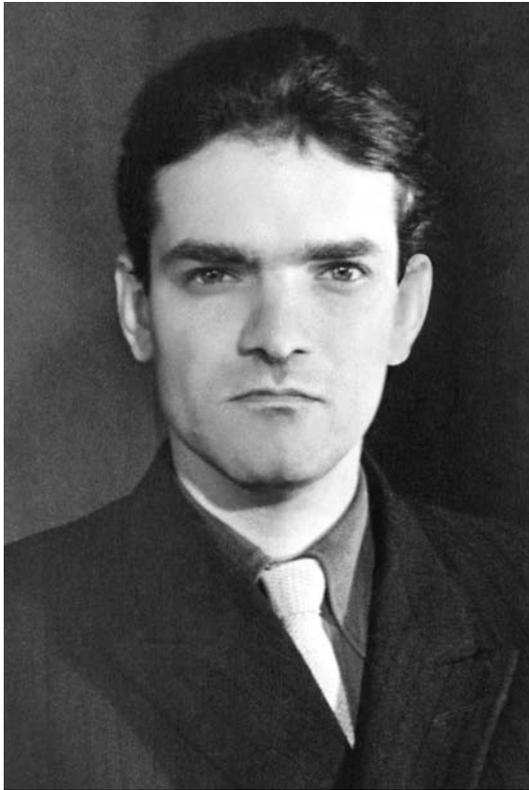

Рис. 20. Ю.В. Кнорозов

До конца своей научной деятельности Э.В. Зиберт работала в должности младшего научного сотрудника и не защитила диссертации. Сталинская действительность научила ее ничем не отличаться от других — ни одеждой, ни немецким происхождением, ни знанием языков, ни стремлением защитить диссертацию и оставить свой вклад в науке. Э.В. Зиберт вспоминала, что нейтральная позиция позволила ей в 1930-е годы избежать тюремного заключения и в то же время не стать осведомителем НКВД. Кроме работы в отделе, она в течение многих лет занималась переводом иностранной этнографической литературы для С.В. Иванова и, таким образом, опосредованно внесла свой вклад в развитие этнографии.

Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999) (рис. 20) родился в Харькове, как он сам говорил, в русской интеллигентной семье³. В 1939 г. поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета. К началу войны окончил два курса, после вступления в Харьков немецких войск оказался на оккупированной территории. В феврале 1943 г. ему удалось перейти линию фронта. По состоянию здоровья в армию Ю.В. Кнорозова не призвали. Он поселился под Воронежем, где преподавал историю в одной из сельских школ. В октябре 1943 г. Ю.В. Кнорозов приехал в Москву; так как у него были все необходимые документы, включая зачетную книжку Харьковского государственного университета, то ему удалось оформить перевод на кафедру

³ Даты биографии Ю.В. Кнорозова приведены по его личному делу из архива МАЭ.

этнографии исторического факультета МГУ. Оценки за зимнюю сессию 1943–1944 г. ему проставили в старую зачетную книжку. В марте 1944 г. его призвали в армию. Ю.В. Кнорозов участвовал в боевых действиях и был награжден медалью «За победу над Германией». В сентябре 1945 г., как студента дневного отделения вуза, его демобилизовали, и он восстановился на третий курс исторического факультета МГУ. Уже в студенческий период заинтересовался древними цивилизациями Америки. Университет Ю.В. Кнорозов окончил в 1948 г.

По распределению он поехал в Ленинград в ГМЭ, где работал научным сотрудником с 1949 г. до 1953 г., одновременно в 1950–1952 гг. учился в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Ленинградском городском комитете ВКП(б). В этот период он перевел на русский язык книгу Д. де Ланда «Сообщения о делах в Юкатане» — подлинную энциклопедию по культуре древних майя. В предисловии к этой работе Ю.В. Кнорозов впервые изложил свои принципы дешифровки иероглифического письма майя, которые принесли молодому ученому широкую известность среди лингвистов во всем мире [Ланда 1955]. В эту сферу науки до Ю.В. Кнорозова никто из отечественных ученых не отважился погрузиться, у него не было предшественников. Попытки зарубежных коллег, которые могли получать материал по письму майя «из первых рук» во время археологических раскопок, не давали результатов.

В августе 1953 г. Ю.В. Кнорозов перешел на работу в МАЭ/ЛОИЭ. В 1955 г. он представил работу ««Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник» для защиты в качестве кандидатской диссертации. Его защита была назначена на 29 марта в ИЭ АН СССР в Москве. Что будет происходить на защите, Ю.В. Кнорозов не мог предположить. В диссертации он доказывал наличие у древних майя фонетического письма, а советская историческая наука исходила из постулата Ф. Энгельса о том, что в доколумбовой Америки не было государств и, соответственно, не могло быть письменности, которая возникает только в классовых обществах. Поэтому Ю.В. Кнорозова могли обвинить в ревизионизме марксизма и арестовать.

Ученый совет ИЭ АН СССР единогласно присудил Ю.В. Кнорозову не кандидатскую, а ученую степень доктора исторических наук. В этом же году он опубликовал свою первую монографию [Кнорозов 1955]. Вторая половина пятидесятых — начало шестидесятых годов были для Ю.В. Кнорозова периодом расцвета его научного потенциала. В 1955 г. его доклад о принципах дешифровки письменности майя был представлен на X Международном конгрессе историков в Риме, в 1956 г. он принял участие в работе XXXII Международного конгресса американистов в Копенгагене, в 1958 г. его доклад представили на XXXIII Международном конгрессе американистов в Сан-Хосе в Коста-Рике.

Ю.В. Кнорозов и в дальнейшем продолжил заниматься дешифровкой письма майя. Многолетние исследования увенчались полным успехом — древняя система письма была дешифрована, тексты переведены и интерпретированы. Окончательные итоги своих исследований он изложил в двух монографиях [Кнорозов 1963, 1975]. В 1977 г. Ю.В. Кнорозову присудили звание лауреата Государственной премии СССР. Его работы были высоко оценены коллегами, он был избран членом многих научных обществ как у нас в стране, так и за рубежом. В 1980–1990-е годы он многократно публиковался в журнале «Латинская Америка» и отправлял своим зарубежным корреспондентам испано-

язычную версию этого журнала. В 1990 г. он посетил Гватемалу по приглашению ее президента Винисио Сересо Аревало и был удостоен Большой Золотой медали президента Гватемалы, на родину он возвратился через Мексику и Кубу. В 1992 г. состоялась командировка Ю.В. Кнорозова в Мексику, когда он посетил древние города майя, сохранившиеся до наших дней. В 1995 г. в посольстве Мексики в Москве Ю.В. Кнорозову вручили серебряный Орден Ацтекского Орла, им награждаются иностранные граждане за исключительные заслуги перед Мексикой. В 1997 г. он находился в научной командировке в США. Его основные работы были переизданы в Мексике и США.

Руководство музея всегда проявляло особое внимание к научной деятельности Ю.В. Кнорозова и создавало для его работы все необходимые условия. Ю.В. Кнорозов работал в МАЭ до марта 1999 г. Наиболее подробная библиография его работ опубликована в сборнике «Кунсткамера. Этнографические тетради» [Список... 1993]. Последние статьи Ю.В. Кнорозова вышли в сборнике «Вопросы этнической семиотики» [1999].

Исследования Ю.В. Кнорозова продолжают его ученики. В 1998 г. в Москве создали «Мезоамериканский центр имени Ю.В. Кнорозова» на факультете истории, политологии и права РГГУ, руководителем которого является Д.Д. Беляев. Основное научное направление деятельности центра — культурные и языковые процессы народов Центральной и Южной Америки в древности.

Ростислав Васильевич Кинжалов (1920–2006) (рис. 21) в 1941 г. добровольцем ушел на фронт, служил санитаром во фронтовом госпитале, в 1942 г. его

Рис. 21. Р.В. Кинжалов

комиссовали по состоянию здоровья из-за высокой степени близорукости. В сентябре 1942 г. он уехал в Саратов, где в то время находился в эвакуации ЛГУ, и поступил на отделение классической филологии филологического факультета, который окончил в 1947 г. Еще будучи студентом, в ноябре 1945 г. после приезда в Ленинград поступил на работу в отдел Востока Государственного Эрмитажа. В 1948 г. Р.В. Кинжалов начал сотрудничать с МАЭ, в марте он участвовал в нескольких заседаниях группы Америки и Австралии при секторе Африки. На заседании, состоявшемся 3 марта 1948 г., он прочитал доклад «Современное состояние дешифровки письменности майя». В 1956 г. Р.В. Кинжалов защитил кандидатскую диссертацию по античности и в том же году организовал первую выставку американских древностей Государственного Эрмитажа. Когда в 1961 г. в Эрмитаже проходила международная выставка «Искусство Мексики», Р.В. Кинжалов был ее консультантом и редактором каталога [Искусство... 1961]. Среди мексиканских коллекций Эрмитажа он обнаружил золотой бубенчик — один из ценнейших памятников искусства ацтеков [Кинжалов 1960].

В феврале 1957 г. Р.В. Кинжалов перешел на работу в МАЭ и сосредоточился на изучении наиболее важных вопросов истории и культуры древних майя. Если Ю.В. Кнорозов занимался конкретно дешифровкой письменности майя, то Р.В. Кинжалов в целом открыл для российской науки древнюю Мезоамерику. Важнейшим результатом его работы является перевод книги «Пополь-Вух» — основного источника по мифологии и уникального памятника литературы народа майя [Пополь-Вух 1959]. В период с 1963 по 1990 гг. он занимал должность заведующего отделом Америки. Значительным вкладом в науку стали его монографии «Искусство древней Америки», «Искусство древних майя» и «Культура древних майя» [Кинжалов 1962, 1968, 1971]. На основе последней монографии в 1971 г. Р.В. Кинжалов защитил докторскую диссертацию. Труды Р.В. Кинжалова переиздавались в Мексике, Коста-Рики, Германии, США и других странах.

В честь его семидесятипятилетнего юбилея в 1996 г. издали библиографический указатель, в котором перечислено 156 публикаций [Ростислав Васильевич... 1996]. В 2001 г. во втором номере «Этнографического обозрения» опубликовали список его статей, вышедших в последующие годы. В 2003 г. Р.В. Кинжалова удостоили звания Заслуженный деятель науки Российской Федерации, он работал в МАЭ до июля 2006 г.

Абрам Давидович Дридзо (1925–2003) (рис. 22) в 1945 г. поступил на исторический факультет ЛГУ, в следующем году — на филологический факультет, которые окончил соответственно в 1950 и 1951 гг. Начиная с 1954 г. он публиковал рецензии на произведения латиноамериканских писателей и написал ряд статей по латиноамериканской тематике для Большого энциклопедического словаря. В 1955–1957 гг. А.Д. Дридзо работал в Ленинградском городском бюро экскурсий и проводил экскурсии в МАЭ. В это время у него сложились деловые отношения с Н.Г. Шпринцин, по ее рекомендации он написал два раздела для второго тома «Народы Америки» [Дридзо 1959, 1959a]. В 1957 г. его приняли на должность научно-технического сотрудника отдела Африки, одновременно он работал экскурсоводом. В 1963 г. А.Д. Дридзо перешел в отдел Америки на должность младшего научного сотрудника по специализации «этнография народов Латинской Америки».

Рис. 22. А.Д. Дридзо

В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Ямайские маруны», которая была опубликована в 1971 г. [Дридзо 1971]. В дальнейшем А.Д. Дридзо занимался изучением этнических процессов в среде эмигрантов из Индии в странах района Карибского моря. В 1986 г. по совокупности опубликованных работ защитил докторскую диссертацию по теме «Индийцы Вест-Индии». В последние десять лет жизни А.Д. Дридзо занимался публикацией научного наследия участников второй русской экспедиции в Южную Америку [Соболева 2004: 213–214].

В честь его семидесятилетнего юбилея издали библиографический указатель, в котором перечислено 326 публикаций [Абрам Давидович... 1995]. А.Д. Дридзо работал в МАЭ до августа 2003 г.

Юрий Евгеньевич Березкин (рис. 23) родился в 1946 г., в 1965–1970 гг. учился на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, в 1973 г. пришел на работу в отдел Америки МАЭ.

Темой его кандидатской диссертации стала иконография североперуанской культуры мочика. На керамике мочика изображены сложные композиции с участием божеств и сцены из ритуалов. Эти материалы на фоне данных по археологии перуанского побережья позволяли предложить реконструкцию социальной организации мочикского общества. В поисках аналогий к сценам

Рис. 23. Ю.Е. Березкин

мифологического содержания Ю.Е. Березкин стал собирать материалы по мифологии Центральных Анд, а затем Амазонии, занимаясь сопоставлением мотивов для поиска их общей древней основы. Эти исследования открывали путь к пониманию этногенетических процессов в древности. Кандидатскую диссертацию Ю.Е. Березкин защитил в 1977 г., в переработанном виде она была опубликована в 1983 г. [Березкин 1983]. Ю.Е. Березкин вспоминал: «К сожалению, мало кто из специалистов мог ее прочитать, поскольку тогдашний директор МАЭ Рудольф Фердинандович Итс запретил мне печатать испанское резюме, ибо, как он объяснил, все должны научиться читать по-русски» [Боринская 2006: 454].

В 1986 г. Ю.Е. Березкин перешел работать в ЛОИА, где в качестве заместителя начальника Каракумской археологической экспедиции исследовал памятники VI–III тыс. до н.э. на юге Туркменистана, проведя там в общей сложности двадцать пять полевых сезонов. Продолжая заниматься древними культурами Америки, в 1990 г. он защитил докторскую диссертацию «Древнейшая история Южной Америки и индейская мифология: от охотников-собирателей к ранним земледельцам». В 1991 г. опубликовал монографию по культуре древних инков [Березкин 1991], а позднее сборник фольклора индейцев Южной Америки [Мифы... 1994]. В центре его интересов в это время была

типология ранних сложных обществ Старого и Нового Света. В середине 1990-х годов Ю.Е. Березкин начинает большой проект создания электронного каталога фольклора и мифологии сначала народов Америки, а затем и всего мира, который является базой для реконструкции демографических и культурных процессов в древности, прежде всего связанных с заселением Нового Света: «В 1990-х годах я постепенно пришел к убеждению, что распространение мифов по различным регионам планеты помогает реконструировать те миграции людей и те связи между культурами, которые имели место не только тысячи, но и десятки тысяч лет назад. По мере накопления данных находилось все больше фактов, подтверждающих подобную точку зрения и ставящих под сомнение познавательную ценность некоторых других подходов к мифологии» [Березкин 2009: 6].

Дориан Андреевич Сергеев (1928–1984) (рис. 24) с 1932 г. жил на Чукотке, где его мать Катерина Семеновна Сергеева работала учителем. Она была одним из первых авторов школьных учебников на эскимосском языке и исследователем эскимосского фольклора. С детских лет Д.А. Сергеев жил жизнью коренного населения Чукотки — эскимосов и чукчей — и проникся уважением к их традиционной культуре, изучению которой он посвятил всю жизнь.

В 1949 г. он поступил на факультет народов Севера ЛГУ. По окончании университета по специальности «археология» в 1953 г. возвратился на Чукотку и работал школьным учителем в поселке Урэлик (бухта Провидения). Летом во

Рис. 24. Д.А. Сергеев

время каникул вместе со старшеклассниками совершал археологические разведки вдоль восточного побережья Чукотки. Во время одной из таких поездок в 1955 г. вблизи поселка Уэлен Д.А. Сергеев открыл Уэленский могильник, который впоследствии получил широкую известность.

В 1957 г. Д.А. Сергеева приняли на работу в МАЭ в отдел Америки. В течение полевых сезонов 1957–1960 гг. совместно с С.А. Арутюновым и М.Г. Левиным он производил раскопки Уэленского могильника. В 1960 г. открыл Эквенский могильник. Д.А. Сергеев совмещал археологические и этнографические исследования. Он привлекал эскимосов старшего поколения к непосредственному участию в раскопках, и в их процессе они комментировали особенности погребального обряда, назначение отдельных предметов, преимущества или недостатки орудий охоты и т.д. Такой комплексный археолого-этнографический метод позволил связать памятники древности с этнографической современностью, сделать этнографическую интерпретацию материала полутора-двухтысячелетней давности. Это был новый шаг в археологическом исследовании эскимосских культур. Собранный Д.А. Сергеевым археологический материал превышает двенадцать тысяч единиц хранения, он находится в МАЭ и никогда не потеряет своей научной ценности. Д.А. Сергеев был хорошим музееведом, он составил новые образцовые описи к эскимосским коллекциям, в которых сделал научное описание более тысячи предметов.

Материалы полевых исследований Д.А. Сергеева легли в основу его кандидатской диссертации, защищенной в 1966 г., и докторской, защищенной в 1975 г. Они были опубликованы в виде двух монографий [Арутюнов, Сергеев 1969, 1975]. В 1968–1977 гг. Д.А. Сергеев являлся директором ГМЭ, а затем вернулся в отдел Америки МАЭ, где работал до июня 1984 г. Наиболее полный список публикаций Д.А. Сергеева приведен в его некрологе [Дориан Андреевич... 1985: 172–173].

Роза Гавриловна Ляпунова (Ольга Табакова, 1928–1992) (рис. 25) в 1946 г. поступила в Лесотехническую академию в Ленинграде, по окончании первого курса перевелась на отделение этнографии Восточного факультета ЛГУ. После его закрытия в 1950 г. студентов отделения этнографии перевели на исторический факультет. Специализировалась на изучении этнографии народов Поволжья. В 1952 г. после окончания университета по специальности «этнография» Р.Г. Ляпунову приняли на работу в МАЭ на должность старшего научно-технического сотрудника отдела Америки. Научную деятельность Р.Г. Ляпунова начала с изучения алеутского собрания МАЭ. Так как ее первая статья вышла через одиннадцать лет после прихода в отдел, складывается впечатление, что в течение длительного времени она не могла сделать выбор между музейной и научной работой. В конце концов, компромисс был найден — Р.Г. Ляпунова стала заниматься музейной работой и публиковать результаты своих исследований. Практика показала, что в отделе должны быть сотрудники, специализирующиеся на музееведении. Они отвечали за коллекции и вели текущую работу по хранению, учету и инвентаризации экспозиции и фондов. Несмотря на то что с 1950 г. МАЭ официально назывался Ленинградским отделением ИЭ АН СССР, в сфере музейной работы МАЭ/ЛОИЭ выполнял распоряжения Министерства культуры.

Р.Г. Ляпунова вспоминала: «Сначала мое внимание привлекли предметы материальной культуры и искусства алеутов <...> И первые мои работы носили

Рис. 25. Р.Г. Ляпунова

чисто музейный характер. Уже позднее я перешла от изучения коллекций к изучению алеутов вообще: их истории, развития культуры, происхождения. Причем в первые годы работы над этой темой я занималась только историей Аляски и американских алеутов. Три раза побывала в Соединенных Штатах (1973, 1979, 1981 г.), посетила Аляску — острова Кадык, Уналашка, Умнак, Прибыловы и др. Второй моей темой является источниковедение по истории Аляски. Это историографическая работа, основная ее задача — нахождение и опубликование рукописей по истории и этнографии Русской Америки» [Филимонова 1988: 2]. Соединение музейного и архивного материалов нашло отражение в кандидатской диссертации Р.Г. Ляпуновой «Материальная культура алеутов (к проблеме этногенеза)», которую она защитила в 1970 г. В 1975 г. эта работа была опубликована [Ляпунова 1975]. Р.Г. Ляпунова и в дальнейшем работала в архивах и подготовила к публикации рукописи К.Т. Хлебникова [Русская Америка... 1979], морехода Ф.А. Кулькова [Ляпунова 1979], иеромонаха Гедеоны [Русская Америка... 1994]. Ее архивные разыскания стали серьезным вкладом в изучение этнографии народов Русской Америки.

Как отмечалось, в течение шести полевых сезонов Р.Г. Ляпунова проводила исследования среди алеутов Командорских островов. Также она неоднократно выезжала на международные конференции и в зарубежные командировки, во время которых установила деловые связи с зарубежными специалистами: Л.С. Блэк, У.С. Лафлиным, Д.Е. Дюмонд, К. Бергсланд, М.Е. Краусс и др. В 1970-е годы в соавторстве с Ю.П. Аверкиевой и П. Варьёлой работала над каталогом коллекции А.К. Этолина из собрания Национального музея Финляндии.

В 1987 г. Р.Г. Ляпунова опубликовала вторую монографию — «Алеуты: очерки этнической истории» [Ляпунова 1987]. Всего она опубликовала более пятидесяти работ по истории и этнографии народов Русской Америки. В последние годы жизни Р.Г. Ляпунова работала над разделом для коллективной монографии «История и культура алеутов» и над монографией «Трансформация культуры коренного населения Аляски». Эти работы остались незавершенными, их нет в архиве МАЭ. Р.Г. Ляпунова работала в музее до декабря 1992 г.

Галина Ивановна Дзенискевич (1933–2002), (рис. 26) окончив школу с золотой медалью, в 1951 г. поступила на кафедру стран Дальнего Востока Восточного факультета ЛГУ, где изучала историю Китая. В 1954 г. кафедра была реорганизована, и большую часть студентов перевели на исторический факультет, который Г.И. Дзенискевич окончила в 1956 г. по специальности «история СССР». В 1962 г. она пришла на работу в МАЭ на должность старшего научно-технического сотрудника отдела учета и хранения, которым руководил И.Я. Треногов. В 1969 г. перешла в отдел Америки. Со временем определилась область ее научных интересов — этнография атапасков Аляски. Научным руководителем Г.И. Дзенискевич стала заведующая сектором Америки ИЭ в Москве Ю.П. Аверкиева. В 1978 г. Г.И. Дзенискевич защитила кандидатскую диссертацию по теме «Традиционная культура атапасков Аляски (конец XVIII–XIX вв.)». Позднее в значительно переработанном виде она была опубликована [Дзенискевич 1987]. В 1983 г. Г.И. Дзенискевич принимала участие в археологической экспедиции на Курильские острова под руководством Ю.В. Кнорозова и в 1984 г. — в этнографической экспедиции на Командорские острова, совместно с Р.Г. Ляпуновой.

Рис. 26. Г.И. Дзенискевич

В 1991 г. Г.И. Дзенискевич избрали заведующей отделом Америки. В эти годы она работала над изучением этнографии тлинкитов и принимала активное участие в организации международных выставок музея. Г.И. Дзенискевич поддерживала деловые связи со многими специалистами по этнографии народов Аляски, которые в 1980–1990-е годы посетили МАЭ. Среди ее корреспондентов были Джуди Томпсон, Билл Холм, Альдона Джонайтис, Марвин Оливер, Билл Мак-Леннан и другие исследователи из США и Канады. Как куратор выставок она посетила США в 1988, 1991 и 2000 гг., Испанию в 1996 и 1999 гг., Швейцарию в 2000 г., Финляндию в 2001 г. Г.И. Дзенискевич работала в МАЭ до декабря 2002 г. В ее некрологе указаны 58 публикаций [Решетов 2003].

Кроме вышеперечисленных сотрудников в последней четверти XX в. и в начале XXI в. в отделе Америки работали **Б.П. Полевой, Е.А. Окладникова, С.С. Поляков, М.Н. Третьякова, А.П. Щетько, Е.А. Ершова.**

Сотрудники отдела Америки защищали свои диссертации в основном в МАЭ. В то же время они выступали оппонентами или руководителями диссертационных работ по американистике сотрудников других научных учреждений как в Ленинграде, так и в Москве. В 1971 г. в ИЭ в Москве состоялась защита кандидатской работы кубинского исследователя Хосе М. Гуарч Дальмонте («Таино. Опыт этноисторической реконструкции», оппонент А.Д. Дридо). В 1972 г. в МАЭ прошла защита С.Я. Серова по теме «Проблемы этнической истории кечуа (вторая половина XVI в.)». В 1977 г. в МАЭ защитилась В.Е. Баглай («Представление о мировых эпохах в древнемексиканской ацтекской мифологии», руководитель Р.В. Кинжалов, оппонент Ю.В. Кнорозов). В 1984 г. в Москве в ИЭ прошла защита А.А. Бородатовой («Памятники изобразительного искусства майя классической эпохи (I–IX вв.) как историко-этнографический источник», руководитель Ю.В. Кнорозов, оппонент Ю.Е. Березкин). В следующем году в МАЭ защитилась Г.Г. Ершова («Иероглифические тексты майя как историко-этнографический источник», руководитель Ю.В. Кнорозов, оппонент Р.В. Кинжалов). В 1988 г. в МАЭ состоялась защита кандидатской диссертации Н.В. Карповец («Историко-этнографические музеи Северной Америки», оппонент Р.Г. Ляпунова). В 1990 г. в Институте археологии АН СССР в Москве прошла защита Я.Н. Нерсесова («Древние культуры северной Мексики», оппонент Ю.Е. Березкин). В 2002 г. там же состоялась защита С.Н. Якушенкова («Семиотический анализ духовной культуры аймара», оппонент Ю.Е. Березкин).

***

Во второй половине XX в. некоторые сотрудники других отделов музея и московского ИЭ занимались изучением американского собрания МАЭ. Из них особая роль принадлежит сибиреведу С.В. Иванову. Уже отмечалось, что в 1928 г. на Международном конгрессе американистов в Нью-Йорке В.Г. Богораз представил его доклад «Алеутские головные уборы и их орнамент». В 1954 г. С.В. Иванов опубликовал монографию по изобразительному искусству народов Сибири, в которой есть разделы, посвященные анализу произведений искусства эскимосов и алеутов [Иванов 1954: 407–504]. В следующей монографии С.В. Иванова, посвященной орнаменту народов Сибири, есть раздел по народам северо-востока Сибири, где приведено описание орнамента

народов Аляски [Иванов 1963: 163–248]. Занимался С.В. Иванов и конкретным изучением отдельных предметов из американского собрания МАЭ. В 1949 г. он опубликовал статьи о костяных фигурках эскимосов и алеутов [Иванов 1949, 1949а].

А.Д. Авдеев подготовил исследование о масках народов мира, в котором привел описание ряда масок народов Америки [Авдеев 1957]. Также он опубликовал отдельную статью, посвященную алеутским маскам с острова Атка из сборов И.И. Архимандритова [Авдеев 1959]. Эта статья была переведена на немецкий язык и стала известна специалистам по алеутам в Европе и Америке [Avdeev 1964]. Р.С. Разумовская описала плетеные изделия и орнамент индейцев северо-западного побережья [Разумовская 1967, 1985]. И.И. Труфанов изучал боевые топоры атапасков из собрания И.Г. Вознесенского [Труфанов 1967], Т.А. Попова и Э.Е. Фрадкин — археологические коллекции, переданные в 1966 г. Национальной академией Кубы [Попова, Фрадкин 1967]. В.В. Гинцбург — антропологические материалы с Кубы [Гинцбург 1967]. Е.С. Соболева опубликовала интересную статью, посвященную латиноамериканской коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая [Соболева 1997]. П.М. Кожин занимался изучением плетеных корзин индейцев Калифорнии и керамики индейцев пуэбло [Кожин 1967, 1967а].

Отдельно необходимо сказать о специалисте по народам Сибири Е.П. Орловой, которая стала активно сотрудничать с МАЭ в 1963 г. Архив Е.П. Орловой в настоящее время находится в музее, поэтому приведем краткие сведения о ее научной деятельности.

Елизавета Порфирьевна Орлова (1899–1976) (рис. 27) в 1921–1926 гг. училась на этнографическом отделении Географического института. В 1930–1935 гг. как сотрудник Института народов Севера работала на Дальнем Востоке (в Хабаровске, Николаевске на Амуре и на Чукотке), занималась созданием письменности для коренных народов Сибири. В 1932 г. Е.П. Орлова подготовила к изданию буквари на эскимосском и алеутском языках, последний букварь издан не был. В 1934 г. она проводила полевые исследования среди азиатских эскимосов и посетила эскимосские поселки Наукан, Чаплино, Урэлик и Аслик [Орлова 1941]. В 1935–1941 гг. работала в Ленинграде в Комитете народов Севера и в Музее Арктики. В 1936 г. по заданию Института народов Севера написала статью «Юпигыты — азиатские эскимосы» [АМАЭ. Ф.К-П. Оп.1. №187. 85 л.]. В 1948–1949 гг. Е.П. Орлова была научным сотрудником Института Арктики и Антарктики. В 1949 г. по договору работала в МАЭ, тогда же перешла на постоянную работу в ГМЭ, где в 1950–1961 гг. являлась заведующей отделом народов Сибири. По результатам изучения коллекций ГМЭ Е.П. Орлова опубликовала иллюстративный альбом «Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость» [Орлова 1964]. В начале 1961 г. у Е.П. Орловой произошел конфликт с руководством ГМЭ из-за увольнения сотрудников, достигших пенсионного возраста. Для проверки работы музея создали комиссию в составе Л.В. Лашкевич из отдела управления музеями Министерства культуры, А.И. Ханукова из НИИ музееведения и А.В. Максимова из Ленинградского обкома КПСС. В апреле 1961 г. Е.П. Орлова уволилась из ГМЭ.

В мае 1961 г. по приглашению академика А.П. Окладникова она переехала в Новосибирск и стала работать в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН. С 14 июля до 27 дека-

Рис. 27. Е.П. Орлова

бря 1961 г. находилась в экспедиции и изучала ительменов, коряков, эвенов и алеутов. На Командорских островах в августе-сентябре она провела более месяца [Орлова 1962]. В 1963 г. Е.П. Орлова вышла на пенсию и вернулась в Ленинград, стала сотрудничать с МАЭ и продолжила публиковать результаты своих исследований. Ее главный труд — монографию «Ительмены» — сотрудники отдела Сибири издали в 1999 г. [Орлова 1999].

* * *

Кризис в стране начала 1990-х годов негативным образом отразился на работе отдела Америки и музея в целом. С кончиной Рудольфа Фердинандовича Итса — директора МАЭ в 1982–1990 гг. — ослабла связь между кафедрой антропологии и этнографии исторического факультета ЛГУ и МАЭ.

В апреле 1992 г. произошло официальное отделение МАЭ и Санкт-Петербургского филиала Института этнологии и антропологии от московского ИЭА. МАЭ (Кунсткамера) РАН стал самостоятельным структурным подразделением Отделения истории Российской академии наук со статусом НИИ.

В сентябре–октябре 1993 г. в музее прошла выставка картин художника Азата Шамильевича Миннекаева «Люди и духи старой Аляски». А.Ш. Миннекаев 1991–1992 гг. провел на Аляске. Его пригласили в Анкоридж для оформления декораций спектакля на тему эскимосской мифологии. Затем он работал учителем рисования в школе на островах Прибылова и создал серию картин, посвященных народам Аляски. На выставке наряду с картинами А.Ш. Миннекаева были представлены предметы традиционного быта алеутов и эскимосов из собрания МАЭ.

В 1994 г. демонтировали постоянную экспозицию зала народов Центральной и Южной Америки. Освободившийся зал использовали для временной выставки «Шаман и Вселенная», которая экспонировалась в течение нескольких месяцев. По результатам выставки издали альбом. Он состоит из предисловия Ч.М. Таксами (с. 4–8), работы В.Г. Богораза (с. 10–152) и заключительной статьи Е.А. Окладниковой (с. 153–160). На обложке и титульном листе автором альбома указан Г. Фрайкопф — владелец издательства ICAR [Фрайкопф 1996]. Общего оглавления в альбоме нет. Оглавление есть только к работе В.Г. Богораза, которая дана без названия, о ней сказано, что это «адаптация публикации», когда и где она была впервые издана для читателя остается загадкой. Издание проиллюстрировано фотографиями экспонатов МАЭ и репродукциями картин художника А.Ш. Миннекаева (в альбоме неверно указана его фамилия — Миникаев). Подписи к репродукциям картин были сделаны не самим художником. Например, репродукция, на которой изображен перенос умершего, сидящего в байдарке, в погребальную пещеру, подписана «На охоту» [Фрайкопф 1996: 98]. Ликвидация постоянной экспозиции музея ради проведения этой выставки была явно нецелесообразна.

Международное сотрудничество

Во второй половине XX в. продолжали развиваться связи сотрудников отдела с зарубежными коллегами. В 1961 г. МАЭ посетил директор Национального института антропологии и истории Мехико Эусебио Давалос Уртадо. Он приехал в Ленинград на открытие мексиканской выставки в Государственном Эрмитаже.

В то время музей посещали не только этнографы, но и правительственные делегации зарубежных стран. Одной из самых представительных была мексиканская делегация. В 1962 г. МАЭ посетили посол Мексики в СССР Сапата Вела и национальный герой Мексики генерал Эриберто Хара (рис. 28) — член Всемирного совета мира, лауреат Международной премии мира, лауреат Ле-

Рис. 28. Верхний ряд слева направо Р.Ф. Итс, О.Л. Вильчевский, В.Н. Вологодина, С. Вела, переводчица. Нижний ряд — Ю.В. Кнорозов, Э. Хара, Э.В. Зиберт, Р.В. Кинжалов

нинской премии мира и т.д. Они встретились с сотрудниками отдела Америки и с большим интересом прослушали сообщения Ю.В. Кнорозова о дешифровке письменности майя и Р.В. Кинжалова об изучении в Советском Союзе древних цивилизаций Центральной Америки.

В дальнейшем остановимся только на научных связях сотрудников отдела с зарубежными коллегами. С 1957 г. с коллективом отдела Америки МАЭ сотрудничал профессор Висконсинского университета из США, археолог Ч.С. Чард. Тема его научных интересов — проблема заселения Нового Света. Он несколько раз приезжал в Советский Союз, знакомился с коллекциями МАЭ по народам Сибири и Северной Америки. В течение длительного времени Ч.С. Чард поддерживал деловые связи с Э.В. Зиберт и археологом Н.А. Береговой из ЛОИА, которая занималась проблемой заселения Америки. В журнале «Советская этнография» дважды публиковали его статьи [Чард 1962, 1967]. Ч.С. Чард участвовал в работе VII МКАЭН.

Состоявшийся 3–10 августа 1964 г. в Москве VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук стал важным этапом в возобновлении контактов советских исследователей с зарубежными коллегами. По существу, это был первый выход советской этнографии на международную арену после нескольких десятилетий самостоятельного развития. С докладами на VII МКАЭН выступили американисты из США: Н.О. Лури, Р. Метро, Г. Коллинз, И. Скарланд, Р.А. Мак-Кеннан и др. От Дании в работе конгресса принимали участие К. Биркет-Смит, Л. Хаммерих и Х. Ларсен, последний подарил МАЭ современный праздничный женский костюм эскимосов Гренландии

(№ 6570). Также небольшую археологическую коллекцию каменных орудий с территории Техаса преподнес археолог из США Теодор Кан. Милдред Райерсон, супруга канадского историка С.Б. Райерсона, передала через Ю.П. Аверкиеву несколько рисунков на бересте индейцев кри (№ 6649). И.С. Гурвич передал гравированный моржовый клык эскимосов, который он получил от членов американской делегации (№ 6708).

Профессор этнологии университета штата Нью-Йорк У.Н. Фентон с большим интересом ознакомился с коллекциями МАЭ по ирокезам и рекомендовал сотрудникам музея их опубликовать. Эта работа была выполнена Э.В. Зиберт, которая опубликовала описание ирокезской коллекции в сборнике МАЭ [Зиберт 1975]. Р.Г. Ляпунова установила деловые контакты с американским антропологом У.С. Лафлиным. Во время работы конгресса московские этнографы Ю.П. Аверкиева и И.А. Золотаревская договорились с коллегами из США об издании совместного сборника по этнографии народов Северной Америки. В США эта книга вышла в 1971 г., на русском языке — в 1977 г. [Североамериканские... 1977].

В рамках работы VII МКАЭН 11 августа в Ленинграде провели юбилейную сессию, посвященную 250-летию основания Кунсткамеры — Этнографического музея — МАЭ. С приветственными речами на сессии выступили директор Арктического института при НМД Х. Ларсен (рис. 29) и основоположник культурологии, крупный специалист по этнографии индейцев пуэбло, президент Американской антропологической ассоциации Л.А. Уайт (рис. 30).

Подводя итог обменных отношений между МАЭ и НМД, еще раз перечислим годы поступления в музей коллекций по эскимосам из Дании: 1914, 1924, 1927, 1928, 1933, 1937, 1959 и 1964. В XIX в. американские коллекции из Дании поступали в 1842, 1848, 1862 и 1868 гг. По другим народам коллекции поступи-

Рис. 29. Х. Ларсен

Рис. 30. Л.А. Уайт

ли в 1848, 1862, 1868, 1907, 1962 гг. Для датчан обменные операции с МАЭ были очень выгодны. Во многом благодаря этим связям Этнографический отдел НМД превратился из «эскимосского» в настоящий этнографический музей, посвященный народам всего мира. В XX в. НМД получил из МАЭ коллекции по ненцам, кетам, тунгусам, якутам, нивхам, орочам, орокам, айнам, ительменам, чукчам и азиатским эскимосам [Guides... 1955: 13–24].

В сентябре 1964 г. директор МАЭ Л.П. Потапов находился в Мексике. Он был приглашен Министерством просвещения на открытие Национального антропологического музея Мексики. В отчете об этой командировке Л.П. Потапов писал: «Во время пребывания в Мехико я встречался с польскими, чехословацкими, голландскими и др. делегатами. Наибольший интерес для меня представляли встречи с руководителем Академии наук Кубы Нумес Хименесом, который также был на этих торжествах в качестве гостя мексиканского правительства. Я рассказал ему о командировке сотрудников нашего Института в Кубинскую Академию наук (по просьбе кубинцев) и обсудил возможность получения из Кубы для нашего музея некоторых экспонатов, которые, кстати сказать, тов. Хименес обещал нам прислать, будучи в Ленинграде, после осмотра нашего Музея (два года тому назад) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 783. Л. 4]. Здесь идет речь о поездке на Кубу Ю.П. Аверкиевой и антрополога В.В. Гинзбурга [Гинзбург 1965]. В 1966 г. МАЭ получил от Национальной академии Кубы две археологические коллекции — по индейцам Гаити и Кубы (№ 6577) и по древним культурам Центральной и Южной Америки (№ 6651).

В 1968 г. МАЭ впервые посетил директор французского Центра арктических исследований Ж. Малори — известный специалист по этнографии эскимосов Гренландии [Малори 1973]. Впоследствии он несколько раз приезжал в Ленинград и неоднократно встречался с сотрудниками отделов Сибири и Америки. Ж. Малори выступал с докладами, изучал эскимосские коллекции МАЭ, установил обмен литературой. Вместе с советскими коллегами он принимал участие в этнографических экспедициях по изучению народов Сибири. В рамках совместной работы было проведено три симпозиума по изучению народов Арктики. В материалах двух симпозиумов были опубликованы доклады Р.Г. Ляпуновой [Ljapunova 1979, 1982].

В конце 1960-х годов началось сотрудничество отдела Америки МАЭ с Орегонским историческим обществом города Портланда. Главной идеей совместного проекта была публикация в США русских источников по истории Аляски. С американской стороны в проекте принимали участие директор Орегонского исторического общества Т. Воган, Е. Кроунхарт-Воган, владевшая русским языком, и русский сотрудник этого общества Б. Дмитришин, с советской стороны — Э.В. Зиберт, Р.Г. Ляпунова и М.И. Белов из НИИ Арктики и Антарктики. Т. Воган посетил МАЭ в 1968 и 1970 гг. В 1972 г. в журнале Орегонского исторического общества переиздали статью Е.Э. Бломквист о рисунках И.Г. Вознесенского [Blomkwist 1972]. Тогда же Т. Воган преподнес в дар МАЭ семнадцать каменных наконечников стрел из района среднего течения реки Колумбии и семь этнографических предметов XIX в. индейцев сиу и оджибва (№ 6668). В 1973 г. праздновалось столетие основания Орегонского исторического общества, на этот юбилей пригласили Р.Г. Ляпунову и М.И. Белова [Белов, Ляпунова 1974]. В следующем году в Портланде прошла междуна-

родная выставка с участием МАЭ по культуре народов Аляски. Сотрудничество по поиску документов, их переводу и подготовке к печати продолжалось много лет. В результате совместной работы был издан трехтомник «Сибирь и Русская Америка: три столетия русской восточной экспансии» [The Siberia and Russian America 1985–1989]. В это издание наряду с другими вошли документы, впервые опубликованные сотрудниками МАЭ Р.Г. Ляпуновой и Т.К. Шафрановской [Russian penetration... 1988: 225–230, 236–244]. В 1988 г. Т. Воран в очередной раз посетил МАЭ и передал вышедшие к тому времени два тома документов.

В 1973 г. МАЭ посетил исследователь из Парагвая Мигель Часе-Санди. Он сделал доклад о сохранении шаманских ритуалов среди городского индейского населения Парагвая, в частности, остановился на практике изгнания злых духов из тела больного. Свое сообщение М. Часе-Санди проиллюстрировал подборкой фотографий со сценами шаманских лечебных сеансов. Эти снимки он передал в дар МАЭ. В июне этого же года МАЭ посетил президент Национальной академии наук Кубы Мариано Родригес Сальвейро.

В 1970-е годы деловую переписку с сотрудниками МАЭ вела этнолог с Аляски Дороти Джин Рей. Она тщательно изучила всю доступную ей литературу по американским коллекциям МАЭ. Благодаря сотрудничеству с Э.В. Зиберт и Р.Г. Ляпуновой ей были известны публикации А.Д. Авдеева, Е.Э. Бломквист, С.В. Иванова, Б.А. Липшиц, Р.Г. Ляпуновой. Эти материалы и фотографии экспонатов МАЭ Д.Д. Рей использовала при подготовке монографии по искусству алеутов и эскимосов [Ray 1981].

Об альбоме Э.В. Зиберт и В. Формана по искусству тлинкитов уже упоминалось. В 1973 г. впервые вышел на русском и английском языках иллюстрированный альбом по всему собранию МАЭ. Раздел по народам Америки для него подготовила Р.С. Разумовская — сотрудница экскурсионно-просветительского отдела. Она включила в альбом тринадцать тлинкитских предметов и десять эскимосских и алеутских, другие народы Америки были представлены пятью предметами [Ганюшкина, Разумовская, Шаврина 1973]. Для своего времени альбом был сделан на высоком полиграфическом уровне и предназначался в первую очередь для иностранных посетителей музея.

В 1973–1974 гг. состоялась первая американская международная выставка «Дальний Север: 2000 лет искусства американских эскимосов и индейцев», в которой наряду с несколькими музеями Европы и США принял участие МАЭ. Отбор 25 предметов культуры эскимосов, алеутов и тлинкитов для этой выставки был сделан в 1971–1972 гг. Э.В. Зиберт. Выставка проходила в Вашингтоне, Анкоридже, Портланде и Форте Уэрте. Никто из сотрудников музея в США не выезжал, аннотации к экспонатам МАЭ написали Ф. де Лагуна и Д. Левис, вступительную статью к разделу по культуре эскимосов — Г. Коллинз [The Far North... 1973]. Наряду с изданием альбомов Э.В. Зиберт — В. Формана и Т. Ганюшкиной и др. участие в выставке явилось важным этапом в знакомстве зарубежных коллег с собранием МАЭ.

С середины 1970-х годов с сотрудниками отдела Америки вел переписку Крейг Бейтс — этнолог службы Национального парка Калифорнии. Позднее он посетил МАЭ и опубликовал статью о калифорнийской коллекции И.Г. Вознесенского [Bates 1983]. Также для знакомства с калифорнийским собранием Кунсткамеры в 1980-е годы музей неоднократно посещал Трэвис

Хадсон, он занимался составлением каталога коллекций индейцев помо из музеев всего мира [Blackburn, Hudson 1990].

В 1966 г. МАЭ впервые посетил Дж. Ван-Стоун — заведующий отделом археологии и этнологии Северной Америки Музея естественной истории им. М. Филда в Чикаго. В 1951—1958 гг. он работал в университете Фэрбенкса, затем с 1959 по 1966 гг. — в университете Торонто. В 1958 г. в течение нескольких месяцев Дж. Ван-Стоун изучал американские коллекции в Копенгагене и сотрудничал с Х. Ларсеном, К. Биркет-Смитом, Э. Миккельсенем, Т. Матиассеном. Из американских ученых наибольшее влияние на него оказали Г. Коллинз, Ф. Рейни, М. Лантис, Ф. де Лагуна. Сферой его научных интересов была археология и этнография народов Аляски, в особенности эскимосов и атапасков. Впоследствии он получил известность как один из основателей «этноистории». Для того чтобы работать с документами по истории Аляски периода Русской Америки, он учил русский язык. Еще во время работы в университете Торонто Дж. Ван-Стоун принимал участие в издании книги Л.А. Загоскина, для которой написал предисловие [Lieutenant... 1967: XI—XIV].

Во время поездки в Советский Союз Дж. Ван-Стоун посетил Москву, Ленинград и Иркутск. У него были рекомендательные письма от Честера Чарда к Э.В. Зиберт и Н.А. Береговой. В Ленинграде в течение двух недель он почти ежедневно посещал МАЭ и работал в фондах с американскими коллекциями. Э.В. Зиберт стала его настоящим другом, их переписка продолжалась до конца ее дней. Также в Ленинграде он посетил ЛОИА и Музей Арктики. В Москве Дж. Ван-Стоун познакомился с Ю.П. Аверкиевой и археологами А.П. Окладниковым, В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской. Его встречи с Ю.П. Аверкиевой проходили в строгой официальной обстановке. В то же время с молодыми сотрудниками Института этнографии Л.А. Файнбергом, С.Г. Федоровой, С.А. Арутюновым, В.П. Алексеевым он общался во время частных, неформальных встреч. С позиции советской пропаганды того времени Дж. Ван-Стоун подходил под определение «американский шпион» — он проводил исследования на Аляске, работал в Канаде, посетил Данию, Германию и Италию, изучал русский язык, без официального приглашения приехал в СССР. Практическим результатом знакомства Дж. Ван-Стоуна с советскими учеными стала публикация в «Советской этнографии» статьи о русском наследии на Аляске, написанная им совместно с У. Освальтом [Ван Стоун, Освальт 1968]. По его просьбе Э.В. Зиберт опубликовала статью по атапасским коллекциям МАЭ, которую позднее под редакцией Дж. Ван-Стоуна переиздали в журнале «Арктик Антрополоджи» — ведущем издании по проблемам археологии и этнографии народов Арктики [Siebert 1980].

В 1975 г. Дж. Ван-Стоун вошел в группу американских ученых, устанавливавших партнерские отношения с исследователями Арктики в Советском Союзе [Гурвич 1978]. В США создали Комиссию по советско-американскому сотрудничеству в рамках IREX — **International Research and Exchanges Board** (АЙРЕКС). Дж. Ван-Стоун возглавил группу ученых, которые занимались исследованиями в области этнографии и археологии. В ее состав входили Э.С. Берч, М.Е. Краусс, Д.Д. Андерсон, Г. Майкл. Сотрудничество по программам АЙРЕКС осуществлялось через Управление внешних связей Академии наук. Для организации совместных исследований Дж. Ван-Стоун неоднократно посещал Советский Союз. В Москве он сотрудничал с И.С. Гурвичем,

С.Г. Федоровой, Ю.П. Аверкиевой, Л.А. Файнбергом, С.А. Арутюновым, В.П. Алексеевым, в Ленинграде — с И.С. Вдовиным, Э.В. Зиберт, Г.И. Дзенискевич, Р.Г. Ляпуновой, Ю.Е. Березкиным. В результате этих контактов в научные командировки в США в разное время ездили Ю.Е. Березкин, С.Г. Федорова, И.С. Гурвич, Р.Г. Ляпунова [Гурвич, Ляпунова 1980, 1982, 1982a]. На книги Дж. Ван-Стоуна публиковались рецензии на страницах «Советской этнографии», в 1967 г. — Ю.П. Аверкиевой, в 1976 г. — Р.Г. Ляпуновой, в 1981 г. — Г.И. Дзенискевич. Было организовано два симпозиума. Первый прошел в 1977 г. в Вашингтоне. В 1978 г. в Москве прошло совещание по организации второго симпозиума, который состоялся в следующем году в Ленинграде и Якутске. По их результатам в США и СССР опубликовали сборник статей [Традиционные культуры... 1981].

Первоначально планировалось, что в рамках совместной работы будет проведен обмен специалистами, которые смогут провести полевые исследования. Однако из-за финансовых и административных проблем от этой идеи пришлось отказаться. В конечном итоге главным результатом сотрудничества ученых двух стран стала организация выставки «На стыке континентов». В ее подготовке Дж. Ван-Стоун принимал активное участие и лично отбирал предметы в фондах МАЭ (рис. 31). В последний раз Дж. Ван-Стоун посетил Санкт-Петербург в 1996 г. [Березкин 2001: 203].

Идея организации выставки возникла в 1977 г., однако она состоялась только в 1988–1991 гг. [Crossroads... 1988]. С американской стороны руководителем этого проекта стал директор Арктического центра при Смитсоновском институте Уильям Фитцхью. Проект дважды приостанавливался по политическим причинам: в 1979 г. — после начала войны в Афганистане и в 1983 г.,

Рис. 31. Дж. Ван-Стоун

когда США оккупировали Гренаду, а советские войска ПВО сбили над островом Сахалин корейский самолет-разведчик. В связи с этими инцидентами советско-американские программы АЙРЕКС были временно остановлены и все зарубежные специалисты отозваны на родину — советские в СССР, американские в США.

Во время открытия выставки в 1988 г. в Вашингтоне прошел симпозиум, где были представлены доклады сотрудников МАЭ Г.И. Дзенискевич, Р.Г. Ляпуновой, Е.А. Михайловой, Ч.М. Таксами [Anthropology... 1994]. После Вашингтона выставка демонстрировалась в Сиэтле, Нью-Йорке, Индианаполисе, Лос-Анжелесе, Анкоридже и Оттаве. На завершающем этапе работы выставки выяснилось, что в договоре четко не прописано, кто должен оплачивать возврат экспонатов в Россию, и в течение года коллекции хранились в Оттаве. Тут же появился посредник — эмигрант из России. Он брался организовать возврат коллекций и хотел получить за свои услуги несколько американских экспонатов МАЭ. О деятельности посредника в музей сообщила Л.С. Блэк (личные сообщения Л.С. Блэк и Г.И. Дзенискевич. — С.К.). После этого администрация МАЭ связалась со Смитсоновским институтом, который немедленно оплатил транспортные расходы, и коллекции были возвращены в Санкт-Петербург. В 1993–1995 гг. этот проект имел дальнейшее продолжение, но уже без участия МАЭ [Перекрестки... 1996].

Как отмечалось, во время работы VII МКАЭН у Р.Г. Ляпуновой установились деловые отношения с антропологом У.С. Лафлиным, а в 1970-е годы — с Л.С. Блэк (Л.Т. Блэк — инициалы в публикациях), которые она поддерживала до конца жизни. Лидия Сергеевна Блэк родилась в 1925 г. в Советском Союзе, в Киеве. В 1942 г. ее угнали на принудительные работы в Германию, откуда в 1950 г. она иммигрировала в США. В 1970-е годы стала заниматься историей Русской Америки и этнографией алеутов, в 1984 г. получила место преподавателя в университете Фэрбенкса и переехала на Аляску. В 1970–1990-е годы Л.С. Блэк многократно посещала МАЭ и работала с коллекциями по народам Русской Америки. В 1982 г. вышла ее первая монография «Алеутское искусство» [Black 1982]. Около четверти этой работы занимает описание, анализ и интерпретация экспонатов МАЭ. Следующая работа, посвященная деревянным головным уборам алеутов и эскимосов, уже наполовину подготовлена на основе изучения коллекций МАЭ. Здесь помещены фотографии большинства деревянных головных уборов алеутов и эскимосов из собрания МАЭ [Black 1991].

Результаты антропологических и археологических исследований У.С. Лафлина Р.Г. Ляпунова использовала при исследовании проблемы этногенеза алеутов. Из других советских ученых У.С. Лафлин активно сотрудничал с археологом А.П. Окладниковым, вместе они проводили археологические раскопки на острове Умнак в 1974 г. [Лафлин, Окладников 1975, 1976; Окладников, Васильевский 1976], и с антропологом В.П. Алексеевым, в соавторстве с которым он опубликовал две статьи [Алексеев, Лафлин 1982, 1983]. Коллекцию, собранную во время экспедиции на острове Умнак, У.С. Лафлин и А.П. Окладников разделили на две части. Свою часть коллекции А.П. Окладников передал в Институт истории, филологии и философии города Новосибирска.

В 1981 г. МАЭ посетила группа сотрудников Государственного музея Аляски (Alaska State Museum) из города Джуно. Они работали в рамках проекта по

изучению коллекций народов Аляски в европейских музеях и посетили Бремен, Берлин, Ленинград, Хельсинки и Лондон, где сфотографировали около трех тысяч предметов, из них более тысячи в МАЭ. Предполагалось, что в США будет издан альбом по культуре народов Аляски из собраний европейских музеев [Preliminary... 1982]. Р.Г. Ляпунова подготовила статью для этого издания. Альбом издан не был, но уже более двадцати лет Государственный музей Аляски предоставляет фотографии предметов МАЭ для публикации в американских изданиях. Например, в книге Л.С. Блэк, вышедшей в 2003 г., опубликовано несколько таких фотографий [Black 2003: 104].

В начале 1980-х годов в МАЭ работала американский этнолог Черил Самуэль. Она изучала тканые тлинкитские накидки с геометрическим узором и опубликовала монографию, где приведено детальное описание четырех накидок из собрания МАЭ и накидки из собрания Национального музея Дании, которая была получена по обмену из Кунсткамеры в 1862 г. [Samuel 1987]. Ее работу в МАЭ курировала Р.Г. Ляпунова. Также в 1980-е годы Р.Г. Ляпунова оказала помощь норвежскому этнографу Кнуту Бергсланду при подготовке к публикации на алеутском и английском языках фольклорных материалов, записанных В.И. Иохельсоном на Алеутских островах в 1909–1910 гг. [Unan-gam... 1990: XVII].

В конце 1970-х годов осуществлялся совместный проект Национального музея Финляндии (НМФ) и ИЭ по изданию каталога собрания А.К. Этолина. Руководителем проекта с финской стороны была Пирьё Варьёла. Так как сопроводительные документы к коллекции А.К. Этолина были написаны на русском языке и в Финляндии не было специалистов по этнографии народов Аляски, то руководство НМФ обратилось за содействием в Москву, в Институт этнографии. Выбор партнеров оказался удачным, сотрудник ИЭ Ю.П. Аверкиева не только была известным американистом, но и свободно владела английским и финским языками. Р.Г. Ляпунова имела репутацию крупного специалиста по этнографии алеутов и истории Русской Америки. Плодотворная совместная работа продолжалась в течение нескольких лет.

В 1980 г. Ю.П. Аверкиева скончалась, дальнейшую работу по проекту осуществляли П. Варьёла и Р.Г. Ляпунова, которая несколько раз выезжала в длительные командировки в Финляндию и практически одна составила краткие аннотации к 559 предметам, отобранным для каталога. К этому времени Р.Г. Ляпунова имела тридцатилетний опыт работы с коллекциями в МАЭ, хорошее знание источников и литературы по этнографии алеутов, документы к коллекции А.К. Этолина на русском языке. Несмотря на это, Р.Г. Ляпунова не смогла изменить своих представлений о культуре алеутов. При изучении коллекций МАЭ в 1960–1970-е годы она не подвергала критическому анализу описи коллекций, составленные ее предшественниками; если в описи было указано, что предмет относится к алеутам, то Р.Г. Ляпунова и считала его алеутским. Поэтому у нее сформировались собственные представления о традиционной культуре алеутов. Она не обращала внимания на сведения собирателей и по характерным внешним признакам относала одни предметы к изделиям алеутов, а другие — к изделиям эскимосов. Так, головной убор № 536-22 Р.Г. Ляпунова всегда считала алеутским, хотя в списке его собирателя Ю.Ф. Лисянского он относится к изделиям эскимосов о. Кадык. То же самое повторилось в Хельсинки. В русскоязычном списке

коллекции А.К. Этолина, который составил И.Г. Вознесенский, перечислено несколько кожаных головных уборов эскимосов о. Кадьяк и нет ни одного алеутского. Несмотря на это, как и в отношении предметов МАЭ, Р.Г. Ляпунова определяла кожаные головные уборы как изделия алеутов. К сожалению, в отношении нескольких предметов из собрания НМФ она указала неверную этническую принадлежность [Varjla 1990].

В конце 1990-х годов лингвистические материалы Г.Г. Манизера по индейцам Бразилии из архива МАЭ изучала Люси Секи — сотрудница федерального университета города Сальвадора (Бразилия). Другие зарубежные исследователи, которые дарили музею коллекции, будут упомянуты в следующем разделе.

***

В январе 1985 г. МАЭ посетила Рут Вайтхед — сотрудница Музея Нова Скоттия из Галифакса, Канада, специалист по культуре индейцев микмак. В феврале того же года музей посетила Джуди Томпсон — сотрудница Музея Гленбоу из Калгари, Канада. Она занималась изучением материальной культуры северных атапасков. Их приезд был связан с подготовкой международной выставки по культуре аборигенов Канады. В 1988 г. в Калгари в Музее Гленбоу, а затем в Оттаве в Канадском музее цивилизации прошла выставка «Песни духов. Художественные традиции коренных народов Канады» [The Spirit sings 1988, 1988a], на которой экспонировалось несколько предметов ирокезов, атапасков и тлинкитов из собрания МАЭ. В дальнейшем Дж. Томпсон опубликовала две статьи с описанием одежды танайна и тлинкитов из собрания МАЭ [Thompson 2001, 2001a].

В 1990–1992 гг. в США работала выставка «Русская Америка: забытая граница», где были представлены пятнадцать предметов народов Аляски и Калифорнии из собраний МАЭ. Описание этих экспонатов не вошло в работу, опубликованную по результатам выставки [Russian America... 1990]. Куратором выставки от Музея истории и искусств города Анкориджа (МИИ) была Барбара Свитлэнд Смит.

В 1996 г. в Германии проходила выставка изделий из кости народов Сибири и Аляски. В ее каталоге дано краткое описание тридцати пяти предметов народов Аляски из собрания МАЭ [Wunderwelt Arktis... 1996; Купина, Таксами 1997]. В том же году в Испании прошла специализированная выставка, посвященная искусству тлинкитов, на которой были представлены более семидесяти предметов из собрания МАЭ [Arte... 1996].

В 1999–2000 гг. в городах Анкоридж и Сан-Франциско (США) работала выставка «Наука под парусами. Великие русские путешествия в Америку, 1728–1867», на которой демонстрировались более тридцати предметов из самых ранних коллекций музея по народам Аляски [Science... 2000]. Куратором выставки от Музея истории и искусств Анкориджа была Б.С. Смит.

В этот же период в Барселоне и Мадриде (Испания), а затем в Хьюстоне (США) прошла международная выставка по культуре индейцев северо-западного побережья Северной Америки «Духи воды. Искусство аборигенов, собранное экспедициями на Аляске и в Британской Колумбии, 1774–1910». МАЭ предоставил для этой выставки более двадцати предметов по культуре тлинкитов [Esperits... 1999; Spirits... 2000].

При организации международных выставок проявились недостатки в музейной работе. Неоднократно в отношении одних и тех же предметов в каталогах разных выставок приводились различные сведения об их этнической принадлежности, собирателях, времени сбора и даже о материале и размерах. Например, при составлении аннотации к каталогу «Искусство индейцев тлинкитов» [Arte... 1996] куратор выставки от МАЭ переписала сведения о собирателях с обложек описей коллекций. На обложках описей коллекций № 2448, 2454 указано, что собирателями отдельных предметов являются И.Г. Вознесенский, П.П. Дорошин и др. Эти данные были помещены в аннотации к предметам. Получилось, что несколько предметов были собраны И.Г. Вознесенским или П.П. Дорошиным [Ibid.: 49, 83], другие — П.П. Дорошиным, А.Ф. Постельсом [Ibid.: 47]. П.П. Дорошин и А.Ф. Постельс находились на Аляске в разное время и не проводили совместных исследований. Ряд вещей произвольно отнесен к сборам И.Г. Вознесенского. Предметы из коллекции В.И. Кашеварова причислены к сборам А.Ф. Кашеварова. Из 71 предмета тлинкитской выставки 14 принадлежали к культуре других народов. Восемь из них — это изделия эскимосов чугачей [Ibid.: 8, 30, 37, 55, 67, 68, 79, 122], один — эскимосов о. Кадьяк [Ibid.: 72] и пять — индейцев хайда [Ibid.: 47, 70, 81, 99, 117].

Поступление коллекций в 1960–1990-е годы

В 1960–1990-е годы в музей поступило гораздо больше коллекций, чем в послевоенный период. Поэтому будем придерживаться географического принципа и расскажем отдельно о поступлении коллекций из Северной, Центральной и Южной Америки.

Коллекции по народам Северной Америки. В 1968 г. из московского Музея искусств народов Востока передали модель тотемного столба квакиутль, изготовленную в 1950 г. (№ 6708). В 1971 г. через московского археолога В.И. Мошинскую поступило два рисунка на бересте индейцев кри, они были сделаны в начале 1920-х годов (№ 6649). В.И. Мошинская получила их в дар от этнолога из Канады С. Дьюдни. В 1972 г. МАЭ посетил профессор университета г. Оклахома П. Сазерланд, он передал куклу индейцев шейенов и украшение семинолов (№ 6708). Также несколько современных предметов поступило от геофизика К.Я. Кондратьева, который в 1970-х годах посетил США, Мексику и Гватемалу (№ 6819). Американский историк русского происхождения Н.И. Рокитянский в 1983 г. при посещении МАЭ передал в дар серию фотографий музея-заповедника Форта Росс (№ И-2086) и копию серебряной медали, которой русские на Аляске и в Калифорнии награждали индейских вождей (№ 6866).

В 1984 г. из Государственного Эрмитажа передали алеутскую деревянную шляпу (№ 6708-5), декоративное «дерево» кадьякцев (№ 6708-6) и моржовый клык с гравировкой (№ 6708-7). Первые два предмета были собраны во времена Русской Америки. Гравированный моржовый клык относится к сборам конца XIX в., в Государственный Эрмитаж он поступил от Ю.А. Фомичева. В том же году МАЭ посетила делегация индейцев штата Мичиган, которые передали несколько современных предметов индейцев потаватоми и эскимосов (№ 6708).

В 1987 г. поступила сувенирная коллекция из Музея истории Латвийской ССР. Ее приобрел в 1970-е годы во время командировки в США директор это-

го музея Е. Ванас. В 1988 г. североамериканские коллекции МАЭ изучал индейский художник из племени беллакула М. Оливер. Он подарил несколько авторских литографий с изображением животных и птиц, сделанных в стиле искусства индейцев северо-западного побережья (№ И-2128). В 1994 г. МАЭ посетила группа индейцев и эскимосов, участников «Игр Доброй воли». Представитель делегации индейка коушата Дж. Лэнгли передала коллекцию современных изделий индейцев и эскимосов (№ 7047). В 1996 г. в МАЭ поступили две корзины индейцев Калифорнии (№ 7083). Они были приобретены исследователем Средней Азии А.И. Макшеевым в конце XIX в.

Сотрудница Библиотеки АН Т.Ф. Филиппова в 1996 г. передала в музей три копии индейской газеты «Чирокский феникс» (№ 7087). В 1998 г. музей посетила еще одна группа индейцев, ее руководитель индейка оджибва К. Рэми передала небольшую сувенирную коллекцию предметов оджибва (№ 7047).

Коллекции по народам Центральной Америки. В 1968 г. от З.А. Фальяс из Коста-Рики поступило два древних сосуда, они были раскопаны в ее усадьбе во время полевых работ (№ 6608). В 1971 г. от В.П. Ефимова поступило несколько образцов древней керамики из Мексики (№ 6695). В 1972 г. генеральный секретарь Народной партии Панамы Р.Д. Соуса Батиста передал в МАЭ восемнадцать предметов из археологических раскопок (№ 6907). Значительное собрание по народам Мексики поступило в 1976 г. как дар от президента этой страны Л. Эчеверия Альвареса (№ 6797, 6806). В состав этих коллекций входят более 650 копий древнемексиканской скульптуры, современных праздничных и карнавалных костюмов и предметов археологии из собрания Национального музея Мексики. В 1984 г. от исследователя из Никарагуа М. Валье через С.Н. Якушенкова поступило несколько предметов археологии (№ 6907).

Б.Л. Мендес, переехавшая в Гватемалу из Ленинграда, в 1971 г. продала музею одежду, украшения и игрушки индейцев куна, мексиканцев и гватемальцев (№ 6683, 6695). В 1982 г. от нее поступила аналогичная коллекция по культуре мексиканцев, гватемальцев и индейцев уичоль (№ 6874). В 1995 г. несколько предметов (№ 7062, 7064) от имени Б.Л. Мендес передала ее сокурсница по филологическому факультету ЛГУ Л.А. Данилина — дочь сотрудницы МАЭ В.Г. Трисман. Последнюю по времени коллекцию Б.Л. Мендес продала МАЭ в 1996 г. (№ 7089). Все вышеперечисленные коллекции Б.Л. Мендес не дарила, а продавала музею. В 2005 г. Б.Л. Мендес в очередной раз посетила МАЭ. Она хотела получить «свои коллекции» обратно, так как нашла для них в Мексике другого покупателя.

В 1991 г. МАЭ посетили сотрудники Музея искусств города Индианаполиса, США. Они преподнесли в дар терракотовую фигурку божества культуры калимо с территории западной Мексики. Фигурка датируется началом нашей эры [Гиренко 1993: 210]. Дальнейших контактов с музеем Индианаполиса не было. В 1992 г. из налоговой инспекции Василеостровского района передали несколько кубинских монет (№ 7080). В 1995 г. от Н.А. Иштаева поступило два изделия сувенирных промыслов из Мексики (№ 7060). В 2000 г. В.Н. Ветчинова подарила сувенирную коллекцию из двадцати трех предметов индейцев штата Оахака (№ 7195).

Продолжали поступать коллекции от сотрудников академических учреждений, выезжавших в заграничные командировки. Член-корреспондент АН К.Я. Кондратьев в 1979 г. передал несколько предметов индейцев Мексики

и Гватемалы (№ 6819). Сотрудница ИЭА РАН (Москва) А.А. Бородатова несколько раз участвовала в археологических экспедициях в Мексику, от нее в 1995 г. поступила рубаха индейцев майя (№ 7063). От сотрудницы ИА РАН Г.Г. Ершовой в 1995 г. поступила небольшая коллекция по индейцам Гватемалы (№ 7061). Эти вещи Г.Г. Ершова приобрела в 1990 г. во время совместной с Ю.В. Кнорозовым поездки в Гватемалу.

Как уже отмечалось, в 1966 г. поступили две интересные археологические коллекции от Национальной академии наук Кубы. В одну из них входят каменные орудия индейцев араваков — древнего населения Кубы и Гаити (№ 6577), в другую — археологическая керамика из Коста-Рики, Никарагуа и Перу (№ 6651). В 1971 г. двенадцать изделий народных промыслов кубинцев поступили от Н. Грегори — директора Института общественных наук Кубы. Академик А.П. Окладников в начале 1970-х годов посетил Кубу, в 1999 г. как его дар музей получил коллекцию плетеных изделий кубинцев (№ 7149).

Коллекции по народам Южной Америки. В конце 1950-х годов Москву посетил директор Археологического музея при университете Сан-Симона в Боливии Д.Э. Ибарра Грассо. В дальнейшем он поддерживал научные контакты с сотрудниками сектора Америки в Москве. В 1962 г. от имени Д.Э. Ибарра Грассо в МАЭ передали археологическую коллекцию каменных орудий, найденную во время раскопок в районе Вискачини в Боливии (№ 6507). В 1958 г. биолог Б.А. Зенкович посетил Университетский музей г. Консепсьон в Чили, где получил в дар коллекцию каменных наконечников арауканов. Она была получена во время археологических раскопок в районе реки Био-Био. В 1963 г. Б.А. Зенкович передал эту коллекцию в МАЭ (№ 6695). В 1970 г. от В.П. Мизиновой поступило несколько образцов кружев «ньяндуги» парагвайцев (№ 6240). В 1971 г. искусствовед из США А. Лапинер передал четыре предмета древних культур чанкай и уари, раскопанные в районе Каки на центральном побережье Перу. От делегации студентов Чили поступила коллекция изделий индейцев Чили, Перу и Эквадора. В ее состав кроме современных изделий входят несколько обломков керамических статуэток из археологических раскопок (№ 7071).

В 1986 г. от М.С. Складорова был получен древнеперуанский сосуд культуры чиму (№ 6932). Из РЭМ в 1995 г. поступило 28 предметов праздничной одежды колумбийцев (№ 7072). В 1996 г. несколько подарочных изделий народных промыслов жителей Перу были зарегистрированы в коллекции № 7088. От выпускницы кафедры этнографии исторического факультета СПбГУ Ж.Ф. Трухильо в 1999 г. поступил домотканый пояс колумбийцев (№ 7072). Тогда же аспирантка этой кафедры Э. Меритон передала несколько предметов индейцев Доминиканской республики (№ 7139). В 1999 г. сотрудники журнала «Наш следопыт» совершили поездку в Бразилию. В одном из музеев им подарили двадцать образцов домашней утвари различных индейских племен, которые журналистка С.К. Лугова передала в МАЭ (№ 7144).

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АМЕРИКАНИСТИКЕ В XXI В.

Начало XXI в. — важный рубеж в истории отдела этнографии Америки и музея в целом. В 2000 г. в музее создали отдел внешних связей и выставок во

главе с Ю.А. Купиной, которая много сделала для установления сотрудничества МАЭ с зарубежными музеями. В 2001 г. избрали нового директора музея — Ю.К. Чистова. В начале 2003 г. заведующим отделом Америки стал Ю.Е. Березкин.

Сотрудники отдела

В настоящее время (2009 г.) в отделе этнографии Америки работают Ю.Е. Березкин, С.А. Корсун и молодое поколение сотрудников музея: Н.Ч. Таксами занимается современными этническими процессами среди коренного населения Аляски, Л.М. Яковлева изучает керамику народов Южной Америки, О.В. Соколова специализируется на изучении народного искусства Мексики. В апреле 2009 г. в отдел перешла археолог О.В. Яншина. Этим сотрудникам еще предстоит внести свой вклад в изучение этнографии народов Америки. В 2009 г. соискательство в аспирантуре МАЭ оформила Н.А. Татаренкова — заместитель директора Алеутского краеведческого музея селения Никольское, острова Беринга. Тема ее кандидатской диссертации — «Традиционное природопользование алеутов Командорских островов».

Ю.Е. Березкин с середины 1990-х годов занимается сравнительным анализом мифологии народов Америки в связи с проблемой заселения Нового Света. В 2001 г. в США вышла его монография «Мост через океан: заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки» [Березкин 2001а]. В 2007 г. Ю.Е. Березкин опубликовал вторую монографию по этой теме «Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет» [Березкин 2007]. В предисловии к этой книге Вячеслав Всеволодович Иванов пишет, что она «...представляет собой совершенно новую веху в истории изучения мифологии, в особенности (но не только) мифологии исконного населения Нового Света. <...> Можно расходиться с автором предлагаемой книги в отношении некоторых теоретических предпосылок (скажем, касающихся вероятности независимых параллельных изобретений в разных частях света). Но несомненно, что перед нами — выдающееся научное достижение, которое на много лет вперед определит будущий облик всей этой новой области знания» [Иванов 2007: 9–11].

Ю.Е. Березкин работает в сотрудничестве со многими российскими и зарубежными учеными. Он является членом исполнительного совета «Международного сообщества по изучению сравнительной мифологии» с центром в Гарвардском университете, сотрудничает с Институтом Санта-Фе (Нью-Мексико), где под руководством нобелевского лауреата М. Гелл-Манна осуществляются проекты по интеграции исследований в области естественных и гуманитарных наук, регулярно участвует в работе школ-конференций «Центра типологии и семиотики фольклора» РГГУ, на которых российские и зарубежные фольклористы, этнографы, археологи и лингвисты обмениваются идеями и новыми данными.

Рассматривая роль общественных наук, в частности этнографии, в жизни современного общества, Ю.Е. Березкин отметил: «Если говорить о гуманитарных науках, то на самом Западе перспективы их не безоблачны <...> Интересно было наблюдать за дискуссиями по поводу открывшегося год назад вашинг-

тонского Музея американских индейцев. Победили индейцы, представившие на экспозиции свои уникальные духовные ценности. Индейцев можно понять, но те, кто вместе с ними готов убрать из прошлого экономику, войны, конфликты, миграции и неравноценность достижений отдельных культур, подрывают основу нашей собственной цивилизации <...>

Беспредельный комплекс неполноценности приведет лишь к тому, что нас самих съедят те, кто подобными комплексами не озабочен» [Боринская 2005: 457].

В 2009 г. Ю.Е. Березкин издал книгу «Мифы Старого и Нового Света» [Березкин 2009] и в соавторстве с археологом С.А. Васильевым и антропологом А.Г. Козинцевым опубликовал монографию «Сибирь и первые американцы», посвященную проблеме заселения Америки [Васильев, Березкин, Козинцев 2009].

Сергей Анатольевич Корсун родился в 1958 г., в 1981–1986 гг. учился на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ. В 1988–1996 гг. работал экскурсоводом в МАЭ, в этот период он поддерживал деловые контакты с американским историком и писателем русского происхождения Виктором Порфирьевичем Петровым. С 1998 г. С.А. Корсун — сотрудник отдела Америки, специализируется по музееведению и этнографии народов Аляски. Он принимал участие в подготовке фотоальбома иллюстративных коллекций В.И. Иохельсона, для которого подобрал фотографии и письма В.И. Иохельсона и написал введение и статью [Корсун, Таксами, Ушаков 2001: 5–22]. Основная часть тиража этого альбома была распространена через Алеутскую корпорацию на Аляске. В 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию, опубликованную в следующем году [Корсун 2005]. В 2005 г. опубликовал книгу о миссионерской деятельности члена первой Православной миссии на Аляске монаха Германа среди коренного населения острова Кадьяк в 1794–1836 гг. [Корсун 2005а].

Одновременно работал над составлением каталога тлинкитского собрания музея [Korsun 2004], который вышел в 2007 г. [Тлинкиты... 2007]. В каталоге представлено собрание музея по тлинкитам и рисунки и фотографии вещей, когда-то хранившихся в музее. К ряду предметов приведены старые иллюстрации, позволяющие восстановить их первоначальный вид. В МАЭ находятся на хранении не только отдельные предметы: одежды, вооружения и шаманские атрибутов этих индейцев, — но и их комплексы. Это позволяет изучать материальную культуру тлинкитов в развитии, проследить изменение ее отдельных элементов и выявить влияние других народов (как индейских, так и европейских) на их культуру. Поэтому в каталоге представлены предметы со спорной этнической принадлежностью и вещи других народов, но приобретенные у тлинкитов. В аннотациях к предметам приведены их описания из материалов собирателей и других современников, непосредственно наблюдавших жизнь тлинкитов в XVIII–XIX вв.

В 2008 г. С.А. Корсун в соавторстве с Ю.Е. Березкиным подготовил иллюстрированный путеводитель по залу народов Северной Америки [Березкин, Корсун 2008; Berezkin, Korsun 2008]. Как куратор музейных выставок он неоднократно выезжал в зарубежные командировки, во время которых познакомился с организацией экспозиционно-выставочной работы во многих музеях Европы и Северной Америки.

Международные проекты

В последнее десятилетие музеев посетило много зарубежных специалистов, занимающихся изучением истории и этнографии народов Америки. Назовем некоторых из них: Джон Миддлетон — сотрудник музея-заповедника Форт Росс, Лидия Сергеевна Блэк — известный специалист по этнографии и истории Русской Америки, Игорь Ильич Крупник из Арктического центра при Смитсоновском институте в Вашингтоне, Гарольд Лайх — сотрудник Европейского отдела Библиотеки конгресса США, Райен Джонс из Колумбийского университета Нью-Йорка, индеец ботокуд Аилтон Кренак — один из лидеров паниндийского движения Бразилии, Джилл Оакес из университета Манитобы, Сергей Кан из Дартмутского колледжа в Ганновере, Джон Хаворт — директор Музея американских индейцев Нью-Йорка, Сюзи Джонс — заместитель директора Музея истории и искусств Анкориджа, Арон Лэггетт из Центра наследия аборигенов Аляски в Анкоридже, Аллен Энгстром — историк из Джуно, Стефани Тусман из службы Национального парка Калифорнии, Митчелл Полинг — специалист по этнографии чугачей, Томми Джозеф — резчик по дереву, специалист по этнографии тлинкитов, Гудрэн Бухер из университета Франкфурта-на-Майне.

Наиболее плодотворные контакты сотрудники отдела установили с членами «Кониак корпорации» Аляски, ее президентом Вильямом Андерсоном, художником и резчиком по дереву Перри Итоном и директором «Алютиик музея» города Кадьяк Свенном Хаакансоном, выпускником Гарвардского университета Кембриджа. По рекомендации У. Фитцхью в течение двух лет (1996–1997 гг.) он стажировался в Магадане, участвовал в этнографической экспедиции к ненцам полуострова Ямал. В 2000 г. защитил докторскую диссертацию по социальной антропологии. С.Д. Хаакансон — первый представитель народа алютиик, получивший ученую степень. Он изучает культурное наследие народа алютиик в собраниях европейских музеев. В настоящее время совместно с сотрудниками отдела Америки С.Д. Хаакансон работает над проектом «Эскимосы алютиик: Каталог коллекций Кунсткамеры», который планируется завершить в 2010 г. изданием иллюстрированного, аннотированного каталога в России и США. Руководитель проекта Ю.А. Купина — заместитель директора МАЭ. Ю.Е. Березкин, С.А. Корсун и С.Д. Хаакансон пишут статьи для этого издания.

Продолжают развиваться деловые связи с сотрудниками Музея истории и искусств Анкориджа, установившиеся еще в 1970-е годы. В 1990-е годы их курировали Барбара Смит и Мина Джекобс, в настоящее время Е.В. Анищенко — выпускница исторического факультета СПбГУ 1995 г. Она занимается изучением водных средств транспорта народов Аляски и подводной археологией [Anichtchenko, Rogers 2007]. В настоящее время между МАЭ и МИИ ведутся переговоры о проведении выставки в Анкоридже по культуре денайна.

МАЭ установил плодотворные контакты с Генеральным консульством США в Санкт-Петербурге. При его поддержке в 2003 г. в музее прошла выставка «Россия-Америка: 300 лет в книгах, картах, документах», посвященная трехсотлетию юбилею основания Санкт-Петербурга. На ней были представлены предметы из ранних коллекций МАЭ, редкие книги и документы из собраний Библиотеки Академии наук и Санкт-Петербургского филиала архива РАН

[Россия — Америка... 2003]. В 2005 г. Генеральный консул США Морис Хьюз преподнес в дар музею этнографическую коллекцию по культуре народов Африки и Южной Америки. В 2007 г. в рамках программы празднования двухсотлетнего юбилея установления дипломатических отношений между Россией и США американское консульство оказало музею финансовую поддержку для издания книги «Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры». На презентации каталога, состоявшейся в декабре 2007 г., выступили Генеральный консул США в Санкт-Петербурге Мэри Крюгер, консул по вопросам культуры Мэри Эллен Кантримэн и специально приехавший на презентацию директор Арктического центра при Смитсоновском институте в Вашингтоне Уильям Фитцхью (рис. 32). В ноябре 2009 г. в Музее-заповеднике Г.Р. Державина (филиале Всероссийского музея им. А.С. Пушкина) прошла выставка «200 лет установления дипломатических отношений между Россией и США». Для участия в ней материалы предоставили более десяти научных учреждений Санкт-Петербурга. МАЭ выделил шестнадцать уникальных предметов по традиционной культуре народов Аляски и четыре рисунка из собрания И.Г. Вознесенского. Инициатором проведения этой выставки выступил отдел прессы и культуры Генерального консульства США в Санкт-Петербурге.

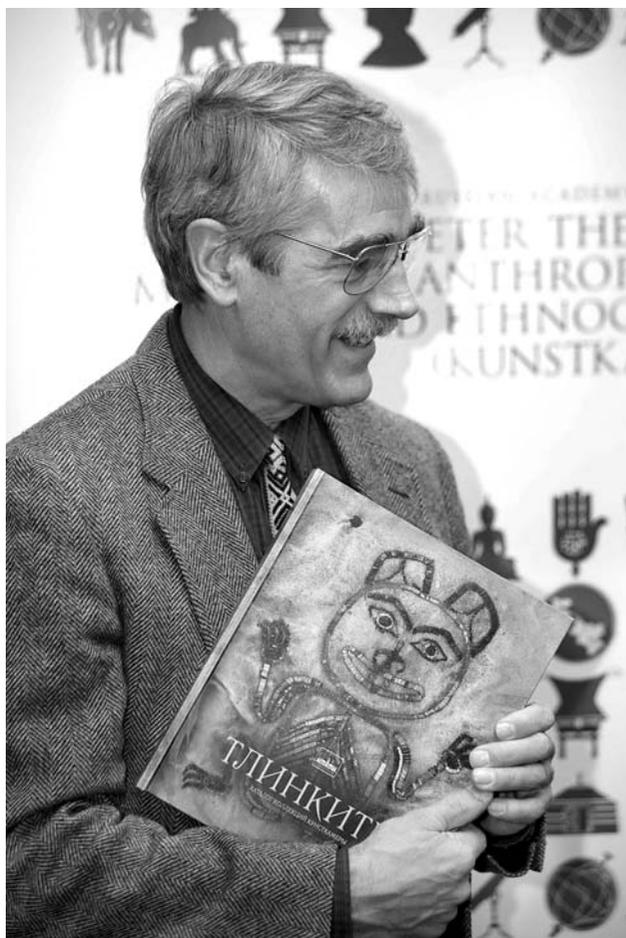

Рис. 32. У. Фитцхью

* * *

В начале XXI в. продолжилось участие МАЭ в международных выставках, когда американские коллекции музея многократно экспонировались за рубежом. В 2001 г. в Цюрихе (Швейцария) в течение полугода работала специализированная выставка, посвященная искусству глинокитов из собрания МАЭ [Tlingit... 2001]. На этой выставке были представлены более ста двадцати предметов, из которых около половины экспонировались впервые.

В 2002–2003 гг. в Финляндии и Швеции прошла выставка по культуре народов Севера «Арктическая цивилизация», организованная совместно отделом народов Сибири и отделом народов Америки МАЭ. Всего на этой выставке экспонировалось около 500 предметов, из них более ста тридцати по культуре американских эскимосов и алеутов [Arktiset... 2002]. В этот же период в Дортмунде (Германия) прошла комплексная выставка, посвященная Кунсткамере и ее роли в формировании и развитии науки в России. Наряду с другими экспонатами на ней были представлены и вещи народов Русской Америки [Palast... 2003]. Также в 2002–2003 гг. в Париже состоялась выставка, посвященная культуре эскимосов острова Кадьяк, с участием нескольких предметов МАЭ [Kodiak... 2004].

В 2004–2005 гг. в Торонто (Канада) состоялась специализированная выставка МАЭ «Умиротворение духов: Прибрежные культуры Аляски». На этой выставке экспонировалось около восьмидесяти уникальных предметов традиционной культуры алеутов и эскимосов Аляски [Appeasing... 2004].

В 2005–2006 гг. в Питтсбурге (США) работала международная выставка «Крушение империй: Война британцев, французов и индейцев в 1754–1763», для которой музей предоставил несколько редких предметов ирокезов XVIII в. [Stephenson 2006].

В этот же период в МАЭ экспонировалась выставка «Ориноко: мир индейцев Амазонии», предоставленная венесуэльским Фондом Сиснероса в рамках европейского тура, до России эта выставка экспонировалась в Швеции и Финляндии [Ориноко... 2005]. В июне-ноябре 2009 г. в музее прошла фотовыставка «Перу. Уровни дизайна» сотрудника Государственного Эрмитажа Юрия Молодковца по результатам экспедиции в Латинскую Америку в 2008 г.

Также необходимо отметить, что в последнее десятилетие в МАЭ стало поступать гораздо больше заявок на публикацию американских экспонатов музея в зарубежных и российских изданиях. Наиболее удачный пример такого сотрудничества — сборник документальных материалов «Россия в Калифорнии». На его страницах помещены фотографии нескольких десятков предметов индейцев Калифорнии из собрания МАЭ. В подписях к фотографиям указан материал отдельных предметов и их размеры [Россия... 2005].

Поступление коллекций

Начиная с 2001 г. в музей продолжали поступать коллекции по народам Америки. Как и в предыдущие десятилетия это были в основном изделия народных промыслов и сувениры. В то же время музей получил ряд оригинальных предметов по традиционной культуре некоторых народов Америки.

В 2002 г. в качестве дара от швейцарского исследователя А. Шолли МАЭ получил орудия охоты, сосуд и маску индейцев пиароа и яноама. Эти предметы собиратель приобрел во время полевых исследований в Венесуэле в 1980-х годах (№ 7214).

В 2004 г. из отдела Сибири передали современный бубен с колотушкой атапасков Канады, в отдел народов Сибири эти вещи поступили в 1970-е годы от И.С. Гурвича. Тогда же через сотрудницу экскурсионно-просветительского отдела Н.В. Васильеву музей приобрел древнеперуанский керамический сосуд культуры ламбайеке (№ 7261). Его купил в Перу в 1980-е годы капитан торгового судна В.Г. Мокин. Сосуд датируется XI в. н.э., он стал важным дополнением к собранию древнеперуанской керамики МАЭ. Сотрудница музея Е.С. Соболева в 2004 г. передала два образца аппликаций для женских рубах индейцев куна из Панамы, которые она получила в дар от мексиканских ученых (№ 7274).

Как отмечалось, в 2005 г. генеральный консул США в Санкт-Петербурге Морис Хьюз преподнес в дар музею этнографическую коллекцию по культуре народов Африки и Южной Америки. В эту коллекцию входят две керамические статуэтки, которые поступили на хранение в отдел Америки (№ 7320). В том же году врач из Санкт-Петербурга Ю.Б. Жвиташвили принял участие в международной экспедиции ЮНЕСКО «Ворота солнца — Транс Латина-2005» и посетил Перу, Боливию и Панаму. Он приобрел тринадцать предметов изделий народных промыслов индейцев кечуа, аймара, куна и подарил их МАЭ (№ 7278). В 2005 г. поездку в Венесуэлу совершила Е.А. Окладникова. Она передала в музей четырнадцать предметов одежды, украшений и предметов культуры индейцев пемон (№ 7267). Кроме того, через Е.А. Окладникову МАЭ получил керамический сосуд индейцев штата Боливар от посла Российской Федерации в Венесуэле М.И. Орловца. Тогда же в музей поступила коллекция изделий народных промыслов индейцев Бразилии (двадцать два предмета) из сборов Н.А. Добронравина (№ 7354).

В 2006 г. была зарегистрирована курительная трубка из аргиллита индейцев хайда или тлинкитов (№ 7314). Эта трубка происходит из «старинных собраний музея» и датируется первой половиной XIX в. В этом же году зарегистрировали иллюстративную коллекцию по тлинкитам (№ И-2222). Она состоит из тринадцати фотографий, на шести из которых сфотографированы тлинкиты, их селение и предметы быта. Эти фотографии были сделаны в городе Ситка в начале XX в. одним из православных миссионеров.

В 2007 г. музей получил два керамических сосуда, найденных во время археологических раскопок в Эквадоре. Тогда же московский исследователь А.А. Матусовский подарил серию фотографий индейцев хоги, пиароа, яноама, панаре, которые были сделаны во время его экспедиций в Венесуэлу в 2001, 2004 и 2006 гг. В том же 2007 г. в дар от Э.П. Юровской поступила рубаха ручной работы индейцев Никарагуа (№ 7355).

В 2008 г. была зарегистрирована коллекция из сорока серебряных юбилейных медалей с племенными символами индейцев США (№ 7371). Медали датируются 1972–1976 гг., когда и от кого они поступили в музей, сведений не сохранилось. В этом же году музей получил еще одну коллекцию изделий народных промыслов индейцев Центральной и Южной Мексики из двадцати одного предмета от сотрудницы московского ИЭА А.А. Бородатовой (№ 7372), которую она приобрела в 2007 г. во время археологической экспедиции в Мек-

сику. Еще одну коллекцию в отдел этнографии Америки передала сотрудница музея М.В. Станюкович. Коллекция состоит из плетеной сумки, образцов пищи и серии заготовок, отражающих разные стадии изготовления музыкального инструмента «маракас». Эти вещи М.В. Станюкович приобрела на Кубе в 1987 г.

В 2009 г. в связи с подготовкой каталога по культуре алутиков были перерегистрированы шестнадцать предметов кадыякцев, которые к этому времени утратили музейные номера и находились среди безномерного фонда музея (№ 7401). Все предметы этой коллекции относятся к сборам конца XVIII — первой половины XIX в.

К поступлениям этого же года относится многочисленная коллекция (около ста предметов) одежды и домашней утвари народов Латинской Америки, подаренная музею бывшей сотрудницей московского ИЭА И.Ф. Хорошаевой. Большая часть этой коллекции состоит из изделий куна с территории Панамы, мексиканцев, науа, сапотеков, уичоль с территории Мексики. Отдельные предметы принадлежат гаучо Аргентины и каража Бразилии. Основная часть коллекции состоит из подарков участников Международного фестиваля молодежи и студентов 1957 г., часть предметов И.Ф. Хорошаева приобрела в 1980 г. во время экспедиции в Мексику.

Какую ценность в дальнейшем будут представлять современные изделия народных промыслов, сейчас сказать трудно, но со временем их научное значение будет увеличиваться. Вероятно, через несколько десятилетий эти предметы станут рассматривать как полноценные этнографические коллекции.

***

Как было показано, американистика в МАЭ прошла сложный путь развития от активной собирательской деятельности через обмен с зарубежными музеями в первые три десятилетия XX в. до капитальных научных исследований во второй половине XX в. В становлении американистики в музее было немало сложностей. Это идеологический диктат «единственно верного марксистско-ленинского учения» и критика «вещеведения» в 1920–1930-е годы, пренебрежение музейными исследованиями в 1950–1970-е годы. С конца 1980-х годов начался период активной выставочной деятельности, когда американские коллекции МАЭ участвовали в международных выставках и экспонировались во многих музеях Европы и Северной Америки. В последние десятилетия сотрудники отдела совмещали музейную и научную работу, участвовали в подготовке ряда научных сборников: три сборника «Открытие Америки продолжается», несколько сборников «Индеанистских симпозиумов», сборники «Вопросы этнической семиотики», «Американские аборигены и их культура» и др. Также сотрудники отдела регулярно принимали участие в международных конференциях, симпозиумах и конгрессах [Международный форум 2003; Русская Америка 2007; Русский путешественник 2008; Под созвездием... 2009]. Всего по американскому собранию МАЭ сделано около ста публикаций, из них более двадцати на европейских языках.

Что касается дальнейших перспектив по изучению американистики в МАЭ, то перед отечественными учеными остались прежние задачи. Это исследование проблемы заселения Америки, изучение азиатских эскимосов и алеутов

Командорских островов, исследование отдельных вопросов истории Русской Америки, публикация архивных материалов по истории и этнографии народов Аляски и северной Калифорнии. Важной задачей остается изучение материальной культуры народов Америки на основе музейных собраний. В связи с последним направлением необходимо отметить, что в 1990-е годы зарубежные ученые начали издавать каталоги предметов культуры отдельных народов из собраний всех музеев мира. В Аргентине издан сводный каталог вещей огнеземельцев из многих музеев Европы и Америки. В Японии публикуется серия каталогов по культуре айну из этнографических собраний различных музеев мира. Сходный проект осуществляется в южной Корее в отношении предметов культуры корейцев. В реализации подобных проектов должны использоваться и собрания отечественных музеев по народам Америки. Первым шагом в этом направлении был альбом по культуре тлинкитов из собраний МАЭ и МА, изданный в 1967 г. на немецком, английском и испанском языках, в 2007 г. последовало издание полного каталога тлинкитского собрания МАЭ. В настоящее время идет работа над каталогом по традиционной культуре эскимосов аляутиик.

Для изучения всех вышеперечисленных направлений исследований по американистике у российских ученых имеются первоисточники: оригинальные архивные и опубликованные документы, материалы археологических и антропологических исследований, музейные коллекции. Другие аспекты истории и этнографии народов Америки изучать в России сложно, но вполне реально. Подтверждением этому являются монографии Ю.В. Кнорозова и Р.В. Кинжалова по древним культурам Центральной Америки, которые переведены на иностранные языки и получили заслуженное признание зарубежных коллег.

Библиография

- Абрам Давидович Дридзо: К 70-летию со дня рождения (Библиографический указатель) / Отв. ред. А.С. Мыльников. СПб., 1995.
- Авдеев А.Д. Маска (Опыт типологической классификации по этнографическим материалам) // Сборник МАЭ. 1957. Т. 17. С. 232–344.
- Авдеев А.Д. Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сборник МАЭ. 1959. Т. 18. С. 279–304.
- Аверкиева Ю.П. Рабство у племен северо-западного побережья Сев. Америки // СЭ. 1935. № 4–5. С. 40–64.
- Аверкиева Ю.П. Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л., 1941.
- Аверкиева Ю.П. Франс Боас (1858–1942) // КСИЭ. М., 1946. Вып. 1. С. 101–111.
- [Аверкиева Ю.П.] Современное положение индейцев и эскимосов Канады // Народы Америки. М., 1959. Т. 1. С. 330–350.
- Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. (ТИЭ. Новая серия. Т. 70).
- Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
- Алексеев В.П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов // СЭ. 1982. № 6. С. 105–114.
- Алексеев В.П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. II. Черепа из преалеутских погребений на стоянке Чалука (о. Умнак) // СЭ. 1983. № 1. С. 114–127.
- Артемова О.Ю. А.М. Золотарев: трагедия советского ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 193–226.
- Арутюнов С.А. Некоторые итоги исследования археолого-этнографических проблем формирования прибрежного населения Чукотки // Горизонты антропологии: Труды Меж-

дународной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыков-ка, 20–22 сентября 1994 г. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 2003. С. 371–374.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.

Белов М.И., Ляпунова Р.Г. Советские ученые на юбилейной сессии Орегонского исторического общества // СЭ. 1974. № 4. С. 162–164.

Берг Л.С. Из истории открытия Алеутских островов // Землеведение. 1924. Т. 26. С. 114–132.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Пг., 1924а.

Берг Л.С. Открытия русских в Тихом океане // Тихий океан: Русские научные исследования. Л., 1926. С. 1–24.

Березкин Ю.Е. Мочика: Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. Л., 1983.

Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.

Березкин Ю.Е. Памяти Джеймса ВанСтоуна // Открытие Америки продолжается / Ред. Г.И. Дзенiskeвич, А.Д. Дридзо. СПб., 2001. С. 203–205.

Березкин Ю.Е. Мост через океан: заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки. Нью-Йорк, 2001а.

Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007.

Березкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света = Из Старого в Новый Свет: Мифы народов мира. М., 2009.

Березкин Ю.Е., Корсун С.А. Северная Америка: Путеводитель. СПб., 2008. (Серия «Залы Кунсткамеры»).

Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (1900–1962) / Сост. О.В. Бунакова, Р.В. Каменецкая. Л., 1967.

[*Бломквист Е.Э.*] Отдел Северной Америки. Путеводитель. М.; Л., 1936.

Бломквист Е.Э. Издания трудов Л.Г. Моргана // СЭ. 1936а. № 2. С. 125–126.

Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г. Вознесенского // Сборник МАЭ. 1951. Т. 13. С. 230–303.

Бломквист Е.Э. Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки // СЭ. 1951а. № 2. С. 115–139.

Бломквист Е.Э. История изучения в России языков североамериканских индейцев (из архива МАЭ) // Из культурного наследия народов Америки и Африки (Сборник МАЭ. Т. 31.). 1975. С. 94–117.

Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л., 1926.

Боас Ф. Задачи антропологического исследования // СЭ. 1933. № 3–4. С. 176–189.

Боас Ф. Колдовство у индейцев квакиютль // СЭ. 1935. № 4–5. С. 32–39.

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Академии наук (Приложение: фото таблицы предметов) // Сборник МАЭ. 1901. Т. 1. Вып. 2. С. 1–65.

Богораз В.Г. XXI Конгресс американистов // Этнография. 1926. № 1–2. С. 125–131.

Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2. С. 269–282.

Богораз В.Г. Древние переселения народов в северной Евразии и Америке // Сборник МАЭ. 1927а. Т. 6. С. 37–62.

Богораз В.Г. Международное совещание по плану устройства экспедиций в полярной зоне // Этнография. 1929. № 1. С. 103–107.

[*Богораз В.Г.*] Замечания к статье Франца Боаса // СЭ. 1933. № 3–4. С. 189–193.

Богораз В.Г. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов (Труды Научно-исследовательской ассоциации народов Севера ЦИК СССР. Т. III) Л., 1934. С. 105–128.

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. I. Социальная организация. Л., 1934а.

Богораз В.Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 29–50.

Богораз В.Г. Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества: Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (ТИЭ. Т. 4.). Л., 1936а. С. 195–256.

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. II. **Религия.** Л., 1939.

Богораз В.Г. Материалы по языку азиатских эскимосов / Под. ред. И.С. Вдовина. Л., 1949.

Богораз В.Г. Игры малых народностей Севера // Сборник МАЭ. 1949а. Т. 11. С. 237–254.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей / Отв. ред. И.С. Вдовин. М., 1991.

Боринская С. Интервью с Юрием Евгеньевичем Березкиным // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 445–458.

Бородатова А.А. Альберто Фрич и его американские коллекции // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1996. С. 284–303.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940.

Ван Стоун Дж., Освальт У.Х. Русское наследие на Аляске // СЭ. 1968. № 2. С. 128–131.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г. Сибирь и первые американцы. СПб., 2009.

Винников И.Н. Некоторые вопросы социальной организации австралийцев (Прил.: письма Лоримера Файсона к Моргану) // СЭ. 1934. № 4. С. 3–33.

Винников И.Н. Письма Бахофена к Моргану // СЭ. 1934а. № 6. С. 70–85.

Винников И.Н. Из архива Льюиса Генри Морган (ТИЭ. Т. 2). М.; Л., 1935.

Винников И.Н. Неопубликованная рукопись Льюиса Г. Морган о плясках североамериканских индейских племен // СЭ. 1938. № 1. С. 167–184.

Воблов И.К. Эскимосские праздники // Сибирский этнографический сборник. Т. 1. (ТИЭ. Новая серия. Т. 18). 1952. С. 320–334.

Володина В.Н. Международные связи МАЭ в 1950–1970-е годы // Музейные коллекции и научные исследования (Сборник МАЭ. Т. 49). 2004. С. 3–11.

Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма / Ред. Ю.В. Кнорозов. СПб., 1999.

Вторая сессия Международного конгресса антропологических и этнологических наук (Копенгаген, 1–6 авг. 1938 г.) // СЭ. 1937. № 4. С. 213–214.

Гаген-Торн Н.И. **Memoria.** М., 1994.

[*Ганюшкина Т., Разумовская Р., Шаврина И.*] Музей антропологии и этнографии = Museum of Anthropology and Ethnography. Л., 1973.

Гильзен К.К. Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения (1816–1871). Очерк жизни и деятельности старейшего сотрудника академических музеев // Сборник МАЭ. 1916. Т. 3. С. 1–14.

Гильзен К.К. Смычковый музыкальный инструмент у арауканов // Сборник МАЭ. 1916а. Т. 3. С. 85–88.

Гильзен К.К. Человеческая голова как трофей у индейцев племени мундуруку // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 351–358.

[*Гильзен К.К.*] Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. Этаж III. Зал 5. **Южная Америка.** Пг., 1919.

Гинцбург В.В. Поездка на Кубу // СЭ. 1965. № 6. С. 132–137.

Гинцбург В.В. Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 24.). 1967. С. 180–278.

Гиренко Н.М. Международное партнерство музеев Индианаполиса и Санкт-Петербурга // КЭТ. 1993. Вып. 1. С. 209–211.

Гондатти Н.Л. Поездка из села Марково на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отделения ИРГО. Хабаровск, 1898. Т. IV. **Вып. 1.** С. 1–27.

Гренландия: Сборник статей. М., 1953.

Гурвич И.С. Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки // СЭ. 1978. № 6. С. 157–160.

Гурвич И.С., Ляпунова Р.Г. Коллекции музеев США по народам северо-западной Америки и Сибири // СЭ. 1980. № 5. С. 121–128.

- Гурвич И.С., Ляпунова Р.Г.* Советско-американское сотрудничество в области этнографии (Поездка в США советской рабочей группы) // СЭ. 1982. № 2. С. 125–130.
- Гурвич И.С., Ляпунова Р.Г.* Поездка в США советских этнографов // СЭ. 1982а. № 3. С. 113–119.
- Дебец Г.Ф.* К антропологии чукчей // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 63–64.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области / Труды Северо-восточной экспедиции. Т. 1. (ТИЭ. Новая серия. Т. 17). М., 1951.
- Дебец Г.Ф.* Происхождение коренного населения Америки // ТИЭ. Новая серия. Т. 16. 1951а. С. 523–538.
- Деревянко Е.И.* К изучению памятников мохэской культуры на среднем Амуре (по материалам раскопок А.В. Мачинского в с. Черемхово) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 287–292.
- Джезуповская экспедиция* // Русский антропологический журнал. 1903. № 1. С. 122.
- Дзенискевич Г.И.* Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры. Конец XVIII — начало XX в. Л., 1987.
- Доклад американского антрополога д-ра А. Грдлички в Институте этнографии Академии наук СССР // СЭ. 1940. № 3. С. 256–258.
- Дориан Андреевич Сергеев (Некролог)* // СЭ. 1985. № 1. С. 170–173.
- Дридзо А.Д.* Население Центральной Америки // Народы Америки / Ред. А.В. Ефимов, С.А. Токарев. М., 1959. Т. 2. С. 157–199.
- Дридзо А.Д.* Население Вест-Индии // Народы Америки / Ред. А.В. Ефимов., С.А. Токарев. М., 1959а. Т. 2. С. 200–258.
- Дридзо А.Д.* Ямайские маруны: Историко-этнографический очерк. М., 1971.
- Ершова Е.А., Корсун С.А.* Указатель собирателей и дарителей коллекций Отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. 50). 2005. С. 4–58.
- Жамойда А.И.* В Музее антропологии и этнографии в конце 30-х // КПК. 1999. Вып. 8–9. С. 136–149.
- [*Загоскин Л.А.*] Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956.
- Зиберт Э.В.* Разрисовка тела у индейцев племени кадиувео (Бразилия) // Сборник МАЭ. 1955. Т. 16. С. 370–384.
- Зиберт Э.В.* Коллекции чешского исследователя А.В. Фрича в собраниях МАЭ // Сборник МАЭ. 1961. Т. 20. С. 125–143.
- Зиберт Э.В.* Коллекции первой половины XIX в. по северным атапаскам // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 24). 1967. С. 55–84.
- Зиберт Э.В.* Ирокезские коллекции МАЭ // Из культурного наследия народов Америки и Африки (Сборник МАЭ. Т. 31). 1975. С. 5–35.
- Золотарев А.М.* Исторические предпосылки формирования *Homo sapiens* в освещении советских археологов // Антропологический журнал. 1936. № 3. С. 351–361.
- Золотарев А.М.* К вопросу о происхождении эскимосов // Антропологический журнал. 1937. № 1. С. 47–56.
- Золотарев А.М.* Из истории этнического взаимодействия на северо-востоке Азии // Известия Воронежского педагогического института. 1938. № 4. С. 73–87.
- Золотарев А.М., Дебец Г.Ф.* Происхождение американского человека // Антропологический журнал. 1936. № 1. С. 103–110.
- Золотаревская И.А., Окладников А.П.* 32-й международный конгресс американистов // СЭ. 1957. № 1. С. 157–159.
- Иванов В.В.* Предисловие // Березкин Ю.Е. Мифы заселяю Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007. С. 9–11.
- Иванов С.В.* Памяти В.Г. Богораза // СЭ. 1946. № 3. С. 3–8.
- Иванов С.В.* О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов // Сборник МАЭ. 1949. Т. 11. С. 162–170.
- Иванов С.В.* Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов // Сборник МАЭ. 1949а. Т. 12. С. 195–212.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. (ТИЭ. Новая серия. Т. 22). М.; Л., 1954.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (ТИЭ. Новая серия. Т. 81). М.; Л., 1963.

Иванова Е.В., Решетов А.М. Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии // Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии (Сборник МАЭ. Т. 46). 1995. С. 5–32.

Из писем В.И. Иохельсона, начальника этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф.И. Рябушинского, к секретарю ИРГО // Известия ИРГО. 1909. Т. 45. Вып. 9. С. 619–623; 1911. Т. 47. Вып. 1–5. С. 97–111.

Индейцы Америки. Этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. 25). М., 1955.

Иохельсон В.И. Об азиатских и американских элементах в мифах коряков // Землеведение. 1904. Т. XI. Кн. 3. С. 33–42.

Иохельсон В.И. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // Известия ИРГО. 1907. Т. 43. С. 63–92.

Иохельсон В.И. Международные конгрессы американистов (отдельный оттиск). СПб., 1908.

Иохельсон В.И. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки // Ежегодник Русского антропологического общества. 1908а. Т. 2. С. 9–49.

Иохельсон В.И. «Магическое бегство» как общераспространенный сказочно-мифологический эпизод // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 155–160.

Иохельсон-Бродская Д.Л. К антропологии женщин племен крайнего северо-востока Сибири // Русский антропологический журнал. 1907. № 1–2. С. 1–87.

Искусство Мексики от древнейших времен до наших дней: Каталог / Ред. Р.В. Кинжалов. Л., 1961.

Истомин А.А. Из истории сектора народов Америки ИЭА РАН // ЭО. 2003. № 6. С. 12–18.

Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191–230.

Кинематографическая коллекция Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского // Русский антропологический журнал. 1913. № 3–4. С. 133.

Кинжалов Р.В. Ацтекское золотое нагрудное украшение (К вопросу о ювелирном искусстве древней Мексики) // Сборник МАЭ. 1960. Т. 19. С. 206–220.

Кинжалов Р.В. Искусство древней Америки. Л., 1962.

Кинжалов Р.В. Искусство древних майя. Л., 1968.

Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л., 1971.

Кирюшкин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 9–21.

Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя. М., 1955.

Кнорозов Ю.В. На Международном конгрессе американистов. Копенгаген. Август 1956 г.) // Вестник АН СССР. 1956. № 11. С. 78–82.

Кнорозов Ю.В. Спор о древних письменах индейцев майя. Заметки участника 32-го Международного конгресса американистов. Копенгаген. Август 1956 // Новое время. 1956а. № 41. С. 26–29.

Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.

Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.

Кожин П.М. Плетеные сосуды индейцев Калифорнии // Культура и быт народов Америки. (Сборник МАЭ. Т. 24.). 1967. С. 124–139.

Кожин П.М. Керамика индейцев пуэбло // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 24.). 1967а. С. 140–146.

[*Корсун С.А., Таксами Н.Ч., Ушаков Н.В.*] Сокровища Кунсткамеры. Алеуты: какими их увидел В. Иохельсон = *Treasures of the Kunstkamera. Aleuts: how they were seen by V. Iokhelson.* СПб., 2001.

Корсун С.А. Собрание МАЭ по народам Русской Америки: история формирования и документальная атрибуция // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. 50). СПб., 2005. С. 59–189.

[Корсун С.А.] Преподобный Герман Аляскинский, валаамский подвижник в Америке. СПб., 2005а.

Косвен М.О. Л.Г. Морган (1818–1881). Биография // СЭ. 1932. № 1. С. 9–43.

Косвен М.О. Л.Г. Морган. Жизнь и учение. (Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 4–5). Л., 1933.

Косвен М.О. Энгельс и Морган // Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (ТИЭ. Т. 4.) Л., 1936. С. 3–30.

Крупник И., Михайлова Е. Пейзажи, лица и истории: фотографии Александра Форштейна (1927–1929) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.

Круше Р. Неопубликованные материалы по этнографии района верхнего течения Шингу (Мато Гроссо, Бразилия) // СЭ. 1975. № 6. С. 137–142.

Купина Ю.А. Утраты или приобретения? (История коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) // КПК. 2004. Вып. 10–11. С. 52–85.

Купина Ю.А., Таксами Ч.М. Выставка «Чудесный мир Арктики» в Германии // КПК. 1997. Вып. 6–7. С. 142–144.

Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. М., 1955.

Лафлин У.С., Окладников А.П. Совместные исследования советских и американских археологов на Анангуле (Алеутские острова, Аляска) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 5–18.

Лафлин У.С., Окладников А.П. Происхождение алеутов // Природа. 1976. № 1. С. 119–131.

Левин М.Г. Краниологический тип ульчей (нани) // Антропологический журнал. 1937. № 1. С. 82–90.

Левин М.Г. Алеш Грдличка (жизнь и деятельность) // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 88–101.

Левин М.Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. 1946а. № 4. С. 75–108.

Левин М.Г. Международный конгресс по антропологии и этнографии // СЭ. 1947. Т. VI–VII. С. 335–342.

Левин М.Г. К антропологии эскимосов // СЭ. 1947а. Т. VI–VII. С. 216–223.

Левин М.Г. Новые данные по антропологии острова Кодьяк и Алеутских островов // СЭ. 1947б. № 3. С. 166–168.

Левин М.Г. Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с вопросами этногенеза северо-восточной Азии) // Сборник МАЭ. 1949. Т. 10. С. 293–302.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока / Труды Северо-восточной экспедиции. Т. 2. (ТИЭ. Новая серия. Т. 36). М., 1958.

Левин М.Г., Окладников А.П. Международная конференция в Копенгагене по археологии и антропологии Арктики // СЭ. 1959. № 2. С. 148–156.

Легенды и сказки индейцев Латинской Америки / Сост. Э.В. Зиберт. М.; Л., 1962.

Липищ Б.А. Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве И.Г. Вознесенского // ИВГО. 1950. Т. 82. Вып. 4. С. 415–420.

Липищ Б.А. Л.А. Загоскин как исследователь Аляски // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956. С. 385–398.

[Липищ Б.А.] Описание коллекции Л.А. Загоскина // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956а. С. 449–452.

Лукин Б.В. Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения) // СЭ. 1965. № 4. С. 129–137.

Лукин Б.В. Из материалов русской научной экспедиции 1914–1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1. С. 158–189.

Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.). Л., 1975.

Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова («Известия» Ф.А. Кулькова, 1764) // Страны и народы Востока. М., 1979. Вып. 20. Кн. 4. С. 97–105.

- Ляпунова Р.Г.* Алеуты: Очерки этнической истории. Л., 1987.
- Ляпунова Р.Г.* К этнической истории командорских алеутов // Краеведческие записки. Петропавловск-на-Камчатке, 1989. Вып. 6. С. 40–61.
- Ляпунова Р.Г.* Алеуты // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.) / Отв. ред. З.П. Соколова. М.; Улан-Удэ, 1999. Вып. 4. С. 12–36.
- Малори Ж.* Загадочный Туле / Послел. и коммент. С.А. Арутюнова. М., 1973.
- Манизер Г.Г.* Ботокуды (боруны) во время пребывания среди них в 1915 г. // Ежегодник русского антропологического общества. Пг., 1916. Т. VI. С. 83–130.
- Манизер Г.Г.* Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг. // Природа. 1917. № 5–6. С. 619–660.
- Манизер Г.Г.* Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии (Кадивуе. Терено. Файя. Каинган. Гуарани. Ботокуды) // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 319–350.
- Манизер Г.Г.* Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828). М., 1948.
- Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1931. № 1–2. С. 3–38.
- Маторин Н.М.* Письмо к директору Андрэ Вараньяку // КПК. 1999. Вып. 8–9. С. 201–213.
- Мачинский А.В.* Новейшая литература по археологии Мексики и Гватемалы // СЭ. 1934. № 3. С. 114–118.
- Мачинский А.В.* Новая литература по этнографии Центральной Америки // СЭ. 1936. № 6. С. 145–152.
- Мачинский А.В.* Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки // СА. 1936а. Т. 1. С. 291–302.
- Мачинский А.В.* Marshal L. Saville (1868–1935). Некролог // СА. 1937. Т. 3. С. 229–233.
- Мачинский А.В.* Яшма в царстве майя // Наука и техника. 1937а. № 11. С. 13.
- Мачинский А.В.* Древние мексиканские пирамиды // Наука и техника. 1938. № 11. С. 12.
- Мачинский А.В.* Древнее Перу // БСЭ. 1940а. Т. 45. С. 211–215.
- Мачинский А.В.* Две новые псевдопалеолитические находки в Америке // СА. 1940. Т. 5. С. 305.
- Мачинский А.В.* Археологическая мексиканская коллекция // СА. 1940б. Т. 5. С. 305.
- Мачинский А.В.* Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 80–89.
- Международный форум «Санкт-Петербург — окно в Ибероамерику». Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2003 г.: Сборник докладов. М., 2003.
- [*Меновицков Г.А.*] Ун, ипаг, атыт (Сказки). Л., 1939.
- [*Меновицков Г.А.*] Ун, ипаг, атыпут (Наши сказки). Л., 1947.
- Меновицков Г.А.* Чукотские, корякские, эскимосские сказки. Хабаровск, 1950.
- [*Меновицков Г.А.*] Эскимосские сказки / Запись Г.А. Меновицкова. Магадан, 1958.
- Мифы индейцев Южной Америки / Пер. Ю.Е. Березкина. СПб., 1994.
- Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 95–136.
- Морган Л.Г.* Древнее общество. Л., 1934.
- Морган Л.Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев / Пер. М.О. Косвена. (Материалы по этнографии. Т. 1). Л., 1934а.
- Морган Л.Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов / Пер. Е.Э. Бломквист. М., 1983.
- Народы Америки / Ред. А.В. Ефимов, С.А. Токарев. М., 1959. Т. 1–2.
- Нечаева Л.Г., Попова Т.А., Федоров В.В., Фрадкин Э.Е.* Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Сборник МАЭ. Т. 22) М.; Л., 1964. С. 151–168.
- Нитобург Э.Л.* Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 399–428.
- Ноэми Григорьевна Шпринцин (Некролог) // СЭ. 1964. № 3. С. 145–146.

- Обзор прений на совещании по этногенезу народов Севера // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 129–132.
- О.К. Редакционно-издательская работа Института этнографии // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 121–123.
- Окладников А.П. Раскопки на Севере // По следам древних культур. М., 1951. С. 11–46.
- Окладников А.П. Хрдличка ищет первых американцев (Из истории советско-американских научных связей) // Сибирские огни. 1980. № 7. С. 162–173.
- Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.
- Окладников А.П., Васильевский Р.С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.
- Ольдерогге Д.А. О социальном строе отсталых племен Южной Америки // СЭ. 1948. № 1. С. 180–188.
- Ориноко: мир индейцев Амазонии = **Orinoko-Venezuela: Indian life in the Amazonian region**. СПб., 2005.
- Орлова Е.П. Азиатские эскимосы // ИВГО. 1941. № 2. С. 201–222.
- Орлова Е.П. У алеутов Командорских островов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск, 1962. № 8. С. 3–10.
- Орлова Е.П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск, 1964.
- Орлова Е.П. Ительмены: Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб., 1999.
- От редакции // ТИЭ. Новая серия. Т. 2. 1947. С. 3.
- Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. Т. 1. Общий отчет. Л., 1928. С. 181–202.
- Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Т. II. **Отчет о научных командировках и экспедициях**. Л., 1929.
- Отчет о деятельности АН СССР за 1932 г. Л., 1933.
- Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1908 год. СПб., 1909.
- Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1916 год. СПб., 1917.
- Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1917 год. Пг., 1918.
- Отчет о деятельности Российской академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 г. Пг., 1920.
- Очередная выставка последних поступлений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук. СПб., 1906.
- Памяти Л.Я. Штернберга: 1861–1927. Л., 1930.
- Патканов С.К. По гациендам и руинам Юкатана (путевые наброски) // Землеведение. 1896. Т. 1. Вып. 1. С. 79–110; Вып. 3. С. 93–130; Вып. 4. С. 113–142.
- Перекрестки континентов. Культура народов Дальнего Востока и Аляски: Каталог выставки. Вашингтон; М., 1996.
- Платонова Н.И. «Дело» Сергея Ивановича Руденко: 1930–1957 // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 126–138.
- Под созвездием Большой Медведицы и Южного Креста. Российско-латиноамериканские отношения XVII–XXI веков / Ред. Б.Н. Комиссаров. СПб., 2009.
- Попов А.А. О действительных героях и мнимых // Из истории Кунсткамеры 1941–1945 / Отв. ред. А.С. Мылников. СПб., 2003. С. 17–25.
- Попова Т.А., Фрадкин Э.Е. Древние культуры Кубы (По археологическим материалам, поступившим в МАЭ) // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 24.). 1967. С. 147–179.
- Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана / Изд. подготов. Р.В. Кинжалов. М.; Л., 1959.
- Присуждение золотой медали по антропологии имени А.П. Разцветова Д.Л. Иохельсон-Бродской // Русский антропологический журнал. 1907. № 1–2. С. 267–268.

Радлов В.В. Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1907. Т. 1. С. 743–748.

Рабинович М.Г. Институт этнографии Академии наук в годы Великой Отечественной войны // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 112–113.

Разумовская Р.С. Плетеные изделия северо-западных индейцев // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 24.). 1967. С. 93–123.

Разумовская Р.С. Символический орнамент северо-западных индейцев // Культура народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 40). 1985. С. 74–90.

Расмуссен К. Великий санный путь (18 000 километров по неисследованным областям арктической Америки). Л., 1935.

Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлингитскому шаманству // Сборник МАЭ. 1927. Т. 6. С. 79–114.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. 7. С. 31–67.

Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк II. Церемониальные принадлежности // Сборник МАЭ. 1929. Т. 8. С. 270–301.

Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк III. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сборник МАЭ. 1930. Т. 9. С. 167–186.

[*Ратнер-Штернберг С.А.*] Рецензия на: **Jochelson W.I. History, Ethnology and Anthropology of the Aleuts.** Washington, 1933 // СЭ. 1935. № 3. С. 149–150.

Ратнер-Штернберг С.А. Черные и белые в Соединенных Штатах Америки. М.; Л., 1936.

Ратнер-Штернберг С.А. Семья и род у западных индейцев Северной Америки (По новейшим исследованиям) // Вопросы истории доклассового общества: Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (ТИЭ. Т. 4). Л., 1936а. С. 789–809.

Результаты Джезуповской экспедиции на северо-восток Сибири // Русский антропологический журнал. 1901. № 3–4. С. 223–234.

Рейни Ф. Проблемы американской археологии // СЭ. 1957. № 6. С. 31–37.

Рейни Ф. Археология американской Арктики // СЭ. 1958. № 2. С. 55–62.

Рерих Н.К. Этнографическая выставка // Русское слово. 8 января 1910 г.

Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // КПК. 1995. Вып. 1. С. 75–85.

Решетов А.М. Отдание долга. Ч. III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // ЭО. 1995а. № 6. С. 3–17.

Решетов А.М. Отдание долга. Ч. III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // ЭО. 1996. № 1. С. 3–14.

Решетов А.М. Александр Семенович Форштейн (1904–1968). Страницы биографии репрессированного ученого // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан, 2002. С. 275–279.

Решетов А.М. Галина Ивановна Дзенискевич (1933–2002). Некролог // ЭО. 2003. № 5. С. 167–171.

Решетов А.М. Институт антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // ЭО. 2003а. № 5. С. 24–42.

Решетов А.М. Вспомним, чтобы не забыли. Ленинградские этнографы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005. С. 85–133.

Розина Л.Г. В.В. Святловский — собиратель коллекций из Океании // Культура и быт народов Австралии и Океании (Сборник МАЭ. Т. 30). 1974. С. 127–140.

Роон Т.П., Сирина А.А. Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессивные этнографы. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 47–77.

Россия — Америка: 300 лет в книгах, картах, документах. Каталог выставки = **Russia — America: 300 years Through Books, Maps, and Documents. Exhibition Catalogue.** СПб., 2003.

Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: В 2 т. / Сост. А.А. Истомина, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. Т. 1. М., 2005.

Ростислав Васильевич Кинжалов: К 75-летию со дня рождения (Библиографический указатель) / Отв. ред. А.С. Мыльников. СПб., 1996.

Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. 1. М.; Л., 1954.

Руденко С.И. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов // ТИЭ. Новая серия. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 233–256.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947а.

Руденко С.И. Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153–179.

Руденко С.И. Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. 1949. № 1. С. 149–154.

Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост. Р.Г. Ляпунова, С.Г. Федорова. Л., 1979.

Русская Америка: Материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007.

Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. М., 1994.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках: Сборник материалов / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1944.

Русский путешественник и общественный деятель Лаврентий Загоскин (к 200-летию со дня рождения): Исследования и материалы. Рязань, 2008.

Североамериканские индейцы / Ред. Ю.П. Аверкиева. М., 1977.

Сергеев М.А. Советские острова Тихого океана. Л., 1938.

Сибирский отдел Северо-Тихоокеанской экспедиции, снаряженной Американским Музеем Натуральной Истории, при содействии Императорской Академии наук и Императорского Русского Географического Общества // Русский антропологический журнал. 1900. № 2. С. 113–115.

Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // ЭО. 2005. № 5. С. 96–115.

Синельников Н.А. Работы американских экспедиций на Аляске // Антропологический журнал. 1934. № 1–2. С. 146–147.

Соболева Е.С. Южноамериканские коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая // КПК. 1997. Вып. 6–7. С. 145–154.

Соболева Е.С. Памяти А.Д. Дридзо // КПК. 2004. Вып. 10–11. С. 212–216.

Соболева Е.С. Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX — начале XX веков // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб., 2007. С. 78–84.

Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (конец XIX — начало XX века) // Санкт-Петербург — Гамбург. Балтийские побратимы. СПб., 2007а. С. 179–203.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнографии в первой трети XX века. М., 1998.

Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х — начало 1930-х годов) // ЭО. 2001. № 3. С. 101–121.

Список основных работ д. и. н. Юрия Валентиновича Кнорозова (к 70-летию со дня рождения) // КЭТ. 1993. Вып. 1. С. 202–207.

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.

Станюкович Т.В. Л.Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1986. № 5. С. 81–91.

Степанова М.В. Алеш Хрдличка (Некролог) // ИВГО. 1944. Т. 76. Вып. 5. С. 282–283.

Степанова М.В. И.Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки (к столетию его экспедиции) // ИВГО. 1944а. Т. 76. Вып. 5. С. 277–279.

Степанова М.В. И. Вениаминов как этнограф // ТИЭ. Новая серия. 1947. Т. 2. С. 294–314.

Степанова М.В. Из истории этнографического изучения б. русских владений в Америке // СЭ. 1947а. № 3. С. 14–144.

Степанова М.В. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // Сборник МАЭ. 1949. Т. 11. С. 62–72.

Тезисы доклада В.Б. Аптекаря «Марксизм и этнография» // Этнография. 1929. № 2. С. 115–116.

Терюков А.И. Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Судьба собирателя) // КЭТ. 1993. Вып. 2–3. С. 254–265.

Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб., 2007.

Токарева Т.Я. Материалы по краниологии алеутов // Антропологический журнал. 1937. № 1. С. 57–71.

Толстов С.П. Доклады на совещании Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии. Итоги совещания по этногенезу народов севера // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 3–5.

Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1981.

Труфанов И.П. Кенайские томагавки из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. 24.). 1967. С. 85–92.

Уайт Л.А. Эволюция культуры и американская школа исторической этнографии // СЭ. 1932. № 3. С. 54–86.

Филимонова Е. Здесь между Америкой и Россией (интервью с Р.Г. Ляпуновой) // Алеутская звезда. 1988. № 72 (4721). С. 2.

Фрайкопф Г. Вселенная шамана. СПб., 1996.

[*Хорошаева И.Ф.*] Этнографическое изучение Латинской Америки в СССР // Латинская Америка в советских исследованиях. М., 1976. С. 134–161.

Чард Ч.С. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана // СЭ. 1962. № 5. С. 94–99.

Чард Ч.С. Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии // СЭ. 1967. № 2. С. 94–99.

Шангина И.И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20–30-х годов XX в. // ЭО. 1991. № 2. С. 71–80.

Шафрановская Т.К., Азаров А.И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Культура народов Индонезии и Океании (Сборник МАЭ. Т. 39). 1984. С. 5–25.

Шнакенбург Н. Пути сообщения Чукотского полуострова // *Arctica*. 1935. № 3. С. 163–177.

Шпринцин Н.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию в первой четверти XIX века // СЭ. 1936. № 1. С. 109–120.

Шпринцин Н.Г. «Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба» Г. Флоранса // СЭ. 1936а. № 6. С. 104–110.

[*Шпринцин Н.Г.*] Памяти В.Г. Богораза // СЭ. 1936б. № 4–5. С. 223–225.

Штейнен К. Среди первобытных народов Бразилии. М., 1935.

Штернберг Л.Я. Отчет по командировке на XVI Международный конгресс американистов в Вене // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 2. С. 1249–1266.

[*Штернберг Л.Я. и др.*] Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241–308.

[*Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф. и др.*] Музей антропологии и этнографии за 12-летие управления В.В. Радлова // Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. W.W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington; London, 1994.

Archaeological excavations at Kukulik, St. Lawrence Island, Alaska. Preliminary Report by Otto William Geist and F.G. Rainey. Washington, D.C. 1936.

Arktiset sivilisaatiot. Tampere, 2002.

Arte del pueblo Tlingit. Palma de Mallorca, 1996.

Anichtchenko E., Rogers J. Alaska's Submerged History: The Wreck of the *Kad'yak* = Подводная история Аляски: кораблекрушение *Кадьяка*. Anchorage, 2007.

Appeasing the Spirits: Alaskan Coastal Cultures / J. Oakes, R. Riewe. Toronto, 2004.

Averkieva J., Sherman M.A. Kwakiutl String Figures. Seattle, 1992.

- Aydeev A.D.* Aleutische Masken in den Sammlungen des Museums für Anthropologie und Ethnographie // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 1964. Bd. 20. S. 413–433.
- Bates C.D.* The California Collection of I.G. Voznesenski // American Indian Art Magazine. 1983. Vol. 8. N 3. P. 36–41.
- Berezkin Yu.E., Korsun S.A.* North America: Exhibition guide. SPb., 2008. (Series “Halls of Kunstkamera”).
- Birket-Smith K.* The History of Ethnology in Denmark // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1952. Vol. 82. P. 115–127.
- Black L.T.* Aleut Art. Anchorage, 1982.
- Black L.T.* Glory remembered. Wooden headgear of Alaska sea hunters. Juneau, 1991.
- Black L.T.* Aleut Art. Unangam Aguqaadangin. Anchorage, 2003.
- Blackburn T.C., Hudson T.* Time’s flotsam overseas collections of California Indian material culture. (Ballena Press anthropological papers. N 35). Santa Barbara, 1990. P. 149–152, 197–201.
- Blomkwist E.E.* Russian Scientist Expedition to California and Alaska, 1839–1849 // Oregon Historical Quarterly. 1972. Vol. 73. N 2. P. 101–170.
- Boas F., Hunt G.* Kwakiutl Texts (Memoirs American Museum of Natural History. Vol. V.). New York, 1902.
- Bogoras W.G.* The Eskimo of Siberia. The Jesup North Pacific Expedition (Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 8. Pt. III). New York, 1913.
- Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Ed. W.W. Fitzhugh., A. Crowell. Washington, D.C., 1988.
- Esperits del’ aigua. Art d’Alaska I la Columbia Britanica. Barcelona, 1999.
- Fild H.* Anthropology in the Soviet Union // American Anthropology. 1946. Vol. 48. N 3. P. 375–396.
- Golomshtock E.* Anthropological Activities in Soviet Russia // American anthropologist. New Series. Vol. 35. N 2 (April-June). 1933. P. 301–327.
- Guides to the National Museum. The Ethnographical department: Arctic peoples and American Indians. Copenhagen, 1955.
- Harper A.B.* William S. Laughlin: Anthropologist’s Anthropologist, 1919–2001 // To The Aleutians and Beyond. The Anthropology of William S. Laughlin / Eds. B. Frohlich, A.B. Harper, R. Gilberg (Publications of The National Museum of Denmark. Ethnographical Series, Volume 20). Copenhagen, 2002. P. 7–23.
- Hatt G.* Arktiske Skinddragter i Eurasien og Amerika. København, 1914.
- Hrdlička A.* The Aleutian and Commander islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945.
- Jonaitis A.* From the Land of the Totem Poles. The Northwest Coast Indian Art Collection at the American Museum of Natural History. New York, 2000.
- Kodiak, Alaska. Les masques de la collection Alphonse Pinart. Paris, 2002.
- Korsun S.A.* The Holdings Relating to the Tlingits in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg // Forum for Anthropology and Culture. 2004. N 1. P. 282–302.
- Krauss M.* Crossroads? A Twentieth-Century History of Contacts across the Bering Strait // Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. W.W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington; London, 1994. P. 365–379.
- Krupnik I.* Jesup Bibliography Tracking the Published and Archival Legacy of the Jesup Expedition // Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / Ed. I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington, D.C., 2001. P. 297–316.
- Krupnik I.* Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part I. From Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948 // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35. N 2. P. 199–226.
- Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 42) New York, 1948.
- Lieutenant Zagoskin’s travels in Russian America 1842–1844. The First Ethnographic and Geographic Investigations in the Yukon and Kuskokwim Valleys of Alaska / Ed. H.N. Michael. Toronto, 1967.
- Ljapunova R.G.* Problèmes de l’ethnogénèse des Aléoutes et de leur ethnographie // Inter-Nord. 1979. № 15. P. 99–115.

Ljapunova R.G. Ethnohistoire des Alèoutes des îles du Commandeur // *Inter-Nord*. 1982. N 16. P. 189–203.

Manizer H.H. Les Kainganges de San Paulo // *Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists* (1928). New York, 1930. P. 760–791.

Mathiassen T. Archeology collection from the Western Eskimos (Report Fifth Thule Expedition 1921–1924. Vol. X. N 1.). København, 1930.

Mikhailova E.A. Collections of the Native Peoples of the Russian Northeast in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography // *Anthropology of the North Pacific Rim* / Ed. W.W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington; London, 1994. P. 79–86.

Nelson N.C. Cultural relations in Asia and America // *American Antiquity*. 1937. Vol. II. P. 267–272.

Palast des Wissens. Die Kunst — und Wunder-Kammer Zar Peters des Grossen. Band 1. Katalog. München; Dortmund, 2003.

Preliminary Report, European Inventory Project. Juneau, 1982.

Rainey F.G. Archeology in Central Alaska (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. XXXVI. Pt. IV). New York, 1939.

Ray D. J. Aleut and Eskimo Art. Tradition and Innovation in South Alaska. Seattle; London, 1981.

Rudenko S.I. Culture of the Bering Sea and the Eskimo Problem. Toronto, 1961.

Russian America: The Forgotten Frontier / Ed. B.S. Smith, J. Barnett. Washington, D.C., 1990.

Russian Discoveries in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. A Collection of Materials. Trans. By C. Ginsburg / Ed. A.I. Andreev. Ann Arbor, 1952.

Russian penetration of the North Pacific Ocean. A Documentary Records. 1700–1797 // *The Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Records* / Ed. B. Dmytryshyn, E. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. Portland, 1988. Vol. 2.

Samuel Ch. The Raven's Tail. Vancouver, 1987.

Science Under Sail. Russia's Great Voyages to America, 1728–1867. Anchorage, 2000.

Siebert E., Forman W. Indianerkunst der amerikanischen Nordwestküste. Praha, 1967.

Siebert E., Forman W. North American Indian Art: Masks, Amulets, Wood Carvings and Ceremonial Dress from North-West Coast. London, 1967a.

Siebert E., Forman W. El arte de los indios norteamericanos de la Costa del Noroeste. Mexico, 1967b.

Siebert E.V. Northern Athapaskan collections of the first half of the nineteenth century // *Arctic Anthropology*. 1980. Vol. 17. N 1. P. 49–76.

Stephenson R.S. Clash of Empires: The British, French & Indian War 1754–1763. Pittsburg, 2006.

Spirits of the Water. Native Art Collected on Expeditions to Alaska and British Columbia, 1774–1910. Washington, 2000.

The Far North: 2000 Years of American Indian and Eskimo Art. Washington, D.C., 1973.

The Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Records / Ed. B. Dmytryshyn, E. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. Portland, 1985. Vol. 1.; 1988. Vol. 2; 1989. Vol. 3.

The Spirit sings. Artistic traditions of Canada's first peoples. A Catalogue of the Exhibition. Toronto, 1988.

The Spirit sings. Artistic traditions of Canada's first peoples. Toronto, 1988a.

Thompson J. Traditional Summer Clothing of the Dena'ina and the Gwich'in: Variations on the Theme // *Fascinating Challenges. Studying Material Culture with Dorothy Burnham / J. Thompson, J. Hall & L. Tepper, in collaboration D.K. Burnham* (Mercury Series. Canadian Ethnology Series. Paper 136.). Quebec, 2001. P. 17–66.

Thompson J. The Oldest Athapaskan Garment? // *Fascinating Challenges. Studying Material Culture with Dorothy Burnham / J. Thompson, J. Hall & L. Tepper, in collaboration D.K. Burnham* (Mercury Series. Canadian Ethnology Series. Paper 136.). Quebec, 2001a. P. 67–90.

Tlingit. Alte indianische Kunst aus Alaska. Zürich, 2001.

Unangam ungiikangin kayux tunusangin = Unangam uniikangis ama tunuzangis = Aleut tales and narratives. Collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson / Ed. K. Bergsland, M.L. Dirks. Fairbanks, 1990.

Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990.

VOKS. Ethnography, folklore and archaeology in the USSR. Moscow, 1933.

Wunderwelt Arktiks aus Kunstammer St. Petersburg. Erbach, 1996.

Zolotarev A.M. The Bear Festival of the Olcha // *American anthropologist*. 1937. Vol. 39. N 1. P. 113–130.

Zolotarev A.M. The Ancient Culture of North Asia // *American anthropologist*. 1938. Vol. 40. N 1. P. 13–23.

Zolotarevskaia I.A., Blomkwist E.E., Zibert E.V. Ethnographical Material from the Americas in Russian Collections // *Proceedings of the XXXII International Congress of Americanists*, 1956. Copenhagen, 1958. P. 221–231.